ISSN 2541-7673

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 11

2020

ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

Научно-практический журнал

№ 11 ℓ 2020

Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования

МОСКВА
2020

INSTITUT OF CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION

RUSSIAN ACADEMY OF NATURAL SCIENCES

PHILOSOPHICAL SCHOOL

Scientific and practical journal

№ 11 ◦ 2020

Publishing house
of Institute of Continuous Professional Education

Moscow
2020

МИССИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»:

объединение авторов, имеющих темы для содержательного дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в сфере сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

MISSION OF THE JOURNAL «PHILOSOPHICAL SCHOOL»:

uniting of authors who have themes for meaningful discourse, original research developments and problems for comprehensive discussion, reserve for philosophical inquiry and for comprehensive reflection of human and social being for the purpose of spiritual and moral perfecting of man through originative creative work in the matter of preserving and affirming the values of spiritual culture.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук, член Союза писателей СССР (Москва, Россия).

Члены редакционного совета:

АНТИПОВ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук (МВАК), академик Европейской академии естественных наук, первый проректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, сопредседатель попечительского совета Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России (Москва, Россия).

ВЕНГЕРОВ Алексей Анатольевич — доктор технических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации (Москва, Россия).

ЕРОМАСОВА Александра Анатольевна — доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Сахалинского государственного университета (Южно-Сахалинск, Россия).

ИВАНИЦКАЯ Лида Владимировна — кандидат технических наук, первый вице-президент и главный учёный секретарь Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

КРЕЙС Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии сухопутных войск Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Россия).

ЛАПИН Николай Иванович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (Москва, Россия).

ЛЕВИН Элизабета — доктор физико-математических наук, темпоролог, член ISST (International Society for the Study of Time), член Союза литераторов Европы, ведущая раздела темпорологии в Институте Интегративных Исследований (IRI) (Хайфа, Израиль).

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Философия науки и техники», научный руководитель философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

ЛИ Андрей Гендинович — доктор медицинских наук, кандидат технических наук, профессор, проректор по научной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

МАНДШИР Должин — кандидат философских наук, преподаватель Монгольского государственного университета (Улан-Батор, Монголия)

МОИСЕЕВ Александр Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, академик-секретарь отделения «Педагогические науки» Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

ПЕТРЯКОВ Александр Михайлович — доктор теологии, протоиерей, заведующий кафедрой Берлинского междисциплинарного университета им. Гёте (Москва, Россия).

РОСТОВА Наталья Николаевна — доктор философский наук, старший преподаватель кафедры философской антропологии проблем комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

СКОРОБОГАТОВА Елена Анатольевна — доктор психологических наук, кандидат экономических наук, академик Европейской академии естественных наук, проректор по международной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

СМИРНОВ Сергей Алевтинович — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии Сибирского отделения Российской академии наук проектный аналитик,

главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU»; эксперт ВАК, РНФ, РФФИ (Новосибирск, Россия).

СПИРОВА Эльвира Маратовна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, заместитель главного ректора журнала «Философия и культура», главный редактор журнала «Философская мысль» (Москва, Россия).

ТРУФАНОВ Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств (Самара, Россия).

ТЯНЬЮЕ Ву — доцент отдела философии, заместитель директора Центра исследования древнего мира и средних веков Пекинского университета (Пекин, Китай).

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного факультета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — доктор философских наук (МВАК), кандидат педагогических наук, профессор, ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, научный руководитель Европейского Центра исследования гениальности (Берлин, Германия), главный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ШАЖИНБАТ Ариунаа — доктор философских наук, профессор, директор Института философии Монгольской академии наук (Улан-Батор, Монголия).

ШАПОВАЛОВ Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, первый проректор Института Непрерывного Профессионального Образования (Сочи, Россия).

ШЕЙКИН Владимир Александрович — проректор по связям с общественностью Института Непрерывного Профессионального Образования (Москва, Россия).

ЩЕРБИНИН Владимир Викторович — доктор химических наук, доктор философии в области медицины, профессор, заведующий кафедрой «Исследования вопросов творческого долголетия» Берлинского междисциплинарного Университета имени Гёте, академик Европейской Академии Естественных наук (Москва, Россия).

РЕДАКЦИЯ:

Шеф-редактор — **АНТИПОВ Сергей Сергеевич**
Главный редактор — **ЧЕРНОВ Сергей Васильевич**
Председатель редакционного совета — **ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович**
Ответственный секретарь — **СПИРОВА Эльвира Маратовна**
Заместитель главного редактора — **ШЕЙКИН Владимир Александрович**
Литературный редактор — **ЧЕРНОВА Надежда Михайловна**

EDITORS COUNCEL

Chairman of the Council of Editors:

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Grand PhD in Philosophical sciences, Grand PhD in Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, Professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

Members of the Council of Editors:

ANTIPOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, academician of European Academy of Natural Sciences, first vice-rector in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, co-chairman of the board of trustees in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, secretary of the Board of the Moscow regional branch of the Russian Writers' Union (Moscow, Russia).

WENGEROV Alexey — Grand PhD in Engineering sciences, Professor, academician in Russian Academy of Natural Sciences, Russian Federation Government award winner (Moscow, Russia).

EROMASOVA Alexandra — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Psychological sciences, associate professor, professor in Department of Psychology of the Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia).

IVANITSKAYA Lida — PhD in Technical sciences, first vice president and chief scientific secretary in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

KREYS Vladimir — PhD in Historical sciences, Professor of department of humanitarian and social-economic sciences in Academy of land forces of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (Moscow, Russia).

LAPIN Nikolay — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, corresponding member in Russian Academy of Sciences, head of the Center for the research of Socio-Cultural changes in Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

LEVIN Elizabetha — Grand PhD in Physical and Mathematical Sciences, temporologist, member of the ISST (International Society for the Study of Time), member of the European Union of Writers, leading the section of Temporology at the Institute for Integrative Studies (IRI) (Haifa, Israel).

LECTORSKIY Vladislav — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, full member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief Editor of the «Philosophy of Science and Technology», scientific director of philosophical faculty in the State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

LEE Andrey — Grand PhD in Medical sciences, PhD in Engineering sciences, professor, vice-rector for scientific work of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität. (Moscow, Russia).

MANDSHIR Dolzhin — PhD in Philosophical sciences, teacher in Mongolian state university (Ulaanbaatar, Mongolia).

MOISEEV Alexander — Grand PhD in Pedagogic sciences, Professor, academician-secretary in department "Pedagogical sciences" of Russian Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

PETRYAKOV Alexander — Grand PhD in Doctor of Theological sciences, priest. (Moscow, Russia).

ROSTOVA Natalya — Grand PhD in Philosophical sciences, senior lecturer in the Department of philosophical anthropology of the problems of integrated study of man, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SKOROBOGATOVA Elena — Grand PhD in Psychological sciences, PhD in Economic sciences, academician in European Academy of Natural Sciences, vice-rector for international affairs of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität (Moscow, Russia).

SMIRNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, associate professor, leading researcher in Institute of Philosophy in Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; project analyst, editor-in-chief of the humanitarian almanac "Human.RU"; Expert of the Higher Attestation Commission, the Russian Science Foundation, the Russian Foundation for Basic Research (Novosibirsk, Russia).

SPIROVA Elvira — Grand PhD in Philosophical sciences, chief researcher, head of department of history of anthropological studies of Institute of Philosophy in Russian Academy of Sciences, Assistant editor-in-chief in journal "Philosophy and Culture", editor-in-chief in journal "Philosophical thought". (Moscow, Russia).

TRUFANOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, associate professor, associate professor in Department of Philosophy and Political Science in Samara State Academy of Culture and Arts (Samara, Russia).

TYANUYE Wu — associate professor in the Department of Philosophy, deputy director of the Center for the Study of the Ancient World and Middle Ages of Peking University (Beijing, China).

FATENKOV Alexey — Grand PhD in Philosophical sciences, professor of the department of Industrial and Applied Sociology in Lobachevsky StateUniversity of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

CHERNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Pedagogic sciences, Professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, scientific director of the European Center for Genius Research (Berlin, Germany), editor-in-chief in journal "Philosophical school". (Moscow, Russia).

SHAZHINBAT Ariunaa — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia)

SHAPOVALOV Vladimir — Grand PhD in Pedagogic sciences, PhD in Psychological sciences, Professor, first vice-rector of Institute of Continuous Professional Education (Sochi, Russia).

SHEYKIN Vladimir — vice-rector for public relations of Institute of Continuous Professional Education. (Moscow, Russia).

SHCHERBININ Vladimir — Grand PhD in of Chemical Sciences, Professor, head of the Department "Research on the issues of creative longevity" of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität academician in European Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

EDITORS:

Editorial director — **ANTIPOV Sergey Sergeevich**
Editor-in-chief — **CHERNOV Sergey Vasil'evich**
Chairman of the Council of Editors — **PEKELIS Michael Abramovich**
Executive secretary — **SPIROVA Elvira Maratovna**
Assistant editor-in-chief — **SHEYKIN Vladimir Alexanderovich**
Literary editor — **CHERNOVA Nadezhda**

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА
С. В. Чернов
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНОГО ОБЛИКА Л.Н. ТОЛСТОГО
В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.А. БЕРДЯЕВА 10

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ
Т. В. Наумова
РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ 16

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
А. А. Стерхов, Е. В. Гущина
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ 25

ПАРАДОКСЫ КУЛЬТУРЫ
Р. Э. Лильеберг
СТЁБ КАК НОВЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ ТРИГГЕР И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ 34

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА
Л. Г. Антипенко
О ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ГЁДЕЛЕВЫХ ТЕОРЕМ НЕПОЛНОТЫ 49

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ
С. В. Чернов
ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ ГЕНИЯ. ИСКАТЕЛИ СОВЕРШЕНСТВА.
Часть IV: БЛЕЗ ПАСКАЛЬ 56

Элизабета Левин
БЕЛЫЙ — БЛОК: НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ И ТРЁХ СТИХИЙ 73

ШКОЛА ТВОРЧЕСТВА
Н. Г. Герасимов
СИНЕРГИЯ СОТВОРЧЕСТВА 89

ФИЛОСОФСКИЕ ВСТРЕЧИ
А. А. Воронин
ВОЛЯ К МЫСЛИ 95

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ
М. Ф. Лановский
СИМПОЗИУМЫ ПО ФИЛОСОФИИ СПОРТА В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ РАН:
ОБЗОР 103

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ
И. А. Кононов
БОМЖИ И БУРЖУИ 110

Н. М. Чернова
СТИХОТВОРНАЯ ПАЛИТРА 119

Б. Т. Чувин
ФОРМУЛА КРАСОТЫ 124

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 128
ABOUT THE AUTHORS 129
КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА» 130
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ 131

CONTENT

EDITORIAL COLUMN
S. V. Chernov
SPIRITUAL TRANSFORMATION OF L.N. TOLSTOY
IN N.A. BERDYAEV'S CREATIVE HERITAGE 10

SOCIOLOGY OF SCIENCE
T. V. Naumova
REALITIES OF MODERN RUSSIAN SCIENS 16

SOCIAL PHILOSOPHY
A. A. Sterkhov, E. V. Gushchina
SOCIAL PHILOSOPHY OF MODERN YOUTH 25

PARADOXES OF CULTURE
R. E. Lilleberg
BANTER AS A NEW SEMIOTIC TRIGGER AND THE PROBLEM OF IDENTITY 34

PHILOSOPHY AND SCIENCE
L. G. Antipenko
ON THE PHILOSOPHICAL AND WORLDVIEW VALUE OF GÖDEL INCOMPLETENESS THEOREMS 49

CALLED FOR CREATIVITY
S. V. Chernov
IMAGE OF THE IDENTITY OF THE GENIUS. SEEKERS FOR PERFECTION.
Part IV: BLAISE PASCAL 56

Elizabetha Levin
BELY — BLOK: BETWEEN TWO EPOCHS AND THREE ELEMENTS 73

SCHOOL OF CREATIVITY
N. G. Gerasimov
SYNERGY OF COMPETITION 89

PHILOSOPHICAL MEETINGS
A. A. Voronin
THE WILL TO MIND 95

SCIENTIFIC EVENTS
M. F. Lanovsky
SYMPOSIA ON THE PHILOSOPHY OF SPORT IN THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY RAS:
REVIEW 103

LITERARY AND POETIC PAGES
I. A. Kononov
HOMELESS AND BOURGEOIS 110

N. M. Chernova
POETRY PALETTE 119

B. T. Chuvin
BEAUTY FORMULA 124

ABOUT THE AUTHORS (RUSSIAN) 128
ABOUT THE AUTHORS (ENGLISH) 129
CONCEPT OF THE JOURNAL "PHILOSOPHICAL SCHOOL" 130
INFORMATION FOR AUTHORS 131

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

С. В. Чернов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНОГО ОБЛИКА Л. Н. ТОЛСТОГО В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

Аннотация. *В литературе, освещающей представление Н. А. Бердяевым религиозно-философского учения и духовного облика Л. Н. Толстого, до сих пор преобладает искажённое мнение об интеллектуально-творческом отношении Бердяева к Толстому. Так, например, в книге «Л. Н. Толстой: pro et contra, антология», изданной в серии «Русский путь» в 2018 году, сказано буквально следующее: «Бердяев сделал достаточно много, чтобы Толстого-мыслителя (каковое качество он за ним не признавал) не забывали, но и не читали. Имя Толстого не сходит со страниц книг Бердяева — всегда в неизменно критическом контексте» [6, с. 898]. Такое и многие подобные замечания создают исключительно ложное представление о духовной связи и творческой преемственности этих двух выдающихся русских мыслителей. Поэтому наша небольшая статья и имеет целью восстановить истинное представление о религиозно-философском учении и духовном облике Л. Н. Толстого, которое мы находим в творческом наследии Н. А. Бердяева. В статье представлена трансформация взглядов Бердяева на соответствующий предмет более чем за 30 лет его творческой деятельности: с 1912 по 1947 годы.*

Ключевые слова: *творческий облик Л. Н. Толстого, религиозно-философское учение, творческое наследие Н. А. Бердяева, творческий и нравственный гений Толстого, религиозный опыт, Ветхий и Новый Заветы, великий правдолюбец, учение о непротивлении злу насилием, правда-истина любви, миссия духовного Учителя жизни.*

S. V. Chernov

SPIRITUAL TRANSFORMATION OF L. N. TOLSTOY IN N. A. BERDYAEV'S CREATIVE HERITAGE

Summary*. A distorted opinion about N. A. Berdyaev's intellectual-creative attitude to L. N. Tolstoy still prevails in the literature covering Berdyaev's ideas about religious and philosophical doctrine and spiritual appearance of Tolstoy. So, for example, book «L. N. Tolstoy: pro et contra, an anthology», published in the Russian Way series in 2018, literally says the following: "Berdyaev did enough so that Tolstoy-thinker (which quality he did not recognize for him) is not forgotten but also not read. The name of Tolstoy does not descend from the pages of Berdyaev's books — always in an invariably critical context" [6, p. 898]. Such and many similar remarks create an extremely false idea of the spiritual connection and creative continuity of these two prominent Russian thinkers. Therefore, our short article aims to restore the true idea of religious and philosophical doctrine and the spiritual appearance of L. N. Tolstoy, which we find in the creative heritage of N. A. Berdyaev. The article presents the transformation of Berdyaev's views on the subject in more than 30 years of his creative activity: from 1912 to 1947.*

Key words*: creative image of Tolstoy, religious and philosophical doctrine, Berdyaev's creative heritage, creative and moral genius of Tolstoy, religious experience, Old and New Testaments, great truth-seeker, doctrine of non-resistance to evil, true of love, mission of the spiritual Master of life.*

© С. В. Чернов

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11101

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Жизнь Л. Толстого — гениальный факт в жизни России. А всё гениальное — провиденциально. Знаем мы также, что без Л. Толстого Россия немыслима и что Россия не может от него отказаться. <…>
И факт существования Л. Толстого имеет бóльшее значение для судьбы России, чем государственное её могущество.

Николай Александрович Бердяев

В 1912 году Н. А. Бердяев подготовил и опубликовал достаточно объёмную (*ок. 1,5 а.л.*) статью *«Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого»,* где автор подвергает углублённому исследованию религиозное сознание Л. Толстого. Как говорит сам автор, взяться за перо его побудили очень веские причины, ставящие целью опровержение как либерально-радикальных, так и консервативно-реакционных авторов, анализирующих творчество Великого Толстого с точки зрения утилитарно-тактической и тем самым глубоко «оскорбляющих гениального человека». «Жизнь Л. Толстого, — пишет Н. А. Бердяева, — его искания, его бунтующая критика — явление великое, мировое; он требует оценки sub specie[1] вечной ценности, а не временной полезности» [1, с. 243] — Чем и грешит большая часть критики религиозно-философского учения Л. Толстого, с которой и был знаком Бердяев.

Надо сказать, что это первое произведение Бердяева о Толстом было во многом навеяно трактатом Д. С. Мережковского *«Л. Толстой и Достоевский»* (1895–1900) и поэтому оказалось не лишённым того узко-одностороннего убеждения Мережковского, для которого Толстой всегда был и оставался «ясновидцем плоти», в отличие от Достоевского, которого Мережковский любовно величает «ясновидцем духа». В свою очередь Бердяев, вполне чувствуя такую односторонность и, можно даже сказать, зашоренность взгляда Мережковского в его видении Толстого, и пытаясь исправить эту ошибку «ограниченной схемы Мережковского», даёт свою трактовку духовной зрелости Толстого, называя его «ясновидцем душевно-телесной сферы бытия» [там же, с. 245].

Позднее взгляды Бердяева в отношении религиозно-философского творчества Толстого претерпят существенную трансформацию, однако в этой статье, он недалеко отойдёт от общих представлений о слабости и поверхностности религиозно-философской мысли Толстого. Послушаем самого Бердяева: «Прежде всего, нужно сказать о Л. Толстом, что он — гениальный художник и гениальная личность, но он не гениальный и даже не даровитый религиозный мыслитель. Ему не дано было дара выражения в слове, изречения своей религиозной жизни, своего религиозного искания. В нём бушевала могучая религиозная стихия, но она была бессловесной. Гениальные религиозные переживания и недаровитые, банальные религиозные мысли!» [там же, с. 244]. Итак, признавая за Толстым очень глубокие религиозные переживания, которые, увы, не приходят человеку без глубокого религиозного опыта, Бердяев, вместе с тем, лишает Толстого способности вербализовать и выразить в тексте глубину этого своего религиозного опыта.

В тот период (1912 год) Бердяеву минуло 38 лет. Это уже достаточно зрелый человек, имеющий уже немалый жизненный опыт революционной борьбы и ссылки, и уже более чем 10-летний опыт писательской деятельности, а также немалый опыт ведения политической полемики и философского дискурса; но имеющий при этом ещё совсем *малый опыт религиозной жизни и религиозных переживаний*[2]. Выдающийся *дар Бердяева как мыслителя,* который мы по-настоящему узна́ем только после его книги *«Смысл творчества»* (1912–1916), находится пока на начальном этапе своего становления. И поэтому его возможность понимания религиозно-философского учения Толстого остаётся пока не столь высокой, каковой она станет много позже.

Нетрудно видеть, что *самое то,* что Бердяев называет здесь «банальными религиозными мыслями» Толстого есть на самом деле ни что иное, как самая настоящая его, Толстого, г*ениальная наивность,* которой, с точки зрения Иисуса Христа, наделены *исключительно и только* дети: «…истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (*Мф. 18: 3*).

Мысль о *гениальности* само́й этой *наивности* мы находим и у А. Ф. Лосева, который, анализируя представление Фридриха Шиллера о наивном, находит в самом *наивном, по Шиллеру* «…следующие три существенные черты. Оно есть 1) *идея, данная как природа.* В ней мы видим 2) *превосходство идеи над внешним выражением.* 3) *В нас оно вызывает усмешку, соединённую с уважением к нему и с грустью по поводу нашего собственного несовершенства в сравнении с ним»* [7, с. 16–17].

[1] *sub specie* — с точки зрения, *лат*.

[2] Религиозное, православное перерождение Бердяева, самое начало этого перерождения, свершившееся не без влияния С. Н. Булгакова, исследователи связывают с серединой первого десятилетия XX века.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11101
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

В этих трёх существенных чертах нетрудно увидеть самобытно-гениальное свойство *категории наивного.* Позже Бердяев очень ясно увидит и отчётливо поймёт мощную *духовную силу* этой *гениальной наивности Толстого,* позволяющей последнему ясно провúдеть то, что оказывается скрытым от всех других людей. Но которые берут на себя смелость свысока, уничижительно, питая свою гордыню, критиковать этого великого мыслителя, до понимания которого они просто духовно не созрели. К сожалению, большая часть всех на свете критик питается преимущественно патологической гордыней критикующих.

В названной статье Бердяев проводит, как нам представляется, одну основную идею, суть которой сводится к следующему. Религия Л. Толстого носит Ветхозаветный характер, он исповедует религию Отца, религию закона, но не принимает благодатную религию Нового Завета, которая оказалась закрытой для Толстого по той причине, что сам мыслитель находился в жёстких тисках своего рационально-мощного, но исключительно негибкого разума. В совершенстве поняв учение Христа, Толстой, как полагает Бердяев, не понимает Иисуса Христа как Бога Сына: «Для Толстого существует не Христос, а лишь учение Христа, заповеди Христа… Он слышит заповеди Христа и не слышит Самого Христа» [1, с. 248]. Толстой не признаёт мистику Евангелий и потому решается на их ревизию, выразившуюся в собственном оригинальном их переводе. Будучи уже в достаточно пожилом возрасте, Толстой специально и практически с нуля изучил греческий язык именно для того, чтобы самостоятельно осуществить перевод всех четырёх Евангелий.

Итак, по Бердяеву образца 1912-го года: «В Л. Толстом ветхозаветная религия закона восстала против новозаветной религии благодати, против тайны искупления. <…> Л. Толстому кажется лёгким исполнить до конца, собственными силами закон Отца, потому что он не чувствует и не знает зла и греха. Не ведает иррациональной стихии зла, и потому не нужно ему искупление, не хочет знать он Искупителя. <…> Его… сознание не допускает существования двух миров: мира природного — имманентного и мира божественного — трансцендентного. <…> У Толстого было могучее богочувствование, но слабое богосознание, он стихийно пребывает в Отчей Ипостаси, но без Логоса» [1, с. 249–252]. Толстой, по Бердяеву, *безусловно верит* в силу и непогрешимость разума, но он не знает различия между разумом *отпавшим* от Божественного Разума и разумом, *соединённым* с Разумом Божественным и потому *этот душевный и плотский ясновидец не видит Лика.* В этом и полагает Бердяев слабость и ложь религиозно-философских построений Л. Н. Толстого.

Надо сказать, что это представление Бердяева о духовном миросозерцании Л. Толстого не отличается особой оригинальностью от мнений многих других представителей русской творческой интеллигенции этого предвоенного (до 1914 года) периода.

Если теперь посмотреть на 20–25 лет позже рассматриваемого периода, то мы, к нашему глубокому удовлетворению, обнаружим резкую, если не сказать, кардинальную смену духовного отношения Н. Бердяева к Л. Толстому.

Так, в дневнике жены философа — Лидии Бердяевой мы обнаружили следующее высказывание Бердяева о Толстом, где явно просматривается не просто новое видение, но *более глубокое и ясное понимание мыслителя Толстого мыслителем Бердяевым*. Вот эта выписка из дневника, о которой идёт речь:

> «*Ник. Бердяев:* Всюду одно и то же! Всюду ложь! Ты знаешь (обращается к жене — *С.Ч.*), в последнее время меня преследует эта мысль: ложь! Всюду ложь! И как трудно жить тому, кто это видит! Вот почему мне теперь так близок Толстой.
> *Лид. Бердяева:* Я думаю, что большинство людей живут и действуют вполне искренно, а лживы те, которые во имя своих интересов и целей прикрываются и религией, и политикой, и моралью.
> *Ник. Бердяев:* Но как трудно жить тому, кто слишком хорошо всё это видит» [5, с. 27].

Из этого разговора Бердяева с женой следует. *Первое*. Бердяев принципиально изменил своё отношение к Толстому и как к мыслителю, и как к человеку. *Второе*. Бердяев воистину понял *истинную правду* Толстого, не просто видевшего, но и вечно *несущего,* подобно Сизифу, *груз понимания лживой магии зла,* с одной стороны, и *тайной мистики истины-справедливости* и *истины-любви* — с другой. Причём, видел всё это Лев Толстой не только в сияющем факеле рационального разума, но и в мистико-метафизическом пламени животрепещущего Духа Истины, каковым Толстой последних дней своей жизни и видел, возможно, самого Иисуса Христа.

Духовная оценка личности и учения Л. Толстого с течением времени претерпевает у Бердяева значительные трансформации, что, в частности, можно видеть в труде Н. А. Бердяева *«Русская идея»,*

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11101

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

вышедшем из печати в Париже в 1946 году. Здесь уже отсутствуют представления о «язычестве», «рационализме», «пантеизме» Толстого, — все те *"измы",* которыми «грешила» первая и другие [3] статьи Бердяева. Здесь, напротив, Бердяев даёт очень ясное и вполне отчётливое представление о глубине творческого *гения Толстого* и раскрывает то духовно-нравственное значение, которое *гений Толстого* и его учение имели для русского духа и русского самосознания: «Высокая оценка Толстого в истории русской идеи… — пишет Н. А. Бердяев, — должна быть связана с его личностью в целом, с его путём, его исканием, с его критикой злой исторической действительности, грехов исторического христианства, с его жаждой совершенной жизни» [2, с. 206].

Бердяев выражает вполне закономерное сомнение в праведности и религиозной истинности отлучения Толстого: «Большой вопрос — пишет Бердяев, — можно ли признать Синод органом церкви Христовой и не был ли он скорее органом царства кесаря. Отказаться от Льва Толстого — значило отказаться от русского гения, в конце концов отказаться от русского призвания в мире» [там же]. Разве можно считать праведным и религиозно-законным решение Синода в отношении человека, который сам не говорил и не делал того, чего бы не делал сам Иисус Христос? Разве не Сам Христос оставил завет «не судите, да не судимы будете», разве не Сам Христос являет образец всепрощения как для раскаявшегося на кресте разбойника, так и для блудницы, не остывшей ещё от греха? И в этой связи, правомерно ли решение Синода в отношении человека, который вывел истинно-религиозно-праведный образ юродивого Гриши (*«Детство»*), раскрыл онтологию греха в повести *«Отец Сергий»* и представил истину покаяния в своём романе *«Воскресенье»*? Были ли на тот или другой исторический момент в русской духовной культуре другие, кроме Толстого, люди, способные так искренно, праведно и самозабвенно отразить в художественно-религиозной форме Заветы Самого Христа?

В *«Русской идее»* Л. Толстой представлен Бердяевым как истинный *русский гений,* который, в отличие от *гения западноевропейского,* всегда обуреваемого идеей сверхчеловека, наоборот, обладает невероятно сильным чувством греха и, потому, поднявшись на самую вершину творческого горения, «бросается вниз и хочет слиться с землёй и народом», и отнюдь «не хочет быть привилегированной расой». Бердяев находит очень ёмкие, выпуклые и правильные слова для представления образа гениальной личности Толстого, — *характерологии нравственного и творческого гения Толстого:*

> «Л. Толстой с небывалым радикализмом восстаёт против неправды и лжи истории, цивилизации, основ государства и общества. Он обличает историческое христианство, историческую церковь в приспособлении заветов Христа к закону этого мира, в замене Царства Божьего царством кесаря, в измене закону Бога. У него было потрясающее чувство вины, вины не только личной, но и того класса, к которому он принадлежал. Древний аристократ по рождению, настоящий грандсеньор, он не может вынести своего привилегированного положения и всю жизнь с ним борется. Такого отречения от своего аристократизма, от своего богатства и, в конце концов, от своей славы Запад не знал. Толстой… не умел осуществить своей веры в жизни и сделал это лишь в конце жизни своим гениальным уходом» [там же, с. 127].

Этим своим уходом Л. Толстой вполне оправдал свою *особую миссию,* которую он упорно и терпеливо нёс всю свою жизнь не только *после,* но и *до* своего религиозного обращения. — Он «заставил христианский мир задуматься над своей нехристианской, полной лжи и лицемерия жизнью» [1, с. 247]. А ведь нет лучшего метода воспитания, чем личный, достойный подражания, пример. И Лев Николаевич Толстой, подобно Иисусу Христу, на закате жизни также взошёл на свою *Голгофу*.

В следующей своей книге *«Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»* (1947) в главе, посвящённой явлению войны, Бердяев вновь обращается к умозрению гениального Толстого, к его учению о непротивлении злу насилием — к той части религиозно-нравственного учения Толстого, которая всегда вызывала целый вал нелицеприятной и даже жестокой критики, нередко сопровождаемой угрозами[1]. Если раньше, как мы видели в ранних работах Бердяева, он сам плохо понимал это учение, и не находил других слов, кроме слов сугубо критических, то теперь он сам утверждает, что учение Толстого «о непротивлении злу насилием, его отрицание закона мира во имя закона Бога глубже, чем думают, его плохо понимают» [4, с. 421]:

> «Л. Толстой хочет, — пишет далее Бердяев, — чтобы царствовал закон Бога, а не закон мира, закон

[1] И в этом нет ничего удивительного, ведь пока созидатели трудятся, приращивая бытие, то бездельники-разрушители, подобно бешеным псам, исходят ядовитой от злобы слюной.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11101
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

> любви, а не закон насилия. В этом он свято прав. Но как этого достигнуть? Окончательное торжество того, что он называет законом Хозяина жизни, означает преображение мира, конец этого мира, этой земли и начало нового мира, новой земли. <…> Настоящее величие Л. Толстого было в его обличении неправды и ничтожества всякого величия в этом мире. Ничтожно и жалко всякое величие мира: величие царской власти, знатного рода, величие военное или величие богатства, роскоши, величие Юлия Цезаря и Наполеона. Это есть величие падшего феноменального мира, не возвышающегося до ноуменального значения. <…> Не только религиозно-нравственные трактаты Л. Толстого, но и "Война и мир" полна обличениями лжи этого мира, лжи истории и цивилизации» [там же, с. 422–423].

Главная идея Толстого, по Бердяеву, несмотря на все его, Толстого, отходы от церковных догматов, вполне согласуется с одной из главных идей *Нового Завета* о том, что Заветы Христа невозможно приспособить, подогнать, к реалиям падшего до́льнего мира, а Высшее Царство Духа не может быть приспособлено к низшим законам царства кесаря. «Я есмь свет мира… и свет человеков» — возвестил Христос, и тем самым дал человеку *три* самые главные *духовные силы* «всё связующие и всё содержащие»: *веру, надежду* и *любовь,* а «больше же всех любовь, ибо ею именуется Бог» (*1 Кор 13: 13*).

А ведь именно о любви, о всех её многочисленных проявлениях, о всех её многообразных формах, о всех её самых глубоких и мощных трансформациях, только о любви постоянно говорил и постоянно писал во всех своих произведениях Лев Толстой: и в произведениях художественно-литературных, и в произведениях религиозно-философских, и в произведениях публицистических. Именно поэтому Н. А. Бердяев, — наконец очень хорошо понявший Льва Толстого, как духовного проповедника, несущего *правду-истину любви,* — называет Толстого «великим правдолюбцем» и «самым правдивым писателем в необыкновенно правдивой русской литературе XIX века» [2, с. 128].

Таким образом, во второй половине своего творческого пути Н. А. Бердяев, судя по его мыслям об учении Л. Н. Толстого и его духовном облике, признаёт, наконец, за Толстым его *особую миссию проповедника — духовного Учителя жизни.* Ту самую миссию, которая была возложена Божьим промыслом и на самого Бердяева.

Выводы

Результаты настоящего исследования со всей очевидностью показывают, что оказываются абсолютно неправыми те современные критики, которые на основе лишь ранних произведений Н. А. Бердяева, неправомерно видят в нём исключительно жёсткого критика Л. Толстого, но при этом не замечают самого главного — *духовного родства* этих двух выдающихся русских мыслителей, каждый из которых, по-своему, очень специфически, но по-настоящему правоверно и благодатно, *приращивал духовное бытие,* готовя, по сути, наступление *богочеловеческой эпохи духовного преображения человека.*

И Лев Толстой и Николай Бердяев в своей духовной жизни выступают как своеобразные близнецы: и тот и другой *находят в своей личности и себя и Бога* и тем самым обретают ту вечно-неразрушимую основу, которая преобразует каждого из них в Человека Духовного[1].

[1] Понятие *«духовный человек»* было раскрыто нами ранее в [8, с. 32–33].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11101

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra, антология. — 2-е изд. — СПб.: НОКО: РХГА, 2018. — С. 243–263.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. — М.: Эксмо, 2008. — (Антология мысли). — С. 11–256.
3. *Бердяев Н.А.* Три юбилея: Л. Толстой, Генрих Ибсен, Н. Федоров // «Путь», 1928, июнь. — С. 76–82.
4. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. — С. 341–498.
5. *Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. — М.: Мол. Гвардия, 2002. — 262 с.
6. *Л. Н. Толстой*: pro et contra, антология. — 2-е изд. / Сост., вступ. Статья, комментарии К. Г. Исупова. — СПб.: НОКО: РХГА, 2018. — 980 с.
7. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. — М.: Издательство «Мысль», 1993.
8. *Чернов С.В.* Идея гениальности в свете богочеловеческой антропологии // Философская школа — 2019. — № 9. — С. 30–41.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11101
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Т. В. Наумова

РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Аннотация. *За почти 30 лет преобразований и перемен в российской науке произошли существенные изменения. Её функционирование и развитие характеризуется как позитивными явлениями, так и негативными. Изменилась и проблематика исследований науки. В течение всех постсоветских лет социальным проблемам науки посвящено немало статей и публицистических работ. Однако этот вопрос не получил достойного освещения в научной литературе. Поэтому нами более полно, чем в существующих работах, проанализированы те явления, которые присущи развитию современной российской науки. Мы будем рассматривать науку как один из важных социальных институтов, представляющих собой профессиональное сообщество ученых, деятельность которых происходит в особых организационных формах. Наше внимание будет сосредоточено на той стадии развития науки, которая приходится на время распада СССР и становления новой России. В статье рассматривается такая важная часть науки, как социальные и культурные статусы науки и учёных в современной России, определенное внимание уделяется вопросам пополнения науки как сферы деятельности, и академии наук как ведущего научного учреждения страны; анализируются ценностные ориентиры в науке; выясняются позиции российской науки в мировом научном сообществе. В научной разработке этой темы мы опирались на современный уровень теоретических знаний о науке, социологический материал и анализ реальных процессов, происходящих в отечественной науке. Для того чтобы провести социально-экономические, политические и культурные преобразования, основанные на эффективном использовании науки, нам необходимо избежать тех потерь, которые ныне сопровождают её развитие.*
Ключевые слова: *государство, бизнес, статус учёного, престиж учёного, научные степени, научные звания, возраст учёных, социальные роли, социогуманитарная наука, авторитет науки.*

T. V. Naumova

REALITIES OF MODERN RUSSIAN SCIENS

Summary*. Science develops in a certain social context. Society is changing, and science is changing. Over the past 30 years, significant changes have occurred in Russian science. There were both positive and negative phenomena in science. Some of them are exclusively Russian phenomena. Other phenomena are inherent not only in our science, but also in the world science. In this article, we analyzed the phenomena that are inherent in the development of modern Russian science. Science is one of the most important social institutions, which is a professional community of scientists whose activities take place in special organizational forms. In the scientific literature, several periods (stages) are distinguished in the history of Russian science. Our attention is focused on the stage of its development, which falls at the time of the collapse of the USSR and the formation of a new Russia. The article discusses the social and cultural status of science and scientists in modern Russia, some attention is paid to the issues of addition of science as a sphere of activity, and the work of the Academy of Sciences as a leading academic institutions in the country; analyzed values in science; clarified the position of Russian science in the international scientific community. We relied on the current level of theoretical knowledge about science, sociological material and analysis of real processes taking place in Russian science. In order to carry out socio-economic, political and cultural transformations based on the effective use of science, we need to avoid the losses that now accompany its development.*
Key words*: state, business, status of a scientist, authority of the scientific profession, scientific degrees, scientific titles, age of scientists, social roles, social science and humanities, authority of science.*

© Т.В. Наумова

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Развитие современной отечественной науки тесно связано с тем как финансируется наука. Между тем с начала 1990-х гг. ассигнования в науку уменьшаются. Так, с 2014 г. по 2016 г. вложения в науку из средств государства сократились с 437,3 млрд руб. до 285,8 млрд руб. В результате ныне расходы на науку у нас составляют всего 1,3% национального дохода, что более чем в полтора раза ниже среднего уровня, существующего в мире. Расходы, выделяемые государством на науку, столь малы, что не способствуют ее нормальному развитию. По показателю общего объема государственных инвестиций в научные исследования нас опережают такие крупные государства, как Франция, США, Германия, где затраты на исследования и разработки составляют 2,26; 2,74; 2,9% ВВП. Академическое научное сообщество настаивает на том, чтобы к 2024 г. (300-летию Российской академии наук) доля науки в структуре ВВП составляла не менее 2% [3, с. 714].

Одним из важных показателей развития науки являются затраты на одного научного сотрудника. У нас на одного сотрудника в год в среднем выделяется 1,3 млн руб. Между тем, по расчетам акад. РАН Э.М. Галимова, для нормального финансирования академических исследований нужно выделять на науку 3 млн руб. в год [4, с. 210]. Согласно экспертным расчетам, для того чтобы к 2020 г. сократить отставание от среднемирового показателя с 3-х до 2-х раз, необходимо ежегодно увеличивать затраты на одного исследователя в размере не менее 20% [13, с. 63].

Вопрос финансирования науки государством тесно связан с экономическим ростом в стране (в свою очередь экономический рост возможен только при наличии научного развития страны), а экономика у нас все еще находится в тяжелом положении. Однако у государства должны найтись средства на решение исследовательских проблем. Как отмечал в свое время Ленин, «заплатить ученым лишка за науку не только стоит, но и теоретически необходимо» [15, с. 165].

В новых российских реалиях помимо государства другие социальные институты взяли на себя решение проблем функционирования и развития науки. В современной России возродилась характерная для дореволюционного прошлого традиция частной поддержки науки. Она является следствием того ценного, что накоплено и сохранено в процессе развития науки, элементом социального и культурного развития страны, одной из важных составляющих русской идентичности. Нам представляется, что, помогая функционированию и развитию науки, предприниматели заинтересованы в судьбе отечественной науки, думают о том, какой станет наука у нас в недалеком будущем при их деятельном участии.

Однако, если рассматривать ситуацию в целом, нельзя не отметить, что в течение всего постсоветского периода предприниматели инвестируют очень незначительную часть своих доходов на развитие науки, особенно фундаментальной. Видимо, необходимо, чтобы в России сменилось 2–3 поколения богатых людей, тогда поддержка науки станет обычным делом со стороны предпринимателей.

Предприниматели помогают науке только тогда, когда наука сулит им выгоду в ближайшее время, а не в отдаленном будущем. К тому же они не заинтересованы в проведении фундаментальных исследований, во внедрении научных разработок и активном применении изобретений, поскольку риски здесь большие. В то время, как и без науки и всякого риска бизнес имеет невиданный нигде в мире уровень прибыльности.

Для того чтобы предприниматели вкладывали свои капиталы в науку, необходимо, например, введение для предпринимателей «налога» на науку, что предполагает отчисление определенного процента доходов частного сектора во внебюджетный фонд науки. В свою очередь, государство обязано предоставлять существенные налоговые льготы для предпринимателей, вкладывающих средства в развитие науки. К слову, в дореволюционной России предприниматели, предоставлявшие средства на науку, налогов не платили. Кроме того, стоит изменить структуру финансирования науки путем усиления его частно-государственного характера. Между тем, согласно статистическим данным, основная доля расходов на науку приходится на государство.

И еще. Чтобы российские предприниматели помогали развитию науки, государство должно и морально поощрять их, как это было в дореволюционном прошлом нашей страны, и как это происходит ныне во многих ведущих странах мира.

Поднять долю государства на поддержку науки можно также путем увеличения налога на доходы и на собственность сверхбогатого класса, как это ныне происходит во многих развитых странах

Предприниматели будут вкладывать средства в науку в том случае, если будут уверены, что люди, занимающиеся ею профессионально, компетентны. К тому же средства на развитие науки, выделяемые со стороны предпринимателей, приведут к тому, что вложения в научные исследования помогут предпринимателям в решении их вполне

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

определенных проблем. Это предъявляет серьезные требования и к самой науке, к людям, занятым в сфере исследований. Поэтому кроме выработки научного знания ученым необходимо научиться решать и конкретные практические задачи.

Результатом сокращения вложений в науку является снижение социального и материального положения большинства ученых. В свое время К. Маркс отмечал, что различные формы расходования человеческой рабочей силы или иначе, качественные различия в труде, обусловливают различия потребительских свойств продуктов или услуг, производимых работниками умственного труда [17, с. 51–52]. Если обратиться к современным российским реалиям, то до недавнего времени в значительной своей части ученые имели заработную плату, реально не соответствующую длительности подготовки специалиста (нередко она занимает до двух десятилетий), а также профессионализму ученых и сложности выполняемой ими работы. Заработная плата в фундаментальной науке и прежде всего в Российской академии наук отставала от общероссийского уровня примерно вдвое. Однако, как показывает мировая практика, уровень заработной платы ученых должен в 1,5–2 раза превосходить средний уровень. У нас есть часть ученых, которые имеют высокий уровень доходов, сопоставимых с доходами российских бизнесменов. Однако это лишь единичные факты. Что касается развитых стран, то и здесь люди науки, даже высокой квалификации сталкиваются с тем, что за последние полвека их уровень жизни не растет, а падает по сравнению с другими профессиональными группами общества. И по доходам они относятся к низшему среднему классу [20, с. 49] Однако в отличие от нас, в развитых странах труд ученого оплачивается адекватно его квалификации.

На протяжении последних лет государство неоднократно обещало обеспечить высокий уровень оплаты труда работникам науки и в начале 2018 г. оно удвоило заработную плату лицам, работающим в Российской академии наук. Однако в ответ на материальное поощрение ученых государство потребовало повысить эффективность их труда[1]. Это выразилось в требовании от ученых увеличения количества научных публикаций (в основном статей). Что касается гуманитарных и социальных наук, то во всем мире основной формой публикации научных результатов является монография, индивидуальная или коллективная. Без этого, как отмечает акад. РАН А. В. Смирнов, оценивать работу ученого — абсурд. Однако, чиновники, управляющие наукой, продуцируют и детализируют нормы и критерии эффективности научных исследований, жестко контролируют науку [13, с. 101] Кроме того, с целью повышения эффективности научных исследований государство сначала ранжировало академические институты в зависимости от их конкурентоспособности, а затем реструктуризировало (сократило) часть научных учреждений и численность лиц, занятых в науке.

Надо отметить и то, что существующая у нас сегодня система оценки труда ученого построена на приоритете публикации в ведущих западных изданиях. Ибо, по мнению чиновников, руководящих отечественной наукой, публикации здесь являются более надежным критерием оценки труда ученого, в частности обществоведа, чем его локальные достижения [5, с. 666]. Однако журналов социогуманитарного профиля за рубежом выходит значительно меньше, чем по естественнонаучным дисциплинам. Поэтому большинство российских ученых-обществоведов не в состоянии опубликоваться в узком круге англоязычных журналов.

Аналогичным образом обстоит дело и с публикациями в российских научных журналах. Ныне у нас насчитывается 350 журналов и по научному рейтингу они делятся на три группы: «Мусорные», иначе говоря, с низким импакт-фактором. Однако здесь могут быть опубликованы и интересные работы, как верно и обратно. Как отмечает президент. РАН А. М. Сергеев, по проценту «мусорных» публикаций наша страна лидирует в списке статей, проиндексированных в 2018 г. в международной библиографической базе данных Web of Science (WOS). Вторую группу журналов составляют «хищнические» журналы, которые публикуют на возмездной основе статьи откровенно низкого качества, и практически без их проверки. Третья группа журналов это — журналы с приличной репутацией, иначе говоря, высоким импакт-фактором[2], но их количество ограничено. Поэтому чтобы соответствовать рейтинговым показателям, сформированным государством, ученые, занятые в академическом секторе науки, вынуждены «накручивать наукометрические показатели».

В связи с этим отметим, что система эффективности научных исследований по цитируемости в журналах — наукометрия появилась в США

[1] Что касается мировой науки, той, что существует на Западе, то основной принцип финансирования науки такой — средства выделяют только на тех ученых, которые дают научные результаты. Речь идет о публикациях и индексе цитирования. См.: [16, с. 130].

[2] Этот термин ввел в научный оборот американский лингвист Ю. Гарфилд в 60-е годы XX века.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

и западноевропейских странах полвека назад. Ныне этот критерий является одним из основных оценок результативности научных исследований. В научной литературе высказываются противоположные суждения о необходимости наукометрических показателей при оценке эффективности работы ученого. Существует мнение, согласно которому, в современных условиях наукометрию стоит использовать только в качестве вспомогательного средства. Что касается гуманитарных наук, то для них наукометрические подходы неприменимы, поскольку имеющиеся базы данных несовершенны, они не всегда бывают объективными и по ним нельзя судить о результативности научных исследований [10, с. 990]. Согласно другой точке зрения, при оценке эффективности деятельности ученого без наукометрических данных не обойтись. Однако нужны единые общегосударственные стандарты наукометрических показателей с учетом специфики каждой отрасли научного знания [7, с. 916].

К тому же статьи российских ученых должны быть написаны только на английском языке (особенно это касается публикаций в области естественных наук и математики), являющимися в международной научной коммуникации интернациональным языком людей, занимающихся наукой. Что касается гуманитарных наук, то в них наряду с английским языком статус международных языков сохраняют не только немецкий и французский, но и национальные языки. Поэтому современные исследования в гуманитарной области знания должны публиковаться на двух языках — одном из международных, который важен с научной точки зрения, и на национальном языке, публикации на котором способствуют развитию национальной культуры, образования сохраняют историческую память народа.

Развитие современной российской науки тесно связано с таким важным фактором как престижность профессии ученого. Изменение ценностных ориентаций в обществе за последнее почти 30 лет способствовало тому, что культ ученого уходит в прошлое. Сегодня только 1 % выпускников вузов идет в науку. Изменения социальной и культурной ситуации в стране в начале 90-х гг. привели к модификации в процессе научной трансляции знаний. Сегодня ушли в прошлое династии ученых, когда шел процесс передачи духовного наследия, культурно-исторического опыта и ценностей от одного поколения ученых к другому. И преемственность в науке скорее исключение, чем правило. Тем не менее, и ныне в определенной степени соблюдается преемственность традиций в науке. Речь идет о той части молодежи, проявляющей склонность к науке, родители которой сами заняты в научной сфере деятельности.

Вместе с тем сегодня у нас меняется мотивация научно-исследовательской работы. Молодежь предпочитает работать не в Российской академии наук, и не в высших учебных заведениях, а в области прикладной науки, которая более востребована со стороны бизнес-структур. К тому же определенная часть молодых ученых хотела бы иметь собственную исследовательскую фирму или работать в негосударственных компаниях.

Переоценка ценностных социальных и культурных образцов в новых российских условиях привела к тому, что молодежь предпочитает науке более доходные сферы деятельности, которые пользуются повышенным спросом на рынке труда. В то же время профессия научного работника в представлениях молодежи является наименее перспективной.

Что касается отдельных специальностей научной сферы деятельности, то у нас практически отсутствует социальный спрос на специальности философских факультетов [8, с. 13]. В связи с этим высказывается мнение, согласно которому, философия как образовательная дисциплина необходима довольно узкому кругу специалистов, тем, кто собирается заниматься фундаментальной наукой, а также тем, чья деятельность связана с психологией и педагогикой. Поэтому в системе высшего образования философию исключают из многих образовательных программ, подрывая тем самым главную основу гуманитарного, а вместе с ним и всего университетского образования.

Вне всякого сомнения, ученым, занимающимся фундаментальной наукой, философия чрезвычайно важна. С помощью философии ученый осознает место своей дисциплины в системе наук, основные проблемы той отрасли знания, которой он занимается, определяет исследовательские проекты и их результаты с этической точки зрения [11, с. 85–86]. Если обратиться к нашему далекому прошлому, то русская наука конца XIX — начала XX в. достигла высшей точки развития потому, что имела прочные философские основания [9, с. 20]. Стоит сказать и о том, что философия помогает ученым различных областей знания приобщиться к культуре, стать человеком, обладающим развитым самосознанием.

Трудно переоценить роль философии и в образовательном процессе. Ибо она выполняет не только такую важную функцию, как просвещение, но и умение сформировать основы мышления, особое

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

представление о человеке, мире, т. е. формирует мировоззрение.

Возвращаясь к вопросу о престиже труда ученого, отметим, что на протяжении всех лет постсоветского развития России вернуть престиж научному труду нам пока не удается. Привлечению творчески ориентированной молодежи в науку может способствовать социальная программа поддержки молодых ученых. Речь идет о возможности повышения уровня образования в ведущих научных центрах России и за рубежом, с возвращением в свою страну с высоким уровнем знаний и квалификации, введение существенной дифференциации в оплате труда ученых, сохранив и значительно повысив уровень оплаты труда тем, кто занят в фундаментальной науке.

Повышение привлекательности труда ученого в советское время привело к качественным изменениям в науке, стремительному росту числа лиц, имеющих ученую степень. Сегодня одним из интенсивных факторов развития науки является постоянный рост числа кандидатов и докторов наук, что само по себе можно рассматривать как положительное явление в развитии науки. Вместе с тем это и негативно влияет на ее развитие. Примером может служить тот факт, когда ученую степень доктора наук (в определенной степени свидетельство неординарности) зачастую получают люди, профессионализм которых не соответствует этому высокому званию.

К тому же сегодня мы не всегда можем говорить о высоком уровне диссертационных работ, что непосредственно связано с общим падением уровня образования и снижением творческого потенциала нашего народа. К этому следует добавить и недостаточно широкие и малозначительные с научной точки зрения темы диссертаций, которые не только не являются вкладом в науку, но и нередко повторяют то, что уже давно не является ее предметом.

Нельзя не сказать и о том, что ныне у нас все больше защищают диссертации не по основным научным направлениям. В качестве примера можно привести такую область знания, как философия. Здесь докторские диссертации защищаются не по таким главным исследовательским областям, как онтология и теория познания, философские проблемы естествознания и т. д., которые являются мировоззренческими и методологическими ориентирами, а связанным в лучшем случае с общенаучной проблематикой. К слову, к концу 80-х гг. XX в. в нашей стране 60 % всех докторов философских наук специализировались в идеологизированных областях знания, таких как диалектический и исторический материализм, теория «научного коммунизма». И лишь 12 % докторов философских наук — в области истории философии [24, с. 136], по замечанию д. филос. н. А. П. Огурцова, — единственной области философской мысли, куда трудно добраться дилетантам от философии [25, с. 111].

И еще. Ныне у нас докторами наук нередко становятся люди, не имеющие соответствующего базового образования. Подтверждением этому может служить, в частности энциклопедический словарь, посвященный философам современной России. Согласно ему, философское образование имеют чуть больше трети докторов наук. Остальные — учителя, инженеры, юристы, музыканты.

Вопрос повышения авторитета науки в обществе тесно связан с тем, как пополняется научная сфера деятельности. По сложившейся отечественной традиции, науку у нас обычно пополняли люди, которые занимались научными исследованиями на профессиональной основе в академических институтах или учебным процессом в высшей школе. Поскольку наука делается именно в этих учреждениях.

Однако ныне ситуация с пополнением науки стала несколько иной. К науке, точнее, ко всем видам ученых степеней все больший интерес проявляют государственные чиновники, политики, бизнесмены. После того, как в перечень ВАК была введена теология, на ученые степени в светских академических институтах стали претендовать и представители духовенства — религиозные деятели и священнослужители.

Ученая степень нужна им не для служебного продвижения (в дореволюционной России ученая степень являлась символом права на определенное должностное положение в профессорско-преподавательском корпусе высшей школы), а лишь для повышения собственного социального статуса, «конструирования своего имиджа», общественного признания не только своего успеха, но и умственных способностей. Российские чиновники, политики, бизнесмены стремятся стать, условно говоря, «мандаринами». Так во французском академическом сообществе называют человека, которого характеризуют такие признаки, как известность его имени любому члену сообщества, наличие связей, власти и признания не только в мире науки, но и за ее пределами. Иначе говоря, занятие нескольких позиций на стыке между научным и «внешним» миром [20, с. 141].

Вне всякого сомнения, спрос на ученые степени со стороны российских чиновников, политиков,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

бизнесменов приводит к падению статуса и престижа ученых степеней в массовом восприятии, снижает результативность науки, ведет к падению научной культуры. К тому же он ведет к изменению формы организации научного труда, существующего в фундаментальной науке. Ибо научную сферу пополняют люди, чей научный опыт и интересы весьма далеки от реальных запросов действительной науки и на профессиональной основе в академических институтах или учебным процессом в высшей школе никогда не занимались.

Кроме того, это ведет к размыванию моральных основ научной деятельности, когда наука становится источником коррупционного дохода. Такой социальный порок, как коррупция транслируется и в науку. На «теневом рынке» купля-продажа диссертационных работ идет за довольно приличные деньги (по некоторым подсчетам), кандидатская диссертация стоит от 90 тыс. руб., а докторская — от 150 тыс. руб. Очевидно, что бизнес на диссертациях губительно сказывается на нашей науке. Особенно велико их количество в экономических, юридических науках и педагогике. Меньше всего — в области физики и математики.

В связи с этим заметим, что личность ученого идентифицируется с интеллигенцией. Определяя значение этого слова, мы учитываем не только выполняемые этой социальной группой специфические функции, состоящие в профессиональном занятии сложным умственным трудом высокой квалификации, но наличие у нее этико-нравственных качеств. Между тем об отмеченной выше части образованного сословия, — солидных чиновниках, политиках, бизнесменах, тех, кто получил высокое научное звание — доктора или кандидата наук, вряд ли можно говорить как о людях обладающих интеллигентностью. Ибо они пополнили научную сферу деятельности с помощью мошенничества, и потому вряд ли являются интеллигентами по существу.

Что касается самого иерархически организованного вида деятельности, как написание чужих диссертаций, то в нем заняты как обычные профессионалы от науки, так и способные исследователи. Хотя существует мнение [23, с. 114–115], согласно которому, этим видом деятельности в основном заняты бизнесмены от науки, руководствующиеся критериями, которые много ниже, чем профессиональные.

Стоит сказать и о том, что ныне в научном сообществе высказывается мнение, согласно которому, в России, ставшей на путь рыночного развития, существующий порядок присуждения ученых степеней[1] наносит огромный вред самой науке. Особенно это касается философии и социальных наук. Ссылаясь на опыт развития современной науки и дореволюционное прошлое отечественной науки, некоторые авторы считают, что в современной российской науке следует вообще отменить требование обязательной защиты ученой степени.

Это мотивируется тем, что, во-первых, чрезмерно бюрократизированная форма самоутверждения в науке за счет наукоподобных компиляций (имеются в виду диссертации) к научной практике не имеет никакого отношения. Во-вторых, занятию наукой нельзя обучить, если это не заложено в человеке генетически. Для исследователя приемлема только форма целевого самообразования, но не вынужденная «ломка» своего интеллектуального потенциала под субъективное своеволие некомпетентной бюрократии [14, с. 290–291].

С этим мнением вряд ли можно согласиться. Прежде всего, потому что ученая степень как научная квалификация в определенной области знания, как элемент официальной научной культуры существует достаточно давно. Она появилась в странах Запада, а с XVIII в. — и в России (в дореволюционной России присуждались ученые степени бакалавра, магистра, доктора). К тому же учеными степенями подтверждали свое знание и интеллектуальные способности почти все всемирно известные ученые.

И еще на одном аспекте развития современной российской науки мы хотели бы остановиться. Речь идет о том, как пополняется Российская академия наук. Уже более 30 лет со времени перестройки в нашей стране существует практика избрания в академию лиц, для которых участие в научных исследованиях не является основным содержанием их непосредственной профессиональной деятельности. Речь идет о тех людях, которые занимают административные должности в науке.

В связи с этим подчеркнем, что ныне ученый сочетает в своей деятельности две социальные роли. Одна из них состоит в том, что он занимается только исследовательским поиском. Выполняя данную социальную роль, ученый является как бы «эскапистом». Другая социальная роль ученого состоит в том, что он осуществляет научно-организационные и административно-научные функции. Иначе говоря, ученый играет роль «менеджера» Ученые-менеджеры, как особый тип социокультурного поведения стал усиленно формироваться

[1] У нас существует двухступенчатая система присвоения ученых степеней — кандидатов и докторов наук. В то время как в дореволюционной России диссертацию (докторскую) защищали лишь один раз.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

с 90-х гг. XX в. Он имеет тенденцию не только к увеличению численности, но и усилению своего влияния в современном обществе, что подтверждают и социологические исследования.

Вне всякого сомнения, среди тех, кто выполняет в науке менеджерские функции, есть немало талантливых ученых, обогативших науку своими научными трудами. На это обращал внимание акад. РАН В.С. Степин, который сам был организатором науки и исследователем. Он полагал, что в науке немало людей, которые выполняют «новые профессиональные роли, например, организатора науки, когда крупный ученый, не переставая генерировать новые идеи, одновременно осуществляет управленческие функции в качестве руководителя научно-исследовательского учреждения или крупной комплексной программы, координирующей деятельность многих учреждений» [21, с. 348–349].

Схожее мнение высказывают и другие авторы. Научная деятельность строится во многом на взаимодействии и взаимозависимости людей, принимающих участие в процессе разделения труда. Ученые-менеджеры постоянно заняты деятельностью, которая непосредственно не связана с самой сутью научного поиска. Однако они не перестают себя идентифицировать исключительно с научной деятельностью, считают ее первичной, умело сочетают с административной. Поэтому ученые-менеджеры, прежде всего, остаются учеными и напрямую влияют на развитие науки [22, с. 78, 81]. С полным основанием можно сказать, что эти люди по праву пополняют российскую академию наук. Вместе с тем, мы разделяем мнение, согласно которому, многие из тех, кто получил почетное звание академика и члена-корреспондента, не сделал выдающихся научных открытий, не создал научную школу [19, с. 99]. Справедливости ради надо отметить, что далеко не каждый даже выдающийся ученый может создать научную школу. К слову, в советское время Т.И. Ойзерман в середине 50-х гг. XX века создал научную школу истории философии марксизма, В.С. Степин в 70–80-е гг. создал научную школу, получившую название Минской методологической школы, объединившей единомышленников в рамках философии науки.

Стоит сказать и о таком аспекте пополнения Российской академии наук, как избрание в нее родственников (сыновей, дочерей), жен известных ученых. Иначе говоря, о создании так называемых «династий ученых», а, точнее, о семейственности в науке. Вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что действительными членами и членами корреспондентами Российской академии наук наряду с родителями и другими членами семьи могут быть их дети и жены. Однако у тех, кто претендует быть членом академии наук, прежде всего, должен присутствовать требуемый уровень научных заслуг, труды, имеющие большое научное значение и получившие международную известность.

Между тем пополнение академии наук родственниками и членами семьи зачастую происходит благодаря социальному престижу и уровню влияния родителей, мужей, пользующихся высоким авторитетом в обществе. Если обратиться к нашему очень далекому прошлому, — началу создания Петербургской Академии наук (1725 г.) академиками становились в основном дети ремесленников, солдат, низшего духовенства, что свидетельствовало о народности духа академии наук и ее общедоступности.

На результативность научных исследований, достижения в науке в определенной мере негативно влияет «солидный» возраст тех, кто пополняет Академию наук. Ныне средний возраст действительных членов РАН (академиков) составляет 73,8 года, а членов-корреспондентов — более 66 лет. Между тем в советские времена академиками становились люди, которые не достигли 50 лет, а в некоторых случаях и 40 лет, а членами-корреспондентами — не старше 46–47 лет, а некоторые — моложе 40 лет. Ныне повышение возраста академиков и членов-корреспондентов — это свидетельство невостребованности науки в условиях сложного экономического положения в стране. Кроме того, это и отсутствие в отечественной науке выдающихся ее представителей с мировым именем, неординарных, ярких личностей, подлинных интеллектуалов.

Сегодня в Российской академии наук ведется работа по ее омоложению. Свидетельством этого может служить введение несколько лет назад почетного звания «профессор РАН», которого удостаиваются молодые (до 50 лет) ведущие ученые — доктора наук, сотрудники научных учреждений, имеющие научные достижения национального или международного уровня и, признанные научным сообществом, как в нашей стране, так и в мире. Кроме того, частично ограничен возраст соискателей: около 50% вакансий академиков должны составлять люди в возрасте до 61 года и 50% вакансий членов-корреспондентов РАН — до 55 лет.

Говоря о реалиях современной российской науки, стоит остановиться на уровне и качестве ее развития. В советское время по данному показателю наша страна занимала второе место в мире, и являлась одной из ведущих научных держав. Это произошло благодаря научным достижениям ученых,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

занятых в естественнонаучных отраслях знания, которым принадлежат крупные открытия и достижения. Свидетельством роста авторитета отечественной науки за рубежом может служить избрание наших ученых в состав иностранных научных корпораций.

В то же время можно с полным основанием утверждать, что нам было чем гордиться и в области социогуманитарной науки. То, что сделано учеными-обществоведами в советское время, особенно в 60–80-е гг. прошлого столетия определяет состояние социального и гуманитарного знания в современной России. По словам д.филос.н. Н.В.Мотрошиловой, чаще всего за рубежом Россию хвалят именно за интеллектуальный вклад в развитие мировой цивилизации, за безусловную «конвертируемость» научных идей» [18, с. 211], Однако, нельзя не сказать и о том, что исследования ученых-обществоведов в советское время в основном имели как бы «местный» характер и были направлены на теоретическую разработку сугубо отечественных проблем. В результате чего они мало влияли на развитие современной мировой науки, в том числе и мировой философии.

Ныне российские ученые, занятые в социальных и гуманитарных науках, оказавшись перед вызовом, за короткий период времени в определенной мере преодолели вынужденное отставание от мировой науки. Несмотря на трудности, которые сегодня переживает отечественная наука, у нас появилось много оригинальных работ в различных областях социального и гуманитарного знания. В ряде исследовательских направлений нашей социальной и гуманитарной наукой достигнуты результаты, которые высоко оцениваются международным научным сообществом, а ученые признаны на мировых академических рынках и влияют тем самым на состояние мировых научных исследований [2, с. 196].

И все же научные реалии таковы, что российская наука быстрыми темпами отстает от уровня мировой науки. Примером этого может служить исследовательская активность нашей страны — один из важнейших критериев эффективности научных исследований. Согласно статистике Web of Science, ныне доля публикаций России в мировом потоке составляет менее 2%. В то время как в США — 30,3%, в Китае — 8,5%, Великобритании — 8%.

Что касается структуры публикаций российских ученых в научных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, то больше всего у нас публикаций в естественных и точных науках: 56,1% и 76,0% соответственно. В то же время в социальных и гуманитарных науках публикации, индексируемые в Scopus составляют: в общественных науках — 8,1%, в гуманитарных — 2,5%, а в Web of Science 4,2% и 2,2% соответственно [12, с. 203–204]. Заметим, что аналогичная картина в структуре публикаций наблюдается в мире в целом. Общемировой тенденцией является преимущественная публикация работ ученых, занятых в естественных и технических науках. Разница лишь в том, что удельный вес публикаций зарубежных ученых, занятых в общественных и гуманитарных науках, выше, чем у их российских коллег.

Российская наука отстает от мировой науки и по такому важному критерию состояния науки, как цитирование публикаций, фиксируемых международными базами данных[1]. Сегодня в мире доля цитируемых научных публикаций в ведущих странах составляет 60%. Так, в США он равен 69,55%, в Великобритании — 68,89%, в Германии — 67,87%, Франции — 65, 61% [12, с. 203–204]. Между тем в России уровень цитирования публикаций составляет чуть более 44%. Это значительно ниже средней доли цитируемых научных публикаций, которая составляет 55%.

В наиболее благоприятном положении по доли цитируемых научных публикаций Россия находится в области естественных наук — физики, химии, науках о космосе и математики. В значительной степени это можно объяснить тем, что в недавнем прошлом основное внимание у нас уделялось естественнонаучному знанию, что определялось не только его фундаментальностью, но и чисто прагматической, прикладной направленностью. Однако ныне вклад России в развитие областей естественнонаучного знания тоже снижается

Большинство публикуемых в России научных статей вообще никогда не читаются, и, естественно, не цитируются. Вряд ли они когда-нибудь будут востребованы научным сообществом. Что касается ближайшего будущего, то, в силу объективных обстоятельств цитируемость ученых, к примеру, занятых в социальной и гуманитарной науке, будет оставаться ниже, чем у зарубежных коллег из наиболее развитых стран Запада и Востока [6, с. 156].

В заключение отметим, что результаты и последствия произошедшего за почти 30 лет пути, показали, что для того, чтобы занять достойное место в мировом научном сообществе, нам необходимо сохранить научный опыт многих поколений, то ценное в российской науке, что способствует ее дальнейшему развитии.

[1] Цитирование научных публикаций стало этической нормой с развитием научных журналов во второй половине XIX века.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Аллахвердян А.Г.* Динамика научных кадров в советской и российской науке. Сравнительно-историческое исследование. М.: Когито-Центр, 2014. — 263 с.
2. *Ащеулова Н.А., Душина С.А.* Мобильная наука в глобальном мире. СПб.: Нестор-История, 2014. — 224 с.
3. Выступление президента РАН А.М. Сергеева на Общем собрании членов Российской академии наук // Вестник РАН. 2018. № 8. С. 714.
4. Выступления кандидатов на должность президента российской академии наук, «Вестник Российской академии наук» // Вестник РАН. 2018. № 3. Том 88. С. 200–221.
5. *Горшков М.К., Черныш М.Ф.* О критериях оценки результативности деятельности научных организаций и ученых в области общественных наук // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. № 3. 663–677.
6. *Гринев А.В.* К проблеме цитируемости в гуманитарных науках // Вестник РАН. 2017. № 2. С. 154–157.
7. *Гринев А.В.* Научные публикации и наукометрические показатели как объект нечистоплотного бизнеса // Вестник РАН. 2018. № 10. С. 908–917.
8. *Даренский В.* Ресурс развития или фактор деструктивности // Свободная мысль. 2014. № 5. С. 35–46.
9. *Ермишин О.Т.* Вступительная статья // В. Н. Ильин Русская наука. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. — 440 с.
10. *Иванчик А.И.* Особенности оценки исследователей и исследовательских программ в гуманитарных науках // Вестник РАН. 2018. Том 88. № 11. С. 985–991.
11. *Ильин А.Н.* Утилитаризация науки в обществе потребления // Свободная мысль. 2019. № 1. С. 79–88.
12. Индикаторы науки: 2017: статистический сборник / Ю.Л. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 304 с.
13. *Касавин И.Т.* Наука как этический проект. // Вопросы философии.2019. № 11. С. 90–103.
14. *Ключарев Г.А., Попов М.С., Савенков В.И.* Образование, наука и бизнес: новые грани взаимодействия. М.: Институт социологии РАН, 2017. — 488 с.
15. *Ключарев Г.А., Савенков А.И, Бакланов П.А.* Кадры российской науки: проблемы и методы их решения // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сб. научн. трудов. М.: Центр социологических исследований, 2016. — 384 с.
16. *Ленин В.И.* Полн собр. соч. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969. — 579 с.
17. *Лигостаев А.Г.* Организация и функционирование науки в странах современного Запада // Свободная мысль. 2017. № 1. С. 125–132.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. — 907 с.
19. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Российская академия наук. Институт философии. М.: Канон, 2010. — 480 с.
20. *Руткевич А.М.* Макс Вебер об университете // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 43–51.
21. *Саркисов А.А.* Российская Академия наук. Какой ей быть? // Императорская академия наук и художеств, Академия наук СССР, Российская академия наук — триединая академия. М.: Энциклопедист-Максимум; СПб.: Міръ, 2015. — 896 с.
22. *Соколов М., Губа К., Заменкова Т., Сафонова М., Чуйкина С.* Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. Серия: история науки. М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 832 с.
23. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. — 407 с.
24. *Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф.* Социальные роли ученого от «эскаписта» до «менеджера» // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 72–82.
25. *Федотова В.Г.* Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема. М.: Институт философии РАН., 2015. — 204 с.
26. Философ и наука. Александр Павлович Огурцов. М.: Голос, 2016. — 538 с.
27. Философия не кончается… Из истории отечественной философии. XX век. 1920–50-е годы. Кн. 1. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 719 с.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11102

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

А. А. Стерхов, Е. В. Гущина

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию социальной философии современной молодёжи в комплексе своих составных частей (философии обыденности и коммуникации, философии молодёжной культуры и философии религии), и предполагает разрешение важнейшей научной проблемы: противоречия между необходимостью комплексного изучения мировоззрения и философских установок современной молодёжи для успешного сопровождения всесторонне развитой личности юного гражданина, и отсутствием в современной науке фундаментальных философских и культурологических научных трудов по данному вопросу. Статья преследует цель создать теоретическую базу социальной философии современной молодёжи в рамках комплексного исследования данной проблемы и обосновать необходимость её изучения на базе общеобразовательной школы и вуза. Авторы исследования планируют разработать теоретические основы философии обыденности и коммуникации как инновационный раздел философии, рассмотреть возможность выделения философии молодёжной культуры как подраздела философии культуры, изучить религиозно-философское мировоззрение современной молодёжи. Научная новизна статьи заключается в том, что она представляет собой построение системы социальной философии современной молодёжи на основе комплексного анализа данной проблемы, носит как теоретический, так и прикладной характер, поскольку призвано не только изучить понятие, сущность и компоненты социальной философии молодёжи, и внести значительный вклад в теории философии как науки, но и апробировать на базе общеобразовательной организации философский эксперимент, связанный с исследованием мировоззрения современной молодёжи. Авторы надеются, что их труд поможет всем заинтересованным лицам в дальнейших исследованиях по указанному направлению.*
Ключевые слова: *контркультура, молодёжь, субкультура, обыденность, социальная философия, философия культуры, философия обыденности и коммуникации, философия религии.*

A. A. Sterkhov, E. V. Gushchina

SOCIAL PHILOSOPHY OF MODERN YOUTH

Summary*. This article is devoted to the study of the social philosophy of modern youth in the complex of its components (the philosophy of everyday life and communication, the philosophy of youth culture and the philosophy of religion), and involves the resolution of the most important scientific problem: the contradiction between the need for a comprehensive study of the worldview and philosophical attitudes of modern youth to successfully accompany a comprehensively developed personality of a young citizen, and the absence in modern science of fundamental philosophical and cultural studies scientific works on this issue. The article aims to create a theoretical basis for the social philosophy of modern youth as part of a comprehensive study of this problem and substantiate the need for its study on the basis of a comprehensive school and university. The authors of the study plan to develop the theoretical foundations of the philosophy of everyday life and communication as an innovative branch of philosophy, consider the possibility of highlighting the philosophy of youth culture as a subsection of the philosophy of culture, and study the religious and philosophical worldview of modern youth. The scientific novelty of the work lies in the fact that it represents the construction of a system of social philosophy of modern youth on the basis of a comprehensive analysis of this problem, is both theoretical and applied in nature, since it is intended not only to study the concept, essence and components of the social philosophy of youth, and make a significant contribution to the theory of philosophy as a science, but also to test on the basis of a general educational organization a philosophical experiment related to the study*

© А. А. Стерхов, Е. В. Гущина

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

of the worldview of modern youth. The authors hope that their work will help all interested parties in further research in this direction.

***Key words**: counterculture, youth, subculture, everyday life, social philosophy, philosophy of culture, philosophy of everyday life and communication, philosophy of religion.*

В современном социуме, когда, казалось бы, в молодежной среде теряет актуальность философская наука, которая воспринимается современными подростками и юношами как некий архаизм, наследие Средневековья, в то же самое время наибольшую остроту приобретают глобальные философские вопросы. И что является наиболее важным, острота их особо ощущается именно в молодёжной среде. Глобальные проблемы философии интересуют молодежь, поскольку призваны ответить на фундаментальные вопросы их бытия, начиная с уровня обыденности, и заканчивая такими высокими в плане духовности понятиями, как религиозные воззрения и специфика восприятия религии через призму подросткового и юношеского сознания. Сама структура и содержание мира обыденности, обустройство своей повседневности, дома, семьи — являются сложнейшей философской проблемой, как и пути и способы коммуникации, а также выбор самой коммуникативной среды. Вопросы следования традиционной культуре общества, или выделение себя в качестве участника определенной субкультуры — также важнейшая проблема для самоидентификации личности подростка. Проблемы познаваемости мира (в том числе возможности своего личного, индивидуального познания), также волнуют молодежь, равно как и проблема истинности или ложности различных аспектов бытия.

Авторы настоящего исследования поставили себе цель создать теоретическую базу социальной философии современной молодёжи в рамках комплексного исследования данной проблемы и обосновать необходимость её изучения на базе общеобразовательной школы и вуза, опираясь на методологическую основу, представленную, во-первых, рядом методов познания, среди которых общелогические (анализ, синтез, индукция, аналогия), теоретические (гипотетический, системный методы, обобщение) и эмпирические методы (опрос, анкетирование, эксперимент, наблюдение, описание, измерение) и философские методы: диалектика, экстраполяция; во-вторых, представленную совокупностью методологических подходов: системного, аксиологического и средового.

На современном этапе развития науки и общества сложилось ярко выраженное противоречие между необходимостью комплексного изучения мировоззрения и философских установок современной молодёжи для успешного сопровождения всесторонне развитой личности юного гражданина, и отсутствием в современной науке фундаментальных философских и культурологических научных трудов по данному вопросу. Это и обусловило проблему нашего исследования, раскрываемую в настоящей статье.

Философия обыденности и коммуникации

Приступая к исследованию социальной философии современной молодёжи, начнём нашу работу с наиболее проблемного вопроса, касающегося места и роли обыденности в исследуемой проблеме. Изучив целый ряд научных источников [12, 14, 18 и др.], обнаруживаем удивительный факт: отдельные философы говорят об обыденности с точки зрения философии, об обыденности и философии, но никто из них не говорит о *философии обыденности* (термин автора настоящего исследования). А между тем именно обыденное состояние личности, перманентная погружённость сознания в мир обыденности формирует первичные мировоззренческие проблемы, складывает само мировоззрение, миропонимание и *самоосознание* личности в окружающей её реальности. Более того, в обыденной жизни реальный пласт пространства-времени тесно переплетается с виртуальным, благодаря не только достижениям современных информационных технологий, но и за счёт осмысления личностью себя в ином, потенциально более высоком, контексте, в иной социальной роли (представление себя воином, правителем, целителем и т.д.). Именно подростковому и юношескому возрасту свойственна подобная экстраполяция сознания в потенциально возможную в плане будущего существования сверхценностную личность, способную изменить окружающий мир в лучшую или худшую сторону. И жажда созидания, и жажда разрушения в сознании представителя молодёжи есть следствие его нынешнего состояния в повседневности. А значит, именно повседневность порождает два типа виртуально созидаемых и потенциально реализуемых личностей: личность-конструкт и личность-деструкт.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Рассматривая вопрос об обыденном в философии, С.И. Попов отмечает, что «представление об обыденном, повседневном входит в самоопределение философии как вида мыслительной деятельности. Возникновение философии как интеллектуальной дисциплины и, соответственно, как формы сознания и жизненного «режима бодрствования» связано с отстранением, трансцендированием «знания» от «мнения», теории от практики, предельного и исключительного — от привычного и рутинного. Не становясь предметом анализа и, как правило, не имея специального родового термина, мнимое, практическое, рутинное и т.п. специфицировали негативным образом сначала античный Логос, а затем просвещенческий Разум. Таким образом, понятие повседневности, обыденности философами неэксплицитно использовалось для обозначения одного из «миров» жизни сознания — более низкого, профанного, нежели мир предметов философского разума» [12, с. 159]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: учёный констатирует и доказывает, что обыденность и философия не только не сближаются на всём протяжении развития данной науки, но и резко противопоставляются друг другу.

Позволим себе не только не согласиться с данным подходом, но и предложить собственную научную концепцию по данному вопросу, согласно которой в информационном обществе XXI века назрела необходимость в создании нового направления философии: *философия обыденности и коммуникации.* Дадим авторское определение предлагаемому инновационному направлению:

Философия обыденности и коммуникации — это направление в философии, исследующее проблемы повседневности как среды пребывания и развития сознания современной молодежи, проблемы восприятия мира через призму обыденности, а также проблему построения, поддержания и трансформации виртуальной и реальной коммуникации с внешне-субъектным планом бытия подростка (люди вокруг) и внутренне-субъектным планом (общение с собой).

Рассмотрим более подробно базовые компоненты, составляющие предмет исследования предложенного направления философии. Сюда входят:

1) пространственно-средовые компоненты: дом, двор, дача;
2) интернативно-аксиометрические компоненты: мировоззрение, мироощущение, повседневные рассуждения, поиски смысла жизни;
3) экстернативно-коммуникативные: виртуальное и реальное общение (с родителями, сверстниками), жизнь в социальных сетях, досуг.

Базовой средой формирования, а в дальнейшем и самовыражения личности с рождения и до самой смерти является дом. Так, Л.В. Чеснокова в одной из своих статей рассматривает тему дома как приватного пространства, где человек чувствует себя в покое и безопасности, которое может обустроить по своему вкусу и в котором, что особенно важно, можно побыть наедине с собой [18].

Наши исследования показали, что представители современной молодежи воспринимают дом как то место, где, прежде всего, окружают близкие люди, где можно отдохнуть, как безопасное пространство, где тебя ждут, где хорошо и спокойно. При этом часть опрошенных оговариваются, что различают «дом» в широком и узком понимании. В узком понимании — это собственно квартира, дом, коттедж, где проживают они и их семьи. В широком смысле дом — это Родина. Что касается конкретно комнаты, где проживает представитель молодого поколения, в ней не должно быть ничего лишнего, поддерживаться комфортная обстановка. Следует акцентировать внимание, что комфортность напрямую связана с предметно-объектным фактором, то есть комфорт создается с помощью тщательно отобранной меблировки и интерьера комнаты. Из необходимых предметов мебели респонденты называют кровать (диван, кресло-кровать), стол, компьютер с необходимыми аксессуарами к нему (наушники, игровой джойстик, колонки и т.п.). Интересно, что диски с играми, фильмами и музыкой перестают быть составной частью интерьера комнаты молодого человека, поскольку с доступом к интернету, где возможно в любой момент найти и скачать на жесткий диск компьютера любую информацию (в том числе аудио- и видео-) отпадает необходимость загромождать письменный стол носителями вышеперечисленной информации. Также уменьшается частотность украшения комнаты плакатами с изображением «кумиров» — известных деятелей культуры, эстрады и т.д.

Двор всегда воспринимался как место встреч с друзьями, где почти каждый проводил практически все свободное от учебы время, и только в XXI веке приоритетность двора и дворовой компании в жизни подростка не просто уменьшается, а практически сводится на нет, поскольку типичный представитель современной молодежи уходит из обыденности в виртуальный мир, подменяет пространством компьютерным пространство реальное. И это вполне оправданно с точки зрения самого представителя молодого поколения, так как социальные потребности заставляют его стремиться к лидирующим позициям, что мало кто может

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

достичь в реальном мире, даже в узком кругу дворовой компании, где лидер обычно только один. В виртуальном мире любой, открывший игру, формирует в ней свой мир, где он безусловный лидер и определяет развитие виртуального бытия.

Бытие и коммуникативную среду формирует не только игра, но и социальные сети. Из числа опрошенных преобладающая часть молодежи в них буквально живет (96% опрошенных), и лишь незначительная часть (4%) считает социальные сети «пустой тратой времени». Интересно, что страница в социальных сетях — это, по сути, аналог материальной комнаты в доме подростка. Так же, как в своей комнате, он украшает стену картинками, высказываниями, фотографиями друзей, своего досуга и т.д. Аналогом мебели на странице являются закладки: игры, приложения, фотографии, сообщения, музыка и т.д. Таким образом, социальная сеть для подростка — это и дом, и двор, и компания друзей, и коммуникативная среда. Весьма интересен тот факт, что, если сравнить в процентном соотношении виртуальное и реальное общение: 98% опрошенных считают, что лучше общаться в реальности, нежели по интернету, только 2% отдают предпочтение общению в соцсетях. Но при проведении эксперимента с изучением реальной ситуации по данному вопросу (замеры нахождения старшеклассников в социальной сети в течение месяца и сравнение данных замеров с пребыванием этих же старшеклассников в реальном пространстве с друзьями и подругами — в кафе, кинотеатрах, дворе) выясняется, что на самом деле происходит с точностью до наоборот. В течение месяца лишь 2% респондентов проводили время после школы в реальном общении со сверстниками, а остальные 98% в период до 12-ти ночи и даже до 3–4 часов утра проводили время в социальных сетях.

Нами выявлен ряд причин подобного парадокса:

1) инфантилизация современной молодежи приводит к неумению выстроить полноценный и длительный диалог, находясь с человеком вживую, один на один, или в окружении компании (мешает смущение, сама неспособность построить вербальный текст, опасение стать нежелательным собеседником);
2) комфортность пребывания в домашних условиях за компьютером: рядом всегда есть еда, напитки, теплый микроклимат, туалет, и т д.;
3) возможность быстро прервать общение простым выходом из соцсетей, без всяких обязательств друг перед другом;
4) Возможность анонимности общения и придания себе социальных качеств и достижений в глазах собеседника, которых нет в реальности (в том числе фотошоп).

Характеризуя обыденное мировоззрение молодёжи, следует детерминировать его как взгляд на жизнь в целом, где превалирует, как правило, адекватность оценки своих сил и возможностей, то есть современные юноши и девушки, в основном, являются реалистами. Спецификой их мироощущения является, как правило, устойчивая позиция: ровно жить, решая текущие вопросы по мере их поступления, пытаясь при этом найти в каждой конкретной ситуации возможность поступить правильно, выходить из проблем с минимальными потерями.

Одной из ключевых основ философии обыденности и коммуникации являются повседневные рассуждения, выражающиеся как во внутреннем монологе, свободном сиюминутном потоке мыслей, так и в вербализации данных мыслей в блоге, социальных сетях, в живом общении с друзьями. Рассуждения подавляющей части молодежи сосредоточены вокруг планирования своего будущего, при этом присутствуют также элементы анализа своих поступков, взаимоотношений с другими людьми и так далее. Отдельной темой рассуждений становятся успехи и неудачи в личной жизни, что выражается в стремлении поделиться своей счастливой любовью и в глубоком погружении в проблему расставания с другом (подругой). В последнем случае присутствует попытка выявить причины расставания, обвинения в неудаче себя, партнёра или стечения жизненных обстоятельств.

Отдельно остановимся на базовом вопросе философии — о смысле жизни. Проведение опроса показало, что типичным для молодого поколения является установка: смысл в том, чтобы свершить все задуманное и не прожить жизнь зря. Например, решить вопрос с карьерой в будущем хотят около 50%, также за замужество (женитьба) проголосовало более 75%, остальные 25% не хотят даже думать об этом. Про учебу, сдачу экзаменов думают более 90% опрошенных. Бизнесом хотят занимать лишь 30%, остальные 70% говорят, что для них это не так важно. А вот про будущую работу думают более 80% респондентов.

Таким образом, философия обыденности и коммуникации строится на ощущении представителями молодёжи себя самих в повседневных условиях бытия, в постоянном общении с самим собой, своими сверстниками, родителями, друзьями, одноклассниками, знакомыми. Важными элементами данного направления философии как системы является пространственная среда, куда можно отнести дом, квартиру, клуб, дачу; само мировоззрение

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

и мировосприятие, включая повседневные рассуждения и поиск смысла жизни в процессе абстрагирования от реальности; виртуальное и реальное общение, в том числе жизнь в социальных сетях как месте пребывания сознания представителя современной молодежи.

Философия молодёжной культуры

Философия культуры рассматривается современными учёными как философская дисциплина, ориентированная на постижение культуры, как универсального и всеобъемлющего феномена [17, с. 609]. Существует множество определений культуры, от самого широкого, согласно которому под культурой понимается всё, что создано человеком, до более узких, ограничивающих культуру, например, духовной сферой жизни общества, то есть включающей в себя мораль, религию, науку, образование, искусство. Для нашего исследования наиболее значимым становится определение культуры в рамках философской науки, поэтому обратимся к классическому учебнику «Философия культуры» А. Л. Доброхотова. Автор учебника выдвигает интереснейшую концепцию, согласно которой культура — это третья (не природная и не человеческая) реальность. Это, с одной стороны, очеловеченная природа, природа, «согласившаяся» соответствовать идеалам и требованиям человека, или, с другой стороны, воплотившийся в природе человек, который в какой то мере стал ее частью. Этот особый регион и есть *культура,* существующая как возможность примирения двух конфликтующих миров. И не только примирения, но и взаимного восполнения. Иными словами, объективно-природное и субъективно человеческое представляются неполноценными друг без друга. Культура же предлагает возможность дополнить природный материал человеческими смыслами, *примирить безличные факты и бесплотные идеалы* [6, с. 221].

Согласимся с тем, что культура является связующим звеном между человеком и природой, поскольку человек преобразовывает природную окружающую среду, нанося культурный слой на первозданную материю, подобно тому, как ювелир работает над высокохудожественной огранкой камня. Исходя из данного утверждения, молодёжная культура является способном самореализации молодёжи в окружающей действительности, но при этом сама молодёжная культура вторична по отношению к общепринятой культуре того социума, частью которого является молодёжь как социальная группа, выделяемая по демографическому признаку. Проще говоря, общечеловеческая культура меняет природу и наслаивается на неё, а молодёжная культура — это пласт, наслаивающийся на уже созданную традиционную культуру общества. Используя общепризнанное определение философии культуры, детерминируем, таким образом, в рамках данной дисциплины философию молодёжной культуры как её значимую часть.

Философия молодёжной культуры — это отдельное направление в философии культуры, исследующее особенности культурного слоя, создаваемого современной молодёжью на основе традиционной культуры, проблемы и ценности молодёжной культуры, внешние формы её выражения как материальную реализацию духовного состояния личности молодого человека, связь внутреннего состояния личности с позиционированием себя как представителя той или иной субкультуры.

Если традиционная культура общества развивается естественным путём и является отражением менталитета той или иной нации, её исторического развития, ценностного отношения к действительности, то молодёжная культура может быть охарактеризована как явление искусственное, создаваемое самой молодёжью как надстройка над базовым культурным слоем нации, позволяющая выделиться и самореализоваться в глазах окружающих — как сверстников, так и взрослых. Отсюда возникает дискуссионный вопрос — является ли молодёжная культура субкультурой по определению, или она должна восприниматься как часть целостной культуры общества (российского, европейского, восточного и т. д.).

По нашему мнению, *молодёжная культура* — это неотъемлемая часть общенациональной культуры конкретного социума, неизбежно возникающая в каждом новом поколении и, в отличие от традиционной культуры, где устойчивые материальные и духовные ценности накапливаются веками, постоянно отмирающая и возникающая вновь в принципиально новых формах самовыражения личности и соответствующей данным формам внешней атрибутике (музыке, стиле одежды, причёсках и др.). То есть молодёжная культура искусственна, изменчива, непостоянна, характеризуется стабильным переходом её носителей по достижении зрелого возраста в слой традиционной культуры общества данной страны. Меняется и отношение ровесников к носителю молодёжной культуры в процессе взросления и старения. Если в юном возрасте яркий представитель молодёжной культуры воспринимается окружающими как лидер, то

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

сохранение за собой статуса и внешней атрибутики носителя молодёжной культуры в зрелом, и тем более пожилом возрасте, начинает восприниматься повзрослевшими сверстниками как признак деградации умственных качеств, как неспособность реализоваться статусно в социуме по критериям уровня доходности, власти, образования или престижа профессии.

Молодёжная культура как философско-культурологическое явление, представляет собой единство на основе общей фундаментальной цели — стремления выделиться на фоне окружающей социальной среды — и при этом может быть охарактеризована как совокупность субкультур, различающихся по стилю одежды, причёскам, сленговому лексикону, украшениям, любимой музыке, иногда обрядам посвящения. Каждая субкультура представляет собой отдельное направление молодёжной культуры, и все субкультуры либо развиваются и сосуществуют параллельно в мире молодёжного бытия, либо остро конкурируют друг с другом. При этом конкурирующие субкультуры не являются по отношению друг к другу контркультурами, так как последний термин носит специфическую окраску относительно взглядов на традиционную культуру общества.

Таким образом, *субкультура* в рамках молодёжной культуры — это устойчивая форма (направление) молодёжной культуры, жизнеспособное на относительно коротком с точки зрения истории хронологическом срезе, недеструктивно оппозиционное традиционной культуре общества в целом. Недеструктивность оппозиционности предполагает замкнутость проявлений субкультуры на своих конкретных носителей, собственно удовлетворённость определённого слоя молодёжи принадлежностью к данной субкультуре, где стремление бросить вызов господствующей официальной культуре несомненно присутствует (принцип «Я — не как Вы, я — другой»), но не носит по отношению к ней разрушительного характера, не ставит целью уничтожение официальной культуры, бескомпромиссную борьбу с ней (принцип: «Я живу, как хочу, а вы живите, как вы хотите»).

Признаки субкультуры:

1) музыкально-атрибутивный — обязательное наличие своего стиля музыки в рамках массовой культуры и стиля одежды. Данный признак позволяет субкультуре непосредственно влияет на экономику, поскольку провоцирует рост предложения со стороны производителей, подстраивающихся под требования носителей субкультуры (диски, одежда, обувь, краска для волос, украшения);
2) профессионально-досуговый — принадлежность к субкультуре становится частью досуга, собственно досугом молодёжи или даже определяет будущую профессию (посещение клубов, стремление выделить больше свободного времени на погружение в атмосферу своей субкультуры, прослушивание любимой музыки, создание собственных музыкальных альбомов, совершенствование дизайна одежды);
3) социально-контактный — уход сознания от проблем семьи, школы, социализации, вливание в группу единомышленников, являющихся носителями той же самой субкультуры, развитие дружеских и любовных взаимоотношений в «своём кругу», чёткая дифференциация в мировоззрении всех людей на своих и чужих.

Контркультура трактуется нами как разновидность молодёжной субкультуры, главным отличием которой является вызывающее деструктивно оппозиционное отношение к традиционной культуре общества в целом. Деструктивность оппозиционности выражается в осознанном и целенаправленном стремлении разрушить официальную культуру, завещанную предками и господствующую в обществе (принцип «мы — не вы, мы будем, а вы — нет»). Носители контркультуры не признают права на культурное самовыражение ни за кем, кроме своих единомышленников, их мировоззрение построено изначально на философии отрицания.

Таким образом, молодёжная субкультура — это изменчивое явление, возникающее как надстройка над фундаментом официальной культуры и представляющее собой совокупность субкультур, отдельные из которых выступают в качестве контркультур.

Философия религии в молодёжной среде

Философия религии рассматривается на современном этапе развития науки как совокупность философских установок по отношению к религии, концептуализаций ее природы и функций, а также философских обоснований существования божества, философских рассуждений о его природе и отношении к миру и человеку [17, с. 614]. М.М. Шахнович рассматривает философию религии как часть философии, обладающую собственной традицией, своим предметом, понятийным аппаратом, направлениями и школами [16, с. 9]. Т.В. Склярова посвящает свои труды необходимости внедрения религиозного воспитания в школьную образовательную среду [15].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Философия религии в молодёжной среде рассматривается нами как часть философии религии, предметом которой являются: отношение современной молодёжи к религии, позиционирование себя с точки зрения принадлежности к какой-либо религии или атеизму, степень данной принадлежности (искренне верующий с соблюдением всех религиозных обрядов той конфессии, с которой себя соотносит конкретный молодой человек; верующий в душе, но не соблюдающий формальных обрядов; не отрицающий принадлежности к какой-либо религии и т. д.), взгляды на посмертное существование (само его наличие, формы подобного существования). Для ответа на вопрос о степени религиозности молодёжной среды нами был проведён социологический опрос в г. Сургуте, результаты его представлены ниже в таблице (*табл. 1*).

Исследование показывает, что религиозность хотя и не является главным движущим приоритетом в сознании большинства представителей современной молодёжи в обыденной жизненной ситуации, но респонденты имеют достаточно полное представление о религии, подавляющее большинство считает себя верующими, при этом чаще ходят в храм, нежели читают религиозную литературу. Большинство опрошенных молодых людей относят себя к православным и мусульманам, что является типичной религиозной картиной не только для Ханты-Мансийского округа — Югры, но и для России в целом. При этом 98–99 % опрошенных с уважением или, по крайней мере, нейтрально относятся к представителям иных конфессий, что говорит о толерантности и религиозной терпимости современной российской молодёжи.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что на современном этапе развития философии возникла необходимость комплексного изучения мировоззрения и философских установок современной молодёжи, связанная с отсутствием в современной науке фундаментальных философских и культурологических научных трудов по данному вопросу.

Таблица 1.

Статистика опроса «Религиозность молодёжной среды»

№	Содержание вопроса	Вар. ответов	Содержание вариантов ответов	Площадка 1 (107 анкет), %	Площадка 2 (147 анкет), %
1	*Назовите Ваш возраст*	а	15-20	48	34
		б	20-25	50	44
		в	25-30	2	22
2	*Назовите Ваш пол*	а	мужской	69	35
		б	женский	31	65
3	*Считаете ли Вы себя верующим человеком?*	а	да	71	70
		б	нет (скорее нет)	29	30
4	*К какой конфессии Вы себя относите?*	а	православию	67	70
		б	исламу	32	27
		в	иудаизму	0	1
		г	буддизму	1	2
		е	другой религии	0	0
5	*Как часто Вы посещаете храм (мечеть, дацан, др.)?*	а	не посещал вообще (или редко)	22	24
		б	посещал несколько раз	38	41
		в	посещаю хотя бы раз в год	34	24
		г	каждый месяц	4	8
		д	чаще одного раза в месяц	2	3
6	*Читаете ли Вы религиозную литературу?*	а	не читаю (почти не читаю)	61	51
		б	иногда читаю	29	35
		в	периодически читаю	10	14
7	*Каково Ваше отношение к людям других религиозных взглядов?*	а	уважительное	71	64
		б	нейтральное (толерантное)	28	34
		в	отрицательное	1	2

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Философия обыденности и коммуникации строится на ощущении представителями молодёжи себя самих в повседневных условиях бытия, в постоянном общении с самим собой, своими сверстниками, родителями, друзьями, одноклассниками, знакомыми. Важными элементами данного направления философии как системы является пространственная среда; само мировоззрение и мировосприятие, включая повседневные рассуждения и поиск смысла жизни в процессе абстрагирования от реальности; виртуальное и реальное общение, в том числе жизнь в социальных сетях как месте пребывания сознания представителя современной молодежи.

Философия молодёжной культуры — это отдельное направление в философии культуры, исследующее особенности культурного слоя, создаваемого современной молодёжью на основе традиционной культуры, проблемы и ценности молодёжной культуры, внешние формы её выражения как материальную реализацию духовного состояния личности молодого человека, связь внутреннего состояния личности с позиционированием себя как представителя той или иной субкультуры.

Философия религии является наименее изученной сферой молодёжного бытия, так как религиозное мировоззрение современной молодёжи при общении со сверстниками, являясь более частью внутреннего мира, нежели предметом открытого позиционирования, значительно уступает обыденному, культурному и научному в рамках перманентного пребывания в молодёжной среде.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. М.: Проспект, 2012. 592 с.
2. *Ветошкин А.П., Дзиов А.Р.* Социализация, образование и воспитание молодёжи // Сахаровские чтения 2018: экологические проблемы XXI: материалы 18-й международной научной конференции: в 3-х частях: Издательство Информационно-вычислительный центр Министерства финансов республики Беларусь, 2018. С. 22–23.
3. *Грехнёв В.С.* Философия образования. М.: Издательство Юрайт, 2017. 311 с.
4. *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 29 с.
5. *Дзиов А.Р., Ветошкин А.П.* Молодежь и современность // Гуманитарное образование в развитии российского социума и человека тематической сборник материалов международной научно-практической конференции: Шадринский государственный педагогический университет; Российский университет транспорта; Гуманитарный институт; Главный редактор А.А. Горбунов, научный редактор А.П. Ветошкин. Шадринск: Издательство: Шадринский государственный педагогический университет, 2018. С. 279-294.
6. *Доброхотов А.Л.* Философия культуры. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 557 с.
7. *Колесников М.А.* Развитие мировоззрения личности и экстраполяция // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции в 2-х частях: Шадринск: ШГПУ, 2017. С. 188–191.
8. *Колесников М.А.* Сущность экстраполяции как философской категории // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. №4(28). С. 75–80.
9. *Мануйлов Ю.С.* Среда в вопросах и ответах // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. №1 (31). С. 12–18.
10. *Новиков А.М.* Методология образования. М.: «Эгвес», 2006. 488 с.
11. Педагогическая аксиология / В.А Сластенин [и др.]. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет, 2008. 293 с.
12. *Попов С.И.* Обыденность в контексте самоопределения философии // Социогуманитарный вестник. 2011. №2(7). С. 159–165.
13. Свод вечных российских ценностей. 20.03.2020. URL: http://www.pravoslavie.ru /44320.html.
14. *Сигарева Е.В., Батурин С.П., Девяткин Г.Т.* Обыденное и философия // Вектор культуры Кузбасса. 2019. №1(3). С. 51–56.
15. *Склярова Т.В.* Религиозное воспитание в православной традиции: цели, содержание и структура // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2010. №17. С. 15–25.
16. Философия религии / под ред. М.М. Шахнович. М.: Издательство Юрайт, 2016. 273 с.
17. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
18. *Чеснокова Л.В.* Дом как пространство приватности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. №2. С. 91–97.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11103
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ПАРАДОКСЫ КУЛЬТУРЫ

Р. Э. Лильеберг

СТЁБ КАК НОВЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ ТРИГГЕР И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *В настоящем исследовании анализируется одна из наиболее впечатляющих особенностей современной массовой культуры в том её виде, который сформировался к рубежу прошлого и нынешнего веков, а именно то, что существование современного человека внутри социальной реальности проходит в условиях перманентного диктата и навязывания ему внешних норм, идеалов и ориентиров его личностного развития, основным генеративом, хранилищем и средоточием которых остаётся именно массовая культура, тогда как основным инструментом этого диктата и навязывания — наиболее популярные средства ее трансляции в информационном пространстве современного общества. Особое внимание уделено эволюции семиотической нормы означивания и коммуникативной нормы в данных условиях осуществления социальной коммуникации, а также изменениям в актуализируемой и репрезентируемой феноменологии стёба, рассматриваемого не только как феномен лингвистики, но и как инструмент направленного коммерческого воздействия на индивидуальное сознание.*

Ключевые слова: *карнавальный масскульт, норма семиозиса, функциональная структура знака, знаковая теория Пирса, деструкция нормы означивания, подмена денотации коннотацией, подмена семиозиса мимезисом, опрокидывание триггера, тотальность стёба, проблема сохранения идентичности.*

R. E. Lilleberg

BANTER AS A NEW SEMIOTIC TRIGGER AND THE PROBLEM OF IDENTITY

Summary*. This study analyzes one of the most impressive features of modern mass culture in the form that took shape at the turn of the past and present centuries, namely, that the existence of a modern person within social reality takes place under conditions of permanent dictatorship and the imposition of external norms, ideals and guiding lines of his personal development, the main generative, repository and center of which remains precisely mass culture, while the main tool of this dictate and imposition is the most popular means of its broadcasting in the information space of the modern society. Particular attention is paid to the evolution of the semiotic norm of signification and the communicative norm in the given conditions for the implementation of social communication, as well as to changes in the updated and represented phenomenology of the banter, considered not only as a phenomenon of linguistics, but also as an instrument of directed commercial impact on individual consciousness.*

Key words*: carnival masculine culture, norm of semiosis, functional structure of a sign, Pierce symbolic theory, destruction of the norm of signification, substitution of denotation by connotation, substitution of semiosis with mimesis, rollover of trigger, totality of banter, problem of maintaining identity.*

Первые десятилетия нынешнего столетия отмечены изменением характера влияния современной массовой культуры («масскульт» — здесь и далее; — прим. авт.) на индивидуальное сознание, — оно становится все более вездесущим, более навязчивым, более агрессивным. Однако, — на индивидуальном уровне разные члены общества относятся к этому «масс-культурному» прессингу также по-разному. В частности, это проявляется, и даже может быть на статистически значимом уровне прослежено, в отношении возникновения целого ряда новых, доселе невиданных феноменов индивидуального восприятия и формируемого последующего отношения к содержательной

© Р.Э. Лильеберг

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

стороне указанных выше норм, идеалов, ориентиров, стереотипов, равно как и к действительным источникам их порождения, зачастую крайне старательно удерживаемых их популяризаторами «в тени» от массового сознания. Одним из таких новых (относительно новых, — прим. авт.) явлений сложного психолингвистического (преимущественно рефлекторно-коммуникативного) характера, следует обозначить феномен стеба («стёб» — в им.п.) в том виде, в каком это явление все более отчетливо заявляет о себе в современном мире информации и коммуникации.

Вне всякого сомнения, в этом месте вполне возможны и естественным образом возникают естественные расхождения в оценке степени «новизны» этого феномена, поскольку в смеховой культуре разных стран и народов без особенных затруднений можно обнаружить достаточное количество культурных форм, являющихся если не прародителями, то уж точно предшественниками стеба в его современной «редакции». В то же время, с началом массовой компьютеризации информационного пространства современного социума, и возникшего по результатам этого процесса фактического его «двойника», — виртуальной реальности, существующей по своим собственным законам, далеко не всегда и не во всем совпадающим с законами реальности объективной, феномен стеба безусловно получил новые, доселе невиданные возможности для своей актуализации и реализации, что затем не могло не отразиться на качественном характере этого явления, последовавшие изменения которого повлекли за собой вполне ощутимые трансформации традиционных, «до-виртуальных» форм смеховой культуры.

Одновременное сосуществование во внеязыковом социальном пространстве объектов официально поощряемой сакрализации на фоне официального же осуждения демонстрации любых форм открытого пренебрежительного отношения к ним («тотемов» и «табу» — [26]), сопровождающее становление и развитие человеческой цивилизации на всем обозримом протяжении ее истории, было и будет causa generis («причина порождающая» — лат.) самых разнообразных феноменов демонстрации форм косвенного, скрытого пренебрежения и насмешки над всем тем же самым внутри пространства языкового. Источник этот определен, задан, и даже неустраним в той мере, в какой «человек социальный» всегда будет не совпадать с «человеком естественным». Однако, — совсем другое дело, когда исследователь обращается к формам возможной концептуализации и экспликации указанных форм в пространстве языка, поскольку процессы общего усложнения коммуникативного взаимодействия «человека социального» с подобными ему, безусловно влияют на расширение перечня возможных форм и способов лингвистической инструментализации экстралингвистической реальности внутри смеховой, преимущественно неофициальной культуры или субкультуры [6]. Следовательно, — такая же модернизация «традиционной» феноменологии стеба в этом отношении исключением определенно не является.

Помимо этого, изменения, коснувшиеся феноменов смеховой культуры такого рода, в значительной степени были и остаются инспирированы социокультурными трактовками и установками философии постмодерна. В этой связи стеб может быть интерпретирован, а затем и позиционирован в культурной практике (не исключая масскульт) как попытка (попытки) деконструкции нормативного образа внешнего мира в форме традиционной, сложившейся наррации через десакрализацию этой последней посредством иммерсии слушающего, читающего, наблюдающего как способа формирования нового текста, — ровно так же, как это происходит в театре, актеры которого, используя приемы стеба или подобные им, анатомируют на сцене образ привычного для того, чтобы деконструировать это последнее и представить зрительскому восприятию нечто иное, обращенное лично к каждому присутствующему, и тем самым создать вместе со зрителем иной текст, используя при этом сцену и все пространство театра в качестве инструментов в цепи осуществления преобразований «текст — иммерсивный перфоманс — новый текст».

Таким образом, именно пространство сцены более, нежели пространство текста, становится местом, формирующим возможности актуализации приемов стеба, используя такие внутренние особенности этого жанра, как нарочитость, напыщенность, театральность, живую игру значениями и смыслами, наиболее глубоко и полно понимаемую и принимаемую только в процессе столь же непосредственного, столь же живого восприятия.

К сожалению, массовый «слушатель — читатель — зритель», настойчиво и с энтузиазмом воспитываемый современным агрессивным масскультом на протяжении последних десятилетий, мало подходит для этого, поскольку указанный тип культуры, перефразируя известную пословицу, в некотором смысле и есть та самая «девушка», которую «ужинают» на пару современные экономика и система потребления, вследствие чего эти

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

же последние «танцуют» данную «девушку» так, чтобы её объект, он же массовый читатель — слушатель — зритель целенаправленно и неотвратимо превращался только в одно, ими обоюдно и страстно желаемое, а именно, — в столь же массового потребителя. И поскольку этот последний по своей внутренней сути должен быть сформирован таким образом, чтобы его способности к критике и аналитике были развиты минимально (ещё лучше, если их не будет вовсе, — такому индивиду можно будет продать вообще всё, что угодно), то искусству и жанру стёба в этой системе «масс-культурного воспитания» по причинам, указанным выше, отводится лишь чисто рекламная функция продвижения на рынок чего-то такого нового, потребительская полезность которого может быть лишь искусственно воссоздана, прорекламирована и массово навязана.

В рамках настоящего исследования, не ставящего себе целью охватить всю данную проблематику полностью, автором ставится направленный вопрос о природе тех изменений, происходящих в культуре, равно как и во всем социокультурном контексте современного общества, которые, с внешней стороны, приводят к актуализации форм сатирического восприятия реальности и описания происходящих в ней процессов в форме стеба, тогда как с внутренней стороны, — вызывают неочевидные, но влекущие за собой далеко идущие последствия и изменения в теории и практике культурного семиозиса, взаимосвязано рассматриваемого как в качестве фильтра («модератора») постоянно изменяющейся системы внутренних кодов культуры, так и в качестве генератива ее же лингвистической матрицы. С точки зрения автора, этот аспект современной культурной реальности, ускользающий от взора поверхностного и обыденного, несоизмеримо более нуждается в понимании и объяснении происходящего там хотя бы для того, чтобы понять происходящее во всем культурном пространстве, как в целом вообще.

Следует отметить, что чисто дефинитивный подход к определению данного феномена с этих позиций не сможет дать ожидавшихся изначально от него результатов, поскольку в научной и специальной лингвистической литературе феномен стеба и определяется, как явление по преимуществу лингвистическое [10, 11, 14]. Однако, — и как это представляется более верным, — весомая лингвистическая составляющая этого феномена определенно формирует его ядро, и именно поэтому подавляющее большинство исследований его генезиса или содержательных аспектов осуществляется именно в сфере лингвистики, тогда как, с другой стороны, коммуникативная динамика репрезентации этого ядра всегда разворачивается на столь же определенном фоне, — периферии этого же явления, природа которой по преимуществу является экстралингвистической.

В известной степени, это же самое признают и исследователи-лингвисты, декларируя в качестве процессуальных составляющих стеба непременное наличие «эпатажа» [25] или «провокации» [12], а еще чаще, — и первого, и второго вместе взятых [6, 11, 24]. Затем, теми же самыми активно и заинтересованно исследуется преимущественно лингвистический инструментарий формирования эпатажа, провокации, пародии и т. п. как компонентов ядра, тогда как экстралингвистическая по своей природе периферия охватывается этими же исследованиями в крайне незначительной степени, а порой и не затрагивается вовсе. Последнее выглядит особенно удручающе с точки зрения того, что стеб и как тактика взаимодействия, и (тем более) как акт осознанного выбора продуцентом речи такой тактики репрезентации своего отношения к потенциальному реципиенту, связан с занятием определенной позиции не только в речи, но и в процессе коммуникации как в целом во всей полноте всех его условий. Иными словами, — феномен стеба по преимуществу есть акт, нежели факт, — и с этой точки зрения данное явление не есть только речь, но всегда — речь в нарочито формируемом контексте, определяемом теми же исследованиями в терминах «клоунады», «карнавала», «юродства», «ёрничания», «действа высмеивающего» и им подобных [5, 17, 22]. Иногда и сам термин «стеб» дополняет этот же ряд по мнению, или же по предположению тех, кто находит какие-либо основания для утверждения наличия вполне определенного и устойчивого сродства между всем, перечисленным выше, и стебом, — сродства, формирующего некоторое внутреннее коммуникативное единство.

Как представляется, основная проблема понимания этого явления в пространстве того масскульта, что сопровождает общественное бытие в условиях сегодняшнего дня, связана не столько с точностью дефинирования, сколько с определением, выявлением, закреплением и попытками фиксации хотя бы относительно устойчивых и существенных черт и признаков этого «нарочитого формирования» контекста стеба. Для того, чтобы понять и прочувствовать разницу между тем, что формируется непроизвольно, и тем, что произвольно, — необходимо, как минимум, некоторое (не вполне рациональное?) ощущение (или

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

интуиция) наличия контраста между первым и вторым, — чего, как кажется, создатели, транслято-ры и популяризаторы современного масскульта более всего и не желают. Трагедия современного «социального человека» как раз и состоит в том, что он прогрессирующе утрачивает навык фиксации момента переключения регистров подлинной интенции продуцентов речи, адресованной его восприятию, а без этого практически невозможно понять, что есть стеб, а что таковым не является. Лишенный не только подлинных критериев демаркации, но и хотя бы призывов к попыткам определить таковые, современный масскульт доверху забивает восприятие, мышление и сознание своего потенциального реципиента искусственно (а также и искусно, — прим. авт.) дифференцированными клише и стереотипами, различие между которыми этот самый реципиент очень скоро начинает воспринимать как «плоды» своего собственного мышления. Последнее же означает, что конечная цель процесса инициации очередного потребителя всего этого информационного мусора почти, или даже в целом достигнута, и эта цель — не столько «продать» ему (в самом широком смысле этого слова, — прим. авт.) сам этот мусор, сколько все то, что стоит за ним.

Кроме того, рассмотрение этого прежде узколингвистического феномена с таких позиций, вне всякого сомнения, потребует серьезной ревизии его прежнего понимания и интерпретации, а вслед за тем, — также и переоценки настоящих масштабов его распространения в пространстве коммуникации современного социума, что, как представляется, само по себе является совершенно иной и качественно новой проблемой, имеющей выраженную аксиологическую составляющую, ибо замалчивание, или же игнорирование факта наличия этой последней способно сохранить для «социального человека» только лишь некоторую видимость «незыблемости» прежних традиционных устоев, становясь, по сути своей, вполне безответственной прокрастинацией в форме заметания многоликого информационного мусора от нынешнего масскульта под ковер завтрашнего дня.

Настоящее исследование оставляет за рамками ряд дефиниций базисных категорий классического (нормативного) семиозиса как процесса, осуществляющего взаимосвязанные функции генерации и модерации всякого нового знакового содержания, заполоняющего пространство значений и смыслов современного социума прежде всего в сфере лингвокультуры последнего, с тем, чтобы направленно сосредоточиться на анализе тех компонентов этой элиминации, содержательная сторона которых с позиций масскульта сегодняшнего дня вызывает наиболее значительные сомнения, а именно — «классический» и «нормативный».

Обращаясь к «классике» теории семиотики, Ч.С. Пирс в своем фундаментальном исследовании [15] определил природу любого знака как триадическую, постулировав трехкомпонентную структуру знака как объекта особого рода, способного исполнять возложенную на него единую знаковую функцию, и состоящего из репрезентамена (знака как такового), десигната (объекта, обозначаемого знаком), и интерпретанты (значения, порождаемого знаком — [Ibid.]). Сложная трехсторонняя корреляция между всеми этими тремя сторонами знака одна только и делает его, как целое, именно тем, в качестве чего он и должен функционировать внутри всей знаковой системы [Ibid.]. Иначе, — соответствующие этим компонентам Ч.С. Пирса базисные отношения синтактики, семантики и прагматики, в то же самое время являются устоявшимися в науке названиями соответствующих фундаментальных разделов классической семиотики. Вот как об этом пишет сам Ч.С. Пирс: «Знак, или репрезентамен, есть нечто, что для кого-нибудь в определённом отношении или в силу некоторой способности представляет нечто. Он обращён к кому-то, т.е. производит в сознании этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитой знак. Знак, который он производит, я называю интерпретантой первого знака.» [Ibid.]. Здесь Ч.С. Пирс описывает «классику» семиотики: процесс использования субъектом знака как элемента знаковой системы, результатом которого становится порождение знаком связанного с ним значения в восприятии и мышлении субъекта. В той же самой классической трактовке здесь описана семиотическая норма, то есть порождение прямого (свободного) значения, на противоположных полюсах которого находятся объект (десигнат) и знак, его обозначающий (денотат).

Однако, — невозможно облечь и репрезентировать иронию в форме стеба, используя только денотативные значения и их комбинации. Следовательно, — в этом отношении стеб (вернее, — продуцент стеба) и не использует только прямые (денотативные) значения. Однако, как особая форма выражения насмешки (то есть, по существу, — форма выражения иронии, — прим. авт.) стеб не может обойтись, и не представим в речи именно без денотативных значений, интертекстуально организованные совокупности которых используются для формирования различных

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

(в прагматике и семантике стеба) форм контраста по отношению к нему самому. Таким образом, — именно в этом, вероятнее всего, и состоит парадоксальность речевой и коммуникативной стилистики этой формы иронии, которая, если называть вещи своими именами, — фактически взламывает норму классического семиозиса, но, в то же самое время, — не может обойтись без ее «обломков».

Когда Ч.С.Пирс писал свой фундаментальный труд [Ibid.], понятия «стеб» в категориальном аппарате лингвистики еще не существовало (в русском языке, например, этот феномен начал заявлять о себе только в 70–80-х годах прошлого века по целому ряду специфических причин преимущественно идеологической природы — см.ниже), однако, предчувствуя, видимо, некоторую возможную подвижность компонентов утверждаемой им классической модели языкового знака, вот что пишет далее он: «… Знак представляет нечто, свой объект. Он представляет этот объект не во всех отношениях, но в отношении к некоторого рода идее…» [Ibid.]. Однако, — что же это может быть за идея в такой трактовке Ч.С.Пирса? В самом общем виде это — принцип, или совокупность основных принципов (правил) означивания (придания и последующего выражения значения знака), сложившихся в данном естественном языке исторически и лингво-генетически, и это — классическая трактовка, предполагающая, как позже это постулирует Л.Ельмслев [20], единство внешнего плана выражения (фонемы, графемы, морфемы, слова как целого) и внутреннего плана содержания (понятия, значения) знака естественного языка. В то же время, и из той же самой теории лексикологии классической лингвистики известно, что, помимо прямого значения языкового знака (слова), последний обладает способностью выражать также и многие другие, аддитивные и непрямые значения, и эта особенность наиболее рельефно и отчетливо раскрывается в сопоставлении и различении денотативных и коннотативных отношений одних и тех же знаков естественного языка к объектам внешней, неязыковой реальности [18].

Демаркация компонентов знаковой системы естественного языка на план выражения и план содержания вошла в традицию классической семиотики, а вслед за ней — также и классической лингвистики как конвенция, которых в науке множество. Невозможно, в частности, отрицать, что в этом случае за данной конвенциональностью кроется вполне реальная целесообразность, очевидно расширяющая, с одной стороны, спектр возможных трактовок множества связанных с этой двуплановостью теоретических аспектов, а также повышающая, с другой стороны, их же ясность, четкость и непротиворечивость. С этих позиций коннотативные компоненты (коннотации) значения языкового знака, в случае дополнения ими основного (денотативного) значения, становятся средствами отражения в речи продуцентом последней его особенного, — эмоционального, оценочного, или какого-либо иного субъективно-личного отношения к объекту (объектам) действительности, обозначаемым им в речи, и, следовательно, тем же самым, — реальными средствами изменения стилистики всего высказывания, посредством которого продуцент стеба активно пытается манипулировать восприятием его же рецепиента.

В этом отношении стеб как феномен культуры и коммуникации внутри общества постмодерна становится инструментальным модификатором традиционной иронии, поскольку ирония (в речи) — насмешка по определению скрытая, когда смысл прямо высказанного для реципиента речи, обладающего чувством юмора на уровне не ниже нормативного, — должен быть воспринят и понят им в значении, противоположном буквальному. Стеб же по определению своему никакого подобного коммуникативного либерализма и деликатности почти что не предполагает, поскольку в форме стеба зачастую реализуется ирония особенно злая, на грани цинизма, а внутри акта коммуникации это — всегда напор («прессинг» — [23]), всегда провокация, всегда эпатаж на грани агрессии по отношению к реципиенту речи, если он занимает сторону объекта стеба или просто совпадает с ним. И тот частый факт, что речевая агрессия в форме стеба в неформальной обстановке, и в отсутствие внешних ограничений легко трансформируется в агрессию физическую, упорно стирает грань между трактовками стеба как феномена по преимуществу лингвистического, и позиционированием его же как феномена обще-социального, или — как особой модели социального взаимодействия индивидов, обладающих способностью воздействовать друг на друга не только посредством речи. В протоколах правоохранительных органов последнее фиксируется обычно в фактах предшествования взаимной физической агрессии фигурантов агрессии речевой, — т.е. той переломной точки в развитии противоправной ситуации, где завершается нанесение сторонами морального ущерба друг другу словом, и начинается нанесение ими же взаимного физического ущерба их здоровью и жизни чем-то другим.

Таким образом, стеб, как средство маркирования или коррекции не только внутри-коммуникативной,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

но и обще-социальной позиции продуцента речи, по сути своей является феноменом сложной природы, обладающим как лингвистическим, так и экстралингвистическим измерением, и, следовательно, — как всякое сложное явление, именно так должен анализироваться и рассматриваться. Последнее утверждает феномен стеба в качестве объекта научного исследования как то, полное содержание чего имеет выраженный междисциплинарный характер, когда к лингвистике должны подключаться психолингвистика, лингвистика массовых коммуникаций, психология социального общения и взаимодействия.

Такой подход вдвойне оправдан историческими особенностями зарождения и импликации феномена стеба в коммуникацию посредством естественного языка, и русский язык в этом отношении исключением также не является. С давних времен стеб использовался как средство репрезентации иронии по отношению к тем, кто стремился декларировать возвышенные цели и намерения по отношению к своим прежде совершенным неблаговидным поступкам. В терминах психоаналитической концепции это есть проявление сочетанного действия механизмов отрицания и сублимации [26] посредством речи. Так, например, полтора века назад великий русский сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин писал: «правда, что N ограбил казну, но зато какой патриот!… » [16]. В русскоязычной сатирической лингвокультуре вообще повелось так, что нарочито притянутые для оправдания низменных поступков высокие цели, возвышенная патетика, внешне декларируемое бескорыстие, ложный патриотизм и т.п. особенно часто становились объектами массового осмеяния именно посредством стеба [9].

Указанные выше особенности затем проявились также и век спустя, когда исторически все сложилось так, что внутри русскоязычной коммуникации возникновение данного феномена было напрямую инспирировано целенаправленным навязыванием «сверху» через различные СМИ, тотально подконтрольные «официальным источникам», идеологически выверенного, выхолощенного, отцензурированного ими же партийно-бюрократического новояза в 70–80-х годах прошлого века, который массовый и не лишенный критики слушатель — читатель — зритель той поры кратко и емко определил как беспрерывные «вести с полей» [5, 9].

Как представляется судить об этом наиболее корректно, — тогда в массовой коммуникации возникла ситуация беспрецедентной по глубине редукции значений и смыслов всей знаковой системы русского языка, поскольку внутри естественной коммуникации посредством последнего возникли целые лексические и стилистические поля, которые «органы» внешнего надзора и цензуры целенаправленно старались или ограничить, или вообще запретить (замалчивать) в масштабах, неведомых даже системе государственной цензуры периода царского самодержавия. Как правило, — и это известно из истории, — обыденная (неофициальная) коммуникация посредством естественного языка плохо поддается такого рода диктату и нажиму, из-за которых формальные изъятия и запреты «сверху» в реальной коммуникации очень скоро начинают заполняться многочисленными речевыми суррогатами, поскольку долго молчать (или мычать?) там, где должно быть произнесено вполне определенное слово, просто невозможно, и вот именно эти последние (т.е. суррогаты) очень часто конструируются и затем конституируются в речи с использованием языкового материала, активно заимствуемого из «официально разрешенных» лексики, фразеологии, стилистики, модальностей и т.п. в полном соответствии с одним из базисных принципов репрезентации стеба, — сломать речевую норму, переосмыслить ее, а затем поиграть, потасовать в речи ее же обломки, обыгрывая при этом не столько сами эти запреты и изъятия, сколько измысливших и навязавших их всем остальным цензоров.

Таким образом, этот новый и генетически рефлекторный «эзопов язык» по сути своей являлся стебом, но — стебом неофициальным, возникшим как противовес официальному новоязу «вестей с полей», поскольку, обыгрывая его ограниченность и абсурдность, наиболее продвинутые и творческие умы демонстрировали подлинный высший лингвистический пилотаж в формировании содержания своих художественных творений, посредством которых, по сути, формировался единый рубеж культурной обороны от тотального диктата примитивной стилистики «социалистического реализма» в культуре и литературе, — ибо их потенциальная аудитория, владеющая навыками «прочтения» творений, созданных на таком языке, практически без искажений воспринимала их истинный смысл [8, 9].

Стеб как целое не может быть интерпретирован без рассмотрения аспектов обще-социального позиционирования продуцента речи еще и потому, что как сама эта модель, так и ее коммуникативные производные, — все они тяготеют к просторечию и соответствующей его стилистике репрезентации, поскольку «стебание» кого-либо (или чего-либо)

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

с позиции «простого человека», не ограничивающего себя и свою речь излишней тактичностью и деликатностью, ощутимо повышает уровень экспрессии и доступности в понимании истинного смысла всего этого действа. Поскольку позиция «излишне умного» собеседника в этом отношении остается все же менее выигрышной, и в каких-то речевых ситуациях даже не может быть реализована вследствие наличия прагматических ограничений, — «излишне умным» почти всегда остается объект стеба [14], тогда как стебающийся по поводу его посредством «простоты» (часто нарочитой) своих реплик вполне способен заработать у своего зрителя — слушателя — читателя дополнительные очки.

Таким образом, коммуникативная частотность употребления самого этого понятия в текстах тех же научных исследований, в материалах соцопросов, в психологической литературе, в беллетристике, в материалах периодических СМИ становится все более ощутимой. То же самое справедливо и для информационного обмена в виртуальном пространстве сети интернет, — собственно, такой феномен, как троллинг в социальных сетях, в качестве своего инструментария чаще всего использует именно стёб. Позиционируемые предпочтения в восприятии того или иного феномена масскульта в режимах обсуждения (на форумах) зачастую репрезентируются их декларантами если не посредством собственно стеба, то — посредством стилистически связанных с ним форм выражения иронии, сарказма, насмешки. Однако, — поскольку генерируемые внутри виртуального пространства особенные модели коммуникации вообще обладают таким имманентно присущим им свойством, — то постепенно они начинают перемещаться в реальность настоящую, то в этом отношении современный масскульт во все большей степени становится пространством информационного обмена с активным применением стеба и лексики, ему соответствующей («олбанский язык» и т.п. — [17]), тем же самым постепенно превращаясь в «культуру массового стеба», адепты и неофиты которой изо всех сил стараются «перестебать» своего собеседника, — и которая, по существу, внутренне начинает ассимилировать множественные вариации этих агонов «перестебателей» так же, как всякая иная культура постепенно начинает складываться в систему собственных значений, феноменов и текстов.

Последнее замечание представляется автору настоящего исследования очень важным, поскольку здесь, вследствие гетерогенности компонентов своего полного содержания, «изначально лингвистический» феномен стеба вновь начинает «переливаться» за пределы функционирования языка в сферу экстралингвистики. Несмотря на то, что эти процессы, скорее всего, зарождались и начинали свой путь внутри виртуальной реальности, в настоящее время стеб все более активно используется в качестве средства социальной демаркации и принадлежности к определенной социокультурной (или субкультурной) группе, где очень «ценится» даже не он сам по себе, но выработанные индивидуальные навыки реагирования на «чужака» путем мгновенного переключения регистра общения с режима коммуникативной нормы в режим стеба. И чем более распространенной становится такая практика, — тем все менее ощутимой, и все более подвижной, зыбкой становится грань между стебом и всем остальным, что им не является. Тем самым, — стеб во все большей степени становится «могильщиком» не только прежней семиотической нормы, но и нормы коммуникативной, — и это, по последствиям своим, есть совершенно несоразмерная расплата за ненормативное использование языка в качестве инструмента социального маркирования и подтверждения индивидуальной принадлежности к «своей» социальной группе [7].

С тем же сомнительным успехом дифференциация предпочитаемых форм стеба в адрес конкурентов может быть использована также и в качестве средства межгрупповой дифференциации, когда утверждающиеся особенности речевых тактик стеба начинают формировать внутригрупповое коммуникативное пространство, закрытое для «чужих», внутри которого зарождается, «чтобы группировать и группироваться», внутренний «язык» группы, — жаргон или сленг, фактически формирующий «фасад» данной группы как основной субкультурный маркер ее отличия от прочих, ей подобных.

По преимуществу, перечисленное выше имеет место быть, и происходит главным образом внутри и между самых разнообразных молодежных объединений, преимущественно неформальных (но не обязательно — прим. авт.), особая склонность членов которых к стебу и ерничанию находит свое объяснение в общих особенностях психологии взросления молодого человека в этом, для него сложном возрасте, когда вопросы социальной компетентности и социальной же зрелости (т.е. по сути, —собственной состоятельности и самостоятельности, — прим. авт.) в связи с претензиями на выход из детского возраста и вхождение во «взрослую жизнь» встают перед претендентом

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

на «взрослость» особенно остро. Самая частая причина тому, — неполное, а порой деформированное, просто превратное отношение молодежи к субъективно сформировавшемуся у нее образу «взрослой жизни» как к социальной норме, к которой либо «следует стремиться», либо же, напротив, — как к анти-норме, которой «следует избегать», поскольку у субъективно близких, и столь же субъективно нереферентных взрослых «полно недостатков», а «норма» их социального бытия в той форме, как она представляется молодым, «лжива», «примитивна», «пуста», или же вызывает со стороны «поколения X, Y, Z» (нужное вписать — прим. авт.) устойчивое презрение, выражаемое в оценках типа «лохи», «лузеры», «не умеющие жить», «отстой» там и тогда, где и когда пресловутая проблема «отцов и детей» репрезентируется в так популярной ныне форме стеба последних над первыми.

Тем не менее, столь частое стремление к использованию в речи приемов стеба, равно как и постоянно проявляемая склонность к такому использованию, по преимуществу становятся невротической формой экспликации через речь внутренней тревоги от переживания неопределенности стоящих задач и будущих трудностей на пути достижения собственного превосходства на этапе достижения фазы «… вот когда я вырасту, и начну уже жить своей жизнью…». При этом постоянное использование стеба, равно как и склонность к таковому, становятся внутрипсихическими заместителями желаемого превосходства над окружающими (не исключая, кстати, и «нереферентных» взрослых, — прим.авт.) тем реальным усилиям, которые могли бы быть направлены на достижение этой же цели в действительности. Так же, как и при всяком неврозе вообще, такой постоянный, навязчивый стеб к месту и не к месту становится всего лишь средством ослабления этой внутренней тревоги и, тем же самым, — средством снижения уровня внутреннего психологического неблагополучия подрастающего индивида, объективно не приближая этого последнего к состоянию «взрослости» ни на шаг, но субъективно (и вполне успешно) создавая его «растрепанной взрослением» психике иллюзию такой вот мнимой «принадлежности».

Мигрируя затем вслед за своими несовершеннолетними носителями во взрослую жизнь, стеб становится формой коммуникации настолько масштабной, что это во все большей степени заостряет вопрос о содержании коммуникативной нормы языка, поскольку вследствие наблюдаемого расширения спектра коммуникативных возможностей и вариаций его использования, стеб в определенном смысле сам становится «нормой» спонтанной речевой реакции на «чужака» (см. выше — [Ibid.]), что характерно для социальной системы, внутри которой наличествует высокий уровень взаимного недоверия между ее членами, равно как и высокий уровень разобщенности между ними же. Специфическая «блатная феня» как раз и является, по существу, выражением нормы взаимодействия в подсистеме, функционирующей под лозунгом «не верь, не бойся, не проси», в форме стеба с использованием криминального жаргона. Именно в таких особенных условиях речевая практика стеба приобретает негласный статус «пароля», при совпадении которого с обеих сторон в случае спонтанно возникшего взаимодействия эти стороны переходят в режимы общения с более высоким уровнем взаимного доверия. Само это омассовление речевой склонности к стебу в массовой же коммуникации может рассматриваться и характеризовать общественную систему, как испытывающую те или иные существенные затруднения на своем пути к более «взрослому» и более ответственному состоянию, — систему, которая никак не может окончательно расстаться с так полюбившимися ей одежками собственного инфантилизма, из которых физически она уже давным-давно выросла [7, 8]. Наблюдая современное российское общество, особенно в отношении жизненных целей, предпочтений и приоритетов его подростковой, взрослеющей части, складывается устойчивое впечатление страстного и неутолимого желания подмены ею известного призыва древних «Per aspera ad astra» («Через тернии к звездам» — лат.) другим, а именно, — «Praeter aspera ad astra» («В обход терний к звездам» — лат.).

Именно это самое и наблюдается в расширяющейся сфере использования собственного языка, как средства естественного общения, в режиме стеба. Первый раздел данного исследования был отдан под краткий анализ теории структуры знака Ч.С. Пирса как одной из важнейших основ классической семиотики (см. выше — [15]), в которой ее автор утверждает итог процесса семиозиса в качестве акта порождения значения в восприятии и мышлении субъекта, использующего языковой знак [Ibid.]. В этой связке («субъект — знак»), соответствующей прагматическому отношению классической семиотики, знак выступает как генератив «интерпретанты», — значения, формирующегося в сознании субъекта. Крайне мало сведующий в научных трудах Ч.С. Пирса современный средне-статистический молодой человек,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

не желая вдаваться во все эти малопонятные для него аспекты, переключается в режим стеба именно потому, что это — самый простой путь «обойти тернии» (см. выше — [Ibid.]) и, в то же самое время, — наладить диалог с находящимся рядом. В этом месте автору могут возразить, что с основами семиотики в целом, и с трудами Ч.С.Пирса в частности, вообще мало кто знаком, однако же, несмотря на это обстоятельство, норма коммуникации продолжает оставаться нормой не вследствие влияния на умы Пирса, или, напротив, — отсутствия такого влияния, — а лишь потому только, что обе стороны диалога намеренно оперируют действительными значениями знаков языка, и стараются (по крайней мере, — если разговор является обоюдно значимым актом социального обмена, — [6]) транслировать друг другу именно те же самые значения, рассматривая сам выбор избранной лично ими такой тактики коммуникативного обмена, прежде всего в качестве стремления быть понимаемым своим собеседником ясно, отчетливо и однозначно.

В этом отношении, и исходя из самой природы естественного языка, норма коммуникации по существу своему остается массово принятой, осознаваемой и подтверждаемой в актах коммуникации конвенцией, а конвенция всегда заключается на некоторых исходных основаниях, обоюдная необходимость учета которых равно признается всеми ее сторонами. По отношению к естественному языку такого рода основаниям новых членов общества целенаправленно обучают в учебных учреждениях, совершенно справедливо стращая при этом особенно нерадивых учеников тем, что аграмматичная речь плохо понимается другими участниками общения, а при достижении определенного уровня отклонения от грамматической нормы, — перестает пониматься этими же последними совершенно.

Очевидно, что стеб, как феномен речи, отнюдь не тождественен аграмматизму, но что-то общее между ними обнаруживается безусловно, и это общее — нарушенная норма структуры языкового знака, равно как и нарушенная синтаксическая норма структуры сочетаний знаков языка. В случае неспособности овладения грамматикой собственного языка указанное выше нарушается по факту отсутствия в восприятии и мышлении продуцента речи понимания корректности того, что он произносит или пишет, тогда как в случае стеба языковая, а за ней и коммуникативная нормы коверкаются тем же продуцентом речи преднамеренно, и вполне себе осознанно. Вопрос же, — почему это происходит, да еще и столь массово происходит в настоящее время между носителями языка, имеющими достаточный уровень грамматической компетентности? — относится к числу сложных, междисциплинарных (см. выше), и не имеющих однозначного ответа. Последнее, однако, не означает, что от поисков такого ответа за экономией времени, усилий, ресурсов и пр. следует отказаться, поскольку исторически такая «страусиная политика» в сфере общения посредством естественного языка неизменно приводила к одним и тем же результатам, а именно, — к результатам плачевным и необратимым, поскольку за разрушением языка почти всегда и неизменно следовало разрушение культуры [19].

Как это представляется достаточно вероятным, истоки того, что происходит, следует искать в определенно «расслабляющем» (вернее, — ослабляющем — прим. авт.) влиянии на восприятие и мышление представителей «поколения X, Y, Z» процессов электронизации и автоматизации удаленного доступа к любым информационным массивам посредством все более технически совершенных и все более автономных в использовании электронных устройств. Овладение несложными техническими навыками навигации в виртуальном пространстве всемирной сети WWW легко и скоро создает в социально незрелом сознании тинэйджера иллюзию его полного всезнайства и фантастической по своей широте компетентности в любой области знаний. И это — именно та позиция, с которой такому социально незрелому сознанию начинает казаться столь соблазнительным пробовать «стебать» окружающих только ради подтверждения и закрепления собственного «превосходства», в реальное существование которого это не расстающееся со смартфоном сознание уже практически уверовало. А то, что не верят в это другие, — это же их проблемы, которые будут решаться посредством применения стеба как средства указания всем несогласным их места. Именно таким образом стеб становится «массовым оружием» в конкурентном противоборстве за обладание высшим внутригрупповым социальным статусом, которое «расчехляется» и приводится в действие практически мгновенно.

И еще два момента к отмеченному выше: во-первых, именно тинэйджерство является тем возрастным периодом, когда проблема социального лидерства и отстаивания занимаемой внутригрупповой позиции стоит перед подростком наиболее остро, — другое дело, что некоторые сильно повзрослевшие бывшие тинэйджеры никак не «вырастут» из этого же периода не только телом, но

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

и духом. И, во-вторых: становящиеся столь же массовыми, периодически повторяющиеся требования взрослеющих (телом, но не духом) представителей «поколений X, Y, Z» приобретения для них их состоятельными «предками» все более новых, и все более технически совершенных систем удаленного доступа ко все более расширяющимся «закромам» самой разнообразной информации в виртуальном пространстве сети интернет.

Велико желание от имени всех третируемых взрослых ответить своим отпрыскам посредством точного изречения В. Беньямина, написанного на сей же счет почти век тому назад: «…сфера потребления пронизана идолопоклонством мертвому, технически воспроизводимому…» [1], — также и технически совершенствуемому, но все равно — мертвому. Однако, эти «новые идолопоклонники» эпохи самых современных электронных гаджетов не читают не только Беньямина, — они вообще почти что ничего не читают, потому что их руки постоянно заняты именно этими самыми «идолами», с которых они не сводят взгляда, и места любой книге ни в их руках, ни перед их взором в этой почти что «молитвенной» связке просто не находится.

Здесь обращает на себя внимание то, что и первое, и второе, скорее всего, являются наблюдаемыми эпифеноменами одного и того же процесса. Работа с восприятием элементов речи, сформированных на основе семиотической нормы, требует анализа, вскрытия смысла и понимания услышанного или прочитанного. Однако с тех пор, как средства мобильного доступа к любым информационным массивам стали предметом общедоступным, злоупотребление их возможностями стало все более обнаруживать свою оборотную сторону, а именно, — прогрессирующую утрату сложных, системных навыков логического и аналитического мышления, особенно заметно проявляющуюся именно в подростковых возрастных группах.

По свидетельству У. Эко [19], общий поток информации, транслируемой всеми возможными каналами по направлению к восприятию современного индивида, представляет собой достаточно сложный семиотический универсум, для ориентации внутри которого необходимы выработанные индивидуальным сознанием навыки прежде всего выделения, определения и понимания способов кодирования — декодирования транслируемой информации. Недостаточная внутренняя сформированность, либо же полная несформированность этих последних, неизбежно заставляет индивида, желающего непременно «быть в теме», искать им какую-либо внешнюю замену. Поскольку указанная тенденция приобретает все более массовый характер, возникают достаточные основания заключить, что именно этой исходной мотивацией индивидов, преимущественно компенсаторной по сути своей, в основном может быть объяснен столь же массовый спрос на все более и более усложняющиеся версии мобильных устройств, обеспечивающих доступ «ко всем знаниям» внутри всемирной сети WWW.

По существу, все эти гаджеты незаметно превратились уже даже не в костыли для утратившего способность напрягаться мышления индивида, а в кресло-каталку для перемещения его же восприятия от одной гиперссылки к другой, к третьей и т.д. Таким образом, если прежде почиталось за честь соперничество в дискуссии посредством аргументов и умения убеждать, то ныне все то же самое объявлено на массовую публику «давно неактуальным» в то время, как молодые люди все более охотно козыряют друг перед другом новизной, стоимостью или маркой имеющегося у них смартфона, — видимо, за полным неимением первого у обеих сторон такой «дискуссии», то есть, — во всех таких случаях совершенно определенно имеет место быть не агон интеллектов, а агон кошельков (часто родительских — [23]).

Практически не вызывает сомнений и то, что всемерное благоприятствование для зарождения и эскалации негативных тенденций такого рода, прогрессирующе разрушающих совокупный интеллект настоящего и будущего социума, создают особенности многоканальной подачи и целенаправленного влияния на индивидуальное сознание информационных потоков, имманентно присущие современному агрессивному масскульту, который сам возник на определенном этапе социокультурогенеза как результат индустриализации существующих культурных институтов и автоматизации («штамповки») исторически сложившихся способов воспроизводства культурных форм.

От взора сегодняшнего потребителя самым тщательным и надежным образом преднамеренно скрывается то, что сама техносфера эпохи господства современного масскульта перманентно воссоздает себя, как «causa sui» («сама себе причина» — лат.) посредством непрерывной рекурсии («технической вопроизводимости» в терминах В. Беньямина [1], — см. выше) в значительной степени повторяющих друг друга (и повторяющихся друг в друге, — прим. авт.) технических устройств, эстетический, конструктивный и функциональный прогресс внутри которых осуществляется в крайне незначительных

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

и точно дозированных пределах. Целью всего этого является непрерывное удержание под контролем уровня потребительского ажиотажа по поводу ожидания выхода все более и более «новой» модели любого такого устройства, а также управления им. Цель: чрезмерно не «охлаждать», но и не «перегревать» его с тем, чтобы сохранить внутри сознания массового потребителя искру мотивации приобретения все более новой модели модного гаджета нетленной, и чтобы навязчивой и агрессивной рекламе в любой момент было бы куда «капнуть» очередным призывом к приобретению «последнего чуда техники» для того, чтобы «костер» тут же вспыхнул, и оболваненный в очередной раз потребитель, не секунды не сомневаясь в правильности того, что он делает, тут же ринулся бы за кредитом для покупки… нет, — не этого конкретного товара, — для покупки очередной порции удовлетворения своего собственного тщеславия от осознания превосходства над другими прочими, того же самого пока еще не имеющими, и так, — до выхода следующей модели «самого последнего чуда техники»…

Вся эта система искусственного (и искусного, — прим. авт.) поддержания и «разогрева» потребительского спроса, негласно используя исходные принципы классического семиозиса, активно и почти незаметно препарирует всю систему внутренних кодов культуры современного социума, тем самым дезактивируя ее с целью ее же подмены и «расчистки» занимаемого ей пространства для построения совершенно другой квази-культурной системы на иных основаниях [3]. Последовательно для этого используется, с позволения сказать, лишь «наследие» классического семиозиса, на котором паразитирует современный масскульт, тогда как в «новой культурной реальности» тому же семиозису места не остается, поскольку его отовсюду вытесняет мимезис в своей наиболее адаптированной под уже созданную систему массового потребления версии. Сама индустриализация процесса воспроизводства и массового тиражирования культурных форм, являющаяся одним из «столпов» современного масскульта, в чистом виде не использует знаки и не нуждается в знаках (в классической трактовке Ч.С.Пирса [15] — см. выше), поскольку вместо знака ею тотально используется то, что Ж. Бодрийяр назвал в своей одноименной работе «симулякром» знака ([2] — «simulacrum»: «образ», «тень», «подобие» — лат.), по определению не наделенным способностью исполнять хотя бы базисные знаковые функции, но, — замещающим знак, и имитирующим его классическую структуру в системе символического потребления [4].

Такая организация системы массового потребления, инспирированная и постоянно разогреваемая многочисленными механизмами и каналами вещающей отовсюду современной рекламы, по содержанию своему, да и по форме рекламной подачи является стебом над индивидуальностью своего потенциального реципиента, поскольку имплицитно во всей этой массовой рекламе «зашито» бесконечно пренебрежительное отношение к любым индивидуальным проявлениям и предпочтениям этого реципиента, —позиционируемого в том числе и как потенциального потребителя. И даже в тех случаях, когда мишенью очередной проводимой рекламной кампании становится вполне определенная «целевая» аудитория, — кампании, апеллирующей к «личному» здоровью, «личному» благосостоянию, «личной» социальной успешности, «личному» качеству жизни и т.п., — на самом деле все это перечисленное по сути есть лишь инструмент повышения эффективности воздействия данного рекламного продукта на сознание реципиента этой рекламы, — яркие, экспрессивные и «бьющие в цель» симулякры знаков естественного языка, в полном соответствии с концепцией Бодрийяра [2], блестяще имитирующие выраженную индивидуальность и адресность всякого подобного рекламного обращения, но не несущие при этом в себе никакого реального индивидуального содержания.

Все очень просто: если только один этот среднестатистический адресат рекламного сообщения, он же — потенциальный потребитель, приобретет в свое личное пользование объект рекламирования, а другие — нет, то никакая подобная рекламная кампания, требующая, как правило, значительных вложений со стороны реализатора товара (услуги), просто не окупится. Поэтому, за вечными и постоянными обращениями к потребителю по поводу его личного счастья, здоровья, благополучия и т.п. всегда стоит только одно, а именно, — обращение к его личному кошельку, приобретающее коммерческую значимость лишь в том случае, если навязываемая им потребность приобретения обретет массовый, деиндивидуализированный успех. Таким образом, — никакой «индивидуальности» адресата рекламы, — будущего потребителя, в этой схеме на самом деле нет, а есть только изначально деиндивидуализированная массовость, задрапированная демонстрацией видимости «личного обращения» к адресату.

Интересно и вот еще что: социо- и лингвопрагматически эта реклама «самых современных чудес» науки и инженерной мысли мало чем

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

отличается от полувековой давности «вестей с полей» [9], поскольку те рекламировали счастливый образ адепта и последователя «единственно верного и бессмертного учения», тогда как эти, — не менее счастливые рекламные образы обладателей то того, то сего «принципиально нового», без чего «жить нельзя» ровно так же, как «нельзя было жить» и без «великого и бессмертного учения» всего полвека тому назад.

Иначе говоря, — в такого рода системе исторически нет (и не было никогда, — прим. авт.) никакого семиозиса, потому что здесь он не используется преднамеренно, столь же преднамеренно замещаемый (и замещенный) мимезисом [18]. С целью изначально показаться своему потенциальному адресату правдоподобной, и даже претендуя на статус некоторой наррации, реклама всегда старается оттолкнуться от реальности, но почти никогда не использует ее вполне и всецело именно по критериям убедительности и эффективности воздействия на сознание потенциального покупателя. Подобно речевому стебу, общий текст рекламного продукта формируется путем препарирования стартового «достоверного» образа того, что происходит (например, — не отстирываются пятна на белье в рекламе «радикально нового» пятновыводителя), тогда как в сюжетной линии в ее дальнейшем развитии затем используются лишь те фрагменты «реального», которые способны создать у конечного потребителя иллюзию общего правдоподобия и даже «жизненности» всего, ему продемонстрированного.

Вдоволь настебавшись над этой исходной реальностью, персонажи которой просто уже больше жить не могут без (см. выше) рекламируемого товара или услуги, авторы рекламы в завершение «теперь идут к вам», — видимо, для того, чтобы «вместе с вами» постебаться еще и над теми, у кого объекта рекламы «все еще нет», после чего — «все вместе счастливы»: одни, — потому, что продали; другие — потому, что купили; третьи — потому, что «просветили» этих «темных» других, и получили причитающийся им за это гонорар [20]. Однако, анализируя инструментально-психологическую сторону организации эффекта рекламного воздействия, не так сложно заметить, что в его основе заложено целенаправленное формирование мотивации в форме желания потенциального адресата (адресатов) рекламного ролика уподобиться его персонажам в отношении обладания объектом рекламирования, и последующего достижения состояния «всеобщего счастья», которое так хочется (по крайней мере, — непременно должно захотеться, — прим. авт.) разделить с теми, у кого «это» уже есть. Иными словами, для организации всей этой стандартной схемы целенаправленного эмоционально-психологического воздействия нужна не реальность, как таковая, а ее препарированный рекламный образ, для создания которого более чем активно используются миметические отношения между рядами знаков реальных объектов и их рекламных образов — симулякров.

Семиозис внутри такой модели не имеет места потому, что он оказывается не только совершенно бесполезен в процессе ее создания, но и в какой-то мере даже нежелателен, поскольку общий текст рекламного сообщения должен быть сформулирован таким образом, чтобы конечный потребитель рекламы, эмоционально присоединяясь к стебу ее создателей над теми, у кого «этого еще нет», ни в коем случае бы не заподозрил, что посредством того же самого текста стебаются также и над ним, — иначе все пойдет насмарку, цель рекламы не будет достигнута, оскорбленный адресат оставит свои деньги при себе. А раз так, — то крайне желательно избавить конечного потребителя от семиотической по своей природе способности анализировать и трезво оценивать свои индивидуальные потребности и нужды, сопоставляя их с реальными обстоятельствами своего собственного существования, а не «гиперреальности» (в терминологии Ж. Бодрийяра — [2]) существования рекламных персонажей.

Эта задача, вплотную стоящая перед современной мировой экономикой перепроизводства, которая не может существовать без системы перепотребления, требует того или иного разрешения тем более остро, что в обществе всегда присутствует более-менее выраженный слой интеллектуалов, способных самостоятельно отделять то, что хочется им самим, от того, что хотелось бы кому-то другому в отношении к тому, чего, по его мнению, «должно» хотеться всем. Не вполне понятно, что вообще можно сделать с этими уже сформировавшимися критическими способностями тех неподдающихся внешнему (в т. ч. рекламному) влиянию, которые всю эту рекламу видят насквозь, и стебаться над собой, и хуже того, — постоянно запускать чужую руку в свой карман, — не позволяют?

С этих позиций вполне резонным представляется преднамеренное насаждение стеба во всем коммуникативном пространстве посредством влияния тех речевых моделей, в которых триггер семиотических отношений, подразумевающих трезвое, логичное и самостоятельное отношение к реальности как к универсуму объектов

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

означивания, преднамеренно опрокидывается посредством стеба, все более масштабно выдавливающего норму семиозиса, и замещающего эту последнюю псевдо-нормой мимезиса. Причем, этот триггер опрокидывается последовательно, — вначале в массовой коммуникации, а затем и в индивидуальном сознании пользователей языка, в эту коммуникацию вступающих. Такому препарированному мышлению, а вслед за ним и речи, нет никакой нужды в референции как процедуре подтверждения истинности связи между знаком и означиваемым им объектом, поскольку денотативные отношения в этой связке, соответствующие прежней семиотической норме, активно подменятся ее симуляцией, — отношениями коннотации, подобия, эвфемизации или дисфемизации, метафоризации семантической нормы или нормализации метафоры (в зависимости от истинных намерений продуцентов речи) и т. п., — то есть псевдо-нормой мимезиса, которой достаточно придать лишь вид правдоподобия только для того, чтобы лишенное ориентиров индивидуальное сознание смогло этот псевдо-смысл «проглотить», не заметив подмены.

Кроме того, продолжением этого же процесса становятся целенаправленно обеспечиваемое преднамеренно нормируемым потребительским «прогрессом» влияние на возникновение и нарастание эффектов постепенной утраты индивидуальных навыков самостоятельного логического и аналитического мышления отдельных индивидов (особенно, — некоторых представителей «поколений X, Y, Z»), которым одно только наличие возможности постоянного и быстрого доступа в сеть WWW все эти навыки тотально и, похоже, уже необратимо заменило. Оценка величины фактических масштабов и ожидаемых последствий такого влияния в последнее время начинает осознаваться внутри некоторых национальных культурных пространств настолько серьезно, что меры, направленные на его ограничение, принимаются также самые радикальные и широкомасштабные, и на самом высоком уровне [23]. Подводя итог сказанному выше, обнаруживаются все основания утверждать то, что оба эти внешне не взаимосвязанных процесса, на самом деле «льют воду» на одну и ту же «мельницу», взаимоусиливая и мультиплицируя тем самым общий эффект от такого взаимовлияния.

Однако, — ныне это уже не вызывает ни особенно удивления, ни особенного негодования, столь присущего некоторым аналитикам современного масскульта и соответствующей ему культурной политики прошлого века (например, — [1, 4, 19]), поскольку на настоящее время все более ясной и понятной становится требуемая конечная цель этого процесса. Цель эта — абсолютно неразборчивый ни в собственных потребностях, ни в собственных желаниях, глубоко деиндивидуализированный и лишенной всякой критики потребитель любого культурного материала и любых товаров, производимых для «потребления ради потребления», почти полностью лишенный способности самостоятельно анализировать или оценивать чтобы то ни было, а также охотно стебающийся «хором» над чем угодно и над кем угодно, совершенно не замечая при этом, что в это же самое время кто-то сторонний, «впарив» ему очередную чушь, тем самым и от души стебается над ним самим.

Последнее же означает, что ныне все мы становимся современниками и свидетелями завершения столь долгих трудов созидателей и трансляторов потребительского карнавала от современного масскульта, а именно: результата итоговой стадии процесса целенаправленного превращения эволюционно сформировавшегося «Homo laboris» («Человек работающий» — лат.), «Homo artifex» («Человек умелый» — лат.), и «Homo sapiens» («Человек разумный» — лат.) в форму «Homo consumptoris» («Человек потребляющий» — лат.). И не имеет значения, кто и чего в условиях этого потребительского карнавала вознамерится продать этому «принципиально новому потребителю XXI века», — «новую» идеологию, «новую» религию, «новый» завтрашний день, или «новое» что-то еще, — абсолютно контролируемый и прогнозируемый в своем потребительском поведении, он машинально «заглотит» любой вымысел и вздор, — если только ему будет сказано, что даже это пойдет ему «на пользу».

Некоторая надежда на возможную победу здравого смысла над усилиями организаторов и вдохновителей потребительского карнавала от современного масскульта остается по факту сохранения некоторым числом представителей социума, вынужденного существовать в условиях карнавального масскульта, определенного уровня интеллектуальной резистентности по отношению ко всем этим влияниям. Однако, — обозначенная настоящим исследованием проблема безусловно требует самого глубокого анализа и обсуждения, поскольку и сомнения по поводу этой возможной победы также остаются довольно существенными, тогда как опасность тотальности карнавала для социума, прогрессирующе утрачивающего способность видеть и понимать разницу между действительностью и ее имитацией, так же остается высокой.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. — в кн.: Беньямин В. Новые сочинения. — пер. Гаврилова О. — М.: ВАК-пресс, 2017, 232 с. — ISBN 9785990951921.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция — М.: Постум, 2017, — ISBN 9789998000285.
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления; пер. Самарская Е. — М.: АСТ Философия — Neoclassic, 2020, 320 с. — ISBN 9785171175580.
4. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть; пер. Зенкин С. — М.: Добросвет, 2015, 387 с. — ISBN 9785982276193.
5. *Бойм С.* От отстранения к стебу: риторика свободы в русской культуре XX в. // Культуральные исследования: сборник научных работ / под ред. А. Эткинда, П. Лысакова. — СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 91–125.
6. *Вокуев Н.Е.* Феноменология стеба в современной массовой культуре // Аналитика культурологии № 3. 2010. — с. 215–221. — УДК 008:316.33/.35.
7. *Дубин Б.В.* Кружковый стеб и массовые коммуникации: К социологии культурного перехода. — код доступа URL: http://www.ec-dejavu.ru (дата обращения: 21.12.2019 г.)
8. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.
9. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2009. — 299 с. — ISBN 978-5-89059-126-5.
10. *Карасик В.И.* Алгоритмы построения комических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика № 4 (Т. 22). — 2018. — С. 895–918. — код доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmy-postroeniya-komicheskih-tekstov (дата обращения: 09.01.2020 г.).
11. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры — М.: Гнозис, 2013, 320 с. — ISBN 9785942440435.
12. *Кратасюк Е.* Конструирование реальности в российских СМК: новости на телевидении и в Интернете // Control+Shift: публичное и личное в русском интернете: сборник статей под ред. Н. Конрадовой и др. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 49–73.
13. *Лиотар Ж.-Ф.* La condition postmoderne. Состояние постмодерна. — М.: Алетейя, 2016, 160 с. — ISBN 978-5-91419-864-7.
14. *Панченко Н.Н.* Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации // Жанры речи № 2. 2016. — с. 216 — 222. — DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122 — код доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovoe-svoeobrazie-steba-v-internet-kommunikatsii (дата обращения: 26.12.2019 г.).
15. *Пирс Ч.С.* Рассуждение и логика вещей : лекции для Кембриджских конференций 1898 года / Чарльз Сандерс Пирс [пер. — Лахути Д. Г., Лахути М. Д., Кузнецов С. О.] ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва : Издат. центр РГГУ, 2005 (М. : Типография «Наука»). — 370 с. (В пер.: Peirce, Charles Sanders Reasonong and the Logic of Things Cambridge ; London : Harvard University Press, 1992 История философии США — 2-ая пол. 19 — 20 вв. // Прагматизм: Пирс Чарльз Сандерс (1839 — 1914) — Избранные произведения). — ISBN 5-7281-0597-1.
16. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Признаки времени. Сила событий // М.Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 томах. — М.: Художественная литература, 1969. Т. 7. С. 162–184.
17. *Семенова Е.А.* От балагана до хайпа (Проблемы современной интернет-коммуникации) // Наука телевидения № 15.2. — 2019. С. 43–63; DOI: 10.30628/1994-9529-2019-15.2-43-64 — код доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-balagana-do-haypa-problemy-sovremennoy-internet-kommunikatsii (дата обращения: 13.01.2020 г.).
18. *Тульчинский Г.Л.* Лиминальность: «глубокая» семиотика и самоопределение // Семиозис и культура. Философия и антропология разрыва (текст, сознание, код): сборник научных статей / под ред. И.Е. Фадеевой, В.А. Сулимова. — Сыктывкар: Издательство «Коми — пединститут», 2010. Выпуск 6. С. 16–28.
19. *Эко У.* Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна — код доступа URL:https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Inn_Povt.php (дата обращения: 19.12.2019 г.)
20. *Эпштейн М.Н.* Информационный взрыв и травма постмодерна — код доступа URL: http://old.russ.ru/journal/travmp/98-10-08/epsht.htm (дата обращения: 17.01.2020 г.)

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

21. *Braden, S.K.* Linguistic expertise, mockery, and appropriateness in the construction of identities: A case study from 9th grade physics // Bilingual Research Journal: The Journal of the National Association for Bilingual Education. — Volume 42 (Issue 4). — 2019. — Pages 432–454. — doi.org/10.1080/15235882.2019.1688202. — code access URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15235882.2019.1688202 (date reference: 23.12.2019).
22. *Moisi, D.* Kampf der Emotionen: Wie Kulturen der Angst, Demütigung und Hoffnung die Weltpolitik bestimmen — code access URL: https://www.pdfdrive.com/kampf-der-emotionen-wie-kulturen-der-angst-dem%C3%BCtigung-und-hoffnung-die-weltpolitik-bestimmen-e189728120.html (date reference: 06.01.2020).
23. *Ploog, D.* Kinder, Miasmen, Traumata: Grundprinzipien der Behandlung — code access URL: https://www.libri.de/de/shop/action/productDetails?adCode=041P40H32D (date reference: 09.01.2020).
24. *Spadini, D., Aniche, M., Bruntink, M., Bacchelli, A.* To Mock or Not to Mock? An Empirical Study on Mocking Practices // Conference Paper: Conference: 2017 IEEE/ACM 14th International Conference on Mining Software Repositories (MSR) No 5. — 2017. — DOI: 10.1109/MSR.2017.61 — code access URL: https://www.researchgate.net/publication/318123668_To_Mock_or_Not_to_Mock_An_Empirical_Study_on_Mocking_Practices (date reference: 20.12.2019).
25. *Svenningsson, J.* An expressive semantics of mocking // The journal of Computer Science and Engineering, Chalmers University of Technology No 1. — 2014. — code access URL: http://www.cse.chalmers.se/~josefs/publications/paper_117.pdf (date reference: 14.01.2020).
26. *Wassermann, M.* Dos tremendas bromas ou Quien pone en evidencia tonterías e incoherencias defiende a la inteligencia y a la lógica // El Tiempo No 18. — 2017. — Code access URL: https://www.eltiempo.com/opinion/columnistas/moises-wasserman/dos-tremendas-bromas-bromas-en-publicaciones-cientificas-121002 (date reference: 27.12.2019).

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11104

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Л. Г. Антипенко

О ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ГЁДЕЛЕВЫХ ТЕОРЕМ НЕПОЛНОТЫ

Аннотация. *Теоремы неполноты Гёделя свидетельствуют о том, что существуют две категории целых положительных чисел. Присущие этим категориям числа характеризуются разными свойствами. В первую категорию входят числа, порождаемые индуктивным методом. Их так и называют: индуктивные числа. Во вторую категорию входят числа неиндуктивные. Логическое различие между теми и другими заключается в том, что первые предстают как единичные подмножества всего множества индуктивных чисел, а вторые выпадают из этого множества. Это выпадение сопровождается их включением в вероятностно-статистические группировки, или ансамбли. Автор статьи представил модель для их вероятностно-статистической интерпретации. Речь идёт о процессе квантово-компьютерных вычислений. В классических компьютерах используется рекурсивный процесс вычисления. В них «работают» только индуктивные числа. В квантовых компьютерах главную роль в вычислительном процессе играют как раз числа неиндуктивные. Гёделевы теоремы неполноты имеют эвристическое значение и в области социально-гуманитарных наук. В статье это подтверждается на ряде конкретных примеров.*
Ключевые слова: *элементарная арифметика, натуральный ряд чисел, теоремы неполноты, индуктивные и неиндуктивные числа, рекурсивность, квантово-компьютерные вычисления, привация, дедекиндовы сечения, комплементарная логика.*

L. G. Antipenko

ON THE PHILOSOPHICAL AND WORLDVIEW VALUE OF GÖDEL INCOMPLETENESS THEOREMS

Summary*. Gödel ‘s incompleteness theorems indicate that there are two categories of positive integers. The numbers inherent in these categories are characterized by different properties. The first category includes numbers generated by the inductive method. They are called so: inductive numbers. The second category includes non-inductive numbers. The logical difference between the two is that the former appear as unit (sub)sets of the whole set of inductive numbers, and the latter fall out of this set. This loss is accompanied by their inclusion in probabilistic-statistical groups, or ensembles. The author of the article presented a model for their probabilistic-statistical interpretation. This is a process of quantum computer calculations. Classic computers use a recursive computation processes. Only inductive numbers “work” in them. In quantum computers a major role in the computing process is played by just the numbers of non-inductive. The Gödel incompleteness theorems are also heuristic in the field of social sciences and humanities. This moment in the article is confirmed by a number of specific examples.*
Key words*: elementary arithmetic, natural series of numbers, incompleteness theorems, inductive and non-inductive numbers, recursiveness, quantum computer calculations, Dedekind sections, complementary logic.*

Чтобы оценить философско-мировоззренческое значение теорем неполноты Гёделя (см. [10]), целесообразно будет сначала указать на их значение для математики (внутри самой математики). Открытия Гёделя в этом плане сводятся к следующим четырём положениям (заимствуем их перечень из работы [9]).

1. Неразрешимость для теорем: для любой непротиворечивой теории, столь же сильной, по крайней мере, как арифметика, не существует

© Л.Г. Антипенко

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11105
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

эффективной процедуры для определения того, является или нет некоторое произвольное предложение (это может быть правильно построенная формула) теоремой.

2. Неполнота: для всякой непротиворечивой теории, столь же сильной, по крайней мере, как арифметика, найдутся предложения, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты в этой теории. Речь идёт о теории, в которой множество теорем эффективно перечислимо.
3. Неразрешимость истины: не имеется эффективной процедуры для определения того, являются или не являются произвольные предложения арифметики истинными.
4. Недоказуемость непротиворечивости: для всякой непротиворечивой теории, столь же сильной, по крайней мере, как арифметика, её непротиворечивость не может быть доказана внутри самой теории [9, с. 118].

Пункт второй здесь нуждается в существенном уточнении. Если речь идёт о теории, в которой множество теорем (доказуемых формул) эффективно перечислимо, тогда может быть найдена формула, которая является недоказуемой (не выводимой) в теории, но арифметически истинной, если теория непротиворечива. Гёдель продемонстрировал наличие такой формулы (обозначим её буквой G), чем и доказал неполноту (формальной) арифметики. Понятие эффективной процедуры, или эффективной вычислимости, уточняется у Гёделя как понятие *рекурсивной вычислимости.*

Исходя из выше указанных положений, нам будет достаточно разобраться с арифметикой. Её теоретическим основанием служит натуральный ряд чисел. Как известно, каждый математик, за исключением, быть может, ультраконструктивистов, признаёт существование (счётной) последовательности натуральных чисел, завершаемой бесконечным ординальным числом ω:

$$1, 2, 3, \ldots, \omega \qquad (1)$$

Отсюда — принцип математической индукции, т. е. принцип порождения натуральных чисел и определения их (индуктивных) свойств. Для меня, начиная со студенческой скамьи, долгое время оставался неразрешимым следующий вопрос: как так получается, что математики совмещают, казалось бы, не совместимые между собой положения: с одной стороны, представление о том, что последовательность (1) не имеет последнего члена, с другой стороны, представление о ней как *актуально заданной* бесконечности. Разрешить это противоречие удалось мне при знакомстве с древнегреческой легендой о Прометее, а затем и с исторической личностью нашего пращура. Вспомним об исповеди прикованного Прометея, изложенной в одноименной трагедии Эсхила:

> Премудрость чисел, из наук главнейшую,
> Я для людей измыслил сложенье букв,
> Мать всех искусств, основу всякой памяти.

Как видно, память биографическую и память генетическую (родовую) Прометей соотносит с числами, закрепляя её «сложеньем букв». Следовательно, речь идёт об исчислении лет, уходящих вглубь веков вплоть до того, что принято в славяно-русском языке отмечать словами «во время óно».

В свете прометеева разума (прометеева огня) следует обернуть последовательность (1) и представить её в виде:

$$\omega, n, n\text{-}1, \ldots, 1, 0 \qquad (2)$$

где 0 становится отметкой момента «теперь», от которого и ведётся отсчёт вглубь веков (по примеру Повести временных лет). Понятно теперь, как натуральный ряд чисел превращается в актуальную бесконечность, если иметь в виду, что этот ряд ретроспективно выглядит как уже состоявшийся. Ведь его численную оценку, представленную ординалом ω, нельзя изменить, сколь бы ни продолжалось движение по ходу времени в будущее.

Далее нетрудно догадаться, что натуральный ряд чисел мог стать ориентиром для представления исторического хода общественных событий в виде звеньев, связанных между собой причинно-следственной связью. Древние греки пытались подойти именно к такому пониманию исторического процесса, но убедились в том, что история полнится множеством и тех явлений, которые выходят за рамки причинно-следственной детерминации. Древние греки пытались апеллировать к deus ex mchina, т. е. к божьему промыслу, чтобы объяснить наличие исторических событий, не укладывающихся в рамки причинно-следственной необходимости. Так вот теоремы Гёделя позволяют избежать в этом вопросе апелляции к каким бы то ни было богам, будь то олимпийские или последующие за олимпийскими (у Гёделя их место занимают «математические демоны»).

Ниже об этих «демонах» пойдёт речь, а пока напомним, ради сравнения, о двух современных попытках подправить историческую мысль так,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11105

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

чтобы можно было обойтись без обращения к богам и демонам. В самое последнее время многие Западные специалисты в области исторической науки просто согласились с тем, что историк имеет право излагать историю как повесть или рассказ (*нарратив* у П. Рикёра). Конечно, при этом нельзя будет избежать субъективных пристрастий того или иного повествователя, но это лучше, считают они, нежели обращаться к божественному провидению. С ними не согласился бы русский писатель Л. Н. Толстой, если бы он жил в наше время.

В эпилоге этого романа «Война и мир» Толстой поделился с читателем мыслями о том, как им оценивается ход исторических событий вообще и тех событий, которые запечатлел он, как художник, в созданном им произведении. Итак, предмет истории, писал он, есть жизнь народов и человечества. Непосредственно уловить и обнять словом — описать жизнь не только человечества, но одного народа, — представляется невозможным. Все древние историки употребляли один и тот же приём для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали деятельность единичных людей, правящих народом; и эта деятельность выражала для них деятельность всего народа. На вопросы о том, каким образом единичные люди заставляли действовать народы по своей воле и чем управлялась сама воля этих людей, древние отвечали: «на первый вопрос — признанием воли божества, подчинявшей народы воле одного избранного человека; и на второй вопрос — признанием того же божества, направлявшего эту волю избранного к предназначенной цели» [4, с. 315]. Одним словом: «Для древних вопросы эти разрешались верою в непосредственное участие божества в делах человеческих» [там же].

Новая история, указывает далее автор, отвергла оба эти положения. Но что, по его мнению, она должна сделать, чтобы заполнить лакуну? Необходимо, утверждает он, объяснить, как на фоне научной необходимости возникает представление о свободном волеизъявлении. Откуда оно берётся? Ответ звучит так. То, что известно нам в истории, мы называем законами необходимости подобно тому, как это делается в опытных науках. А то, что неизвестно, носит название свободы. «Свобода для истории есть выражение неизвестного остатка от того, что мы знаем о законах жизни человека» [там же, с. 359]. Следовательно, свобода, по Толстому, представляет собой аберрацию исторической формы сознания людей, возникающую из-за неполного знания предмета. И чтобы устранить эту аберрацию, надо устранить из человеческого воображения причины, её вызывающие. Причинами он называет проявления свободы воли, волеизъявления. От свободы воли ничего не останется, когда будут установлены законы непрерывного движения. «Отыскание этих законов, — говорит Толстой, — уже давно начато, и те новые приёмы мышления, которые должна усвоить себе история, вырабатываются одновременно с самоуничтожением, к которому, всё дробя и дробя причины явлений, идёт старая история» [там же].

По такому пути, полагает он, шли все науки человеческие. Образец — математика. Придя к бесконечно малому, эта точнейшая из наук, по словам Толстого, оставляет процесс дробления и приступает к новому процессу суммирования неизвестных, бесконечно малых величин. «Отступая от понятия о причине, математика отыскивает закон, то есть свойства, общие всем неизвестным бесконечно малым элементам» [там же, с. 359–360].

Толстой правильно отметил, что античные мыслители, пытаясь объяснить ход исторических событий, не могли не заметить, что они далеко не всегда определяются причинно-следственными связями, а потому и обращали своё внимание к богам. Однако при желании освободиться от апелляции к божеству он, по сути дела, опирается на концепцию лапласовского детерминизма. Но это есть тот крайний случай в подходе к построению исторической науки, который отдаёт *механицизмом*. И надо отметить, что в области социальных и гуманитарных наук механистическое мировоззрение подвергалось резкой критике со стороны русских мыслителей, современников Толстого, которые были заняты поисками духовной истины в её связи с идеями свободы и необходимости. К их числу, например, принадлежит наш выдающийся соотечественник А. С. Хомяков (1804–1856). Мысль человеческая, писал он, от действия жизни и зависимости её от природы внешней свыкается со строгими законами логической необходимости. «Разумным кажется только то, что развивается в сцеплении причин и следствий. Безначальная и самосущая воля, неосязаемая для пытливого ума, получает весь характер произвольной догадки и, в сравнении с понятиями определёнными, выведенными из жизненного опыта, падает на степень тёмного и сомнительного инстинкта» [8, с. 274]. А что остаётся в результате? Хомяков констатирует, что наука не смогла до сих пор «довести логическое развитие далее самоотрицания необходимости, возвращающего мысли свободу, но сама свобода носит ещё клеймо отрицания и не представляет творческой и всемогущей воли» [там же]. Поэтому если

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11105
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

свобода и отстаивает своё право на свободное волеизъявление, то не иначе, как в «образах и символах религиозных» [там же].

Мы столь детально изложили точку зрения Толстого на исторический процесс потому, что он апеллирует к математике. Но пользуясь математическими средствами для описания тех или иных явлений, надо ещё не забывать об искусстве интерпретации математических теорем.

Теперь обратимся напрямую к теоремам Гёделя и напомним о том, какими средствами он пользуется в своих доказательствах. Ну, во-первых, формализация *высказываний,* наличествующих в теории целых положительных чисел. Во-вторых, проводится формализация *средств доказательств,* применяемых в этой теории. Понятно, что подвергаются формализации арифметические аксиомы Пеано. Но ко всему этому добавляется метаматематический метод кодификации всех выражений теории посредством целых положительных чисел. Каждая доказуемая формула выражается определённым числом, как и каждая цепочка формул, служащая доказательством заключительной (выводимой) формулы. Таким образом выстраивается рекурсивная последовательность доказуемых формул и вместе с тем рекурсивная последовательность чисел, однозначно соответствующих доказуемым формулам. Формула G содержит в себе отрицание принадлежности к рекурсивной последовательности доказуемых формул, что исключает соответствующее ей число из представленного рекурсивного ряда чисел. Предъявив образец числа с неиндуктивными свойствами, Гёдель тем самым доказал существование неиндуктивных чисел (см. гипотезу Н.Н. Лузина) [2, с. 31]. Вот эти числа и можно было бы назвать «демонами» Гёделя.

Но возникает вопрос о логике их появления в рамках множества индуктивных чисел. Здесь мы находим диалектическое отрицание, которое Мартин Хайдеггер называет *привацией* и даёт определение: «Если мы нечто отрицаем так, что не просто исключаем, а, скорее, фиксируем в смысле недостачи, то такое отрицание называют *привацией* (*Privation*)» [7, с. 86]. Привация обеспечивает переход от экстенсионального контекста классической логики, обычно отождествляемого с формальной логикой как таковой, к интенсиональному контексту. В экстенсиональом контексте каждое индивидуальное целое положительное число отождествляется с единичным (под)классом множества других подобных элементов. В интенсиональном контексте целые положительные числа попадают в числовую группировку с вероятностным распределением её элементов (вероятностный ансамбль). Метаморфоз чисел происходит как реакция на сведение их всецело к индуктивному генезису. При этом условии обеспечивается непротиворечивость теории, но выявляется её неполнота.

К вопросу о вероятностном ансамбле мы вернёмся ниже, а пока продемонстрируем действие привации на более наглядном примере. Речь пойдёт о концепции дедекиндова сечения. Делается следующее естественное допущение: если все точки прямой, которая считается непрерывной, распадаются на два класса так, что каждая точка первого класса лежит влево от каждой точки второго класса, то существует одна, и только одна, точка, которая производит это (рас)сечение. Из практики измерения отрезков прямой её населяют рациональными числами, соотнося с ними точки. Рациональные числа разделяют на два класса таким образом, что всякое число первого класса меньше любого числа второго класса. При таком разделении мыслимы только четыре ситуации.

1. Среди чисел первого класса находится одно наибольшее число *a,* среди чисел второго класса наименьшее *b*. Эта возможность исключается, ибо $\frac{1}{2}(\grave{a}+b)$ было бы рациональным числом, которое вопреки предположению не принадлежало бы ни к первому, ни ко второму классу.
2. Среди чисел первого класса находится одно наибольшее *a,* а среди чисел второго класса нет наименьшего; тогда *a* есть рациональное число, производящее сечение.
3. Среди чисел первого класса нет наибольшего, но среди чисел второго класса имеется наименьшее *b*; тогда *b* производит данное сечение.
4. Наконец, среди чисел первого класса нет наибольшего, среди чисел второго класса нет наименьшего; тогда не имеется рационального числа, которое производило бы это сечение. В этой ситуации секущая точка отождествляется с нерациональным, иррациональным, числом, и так при каждом сечении.

Что же мы находим в процедуре введения в математический обиход иррациональных чисел? Мы находим в ней тот логический приём мышления, который выше был назван привацией. Изначально нам была представлена система рациональных чисел с присущей ей мерой. Затем в этой системе была выявлена недостача, неполнота установленной меры. Выявленная неполнота восполнена введением иррациональных чисел. Здесь и просматривается явная аналогия с тем, как гёделева теорема

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11105

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

неполноты высвечивает существование неиндуктивных чисел.

Теперь попытаемся представить модель для интерпретации этих чисел. Эта модель, как видно будет далее, находится на границе между математикой и квантовой физикой. В своё время к ней близко подошёл Ю. И. Манин. В статье «Теорема Гёделя» (так он для краткости назвал обе гёделевы теоремы) автор писал, что строго говоря, эта теорема является «высокотехническим» утверждением о специальном и весьма сложном комбинаторном объекте — формальном языке первого порядка. «Однако и формулировка, и доказательство Гёделя допускает целый спектр расширительных толкований, которым и определяется общефилософское значение результата» [3, с. 80]. Далее он утверждает, что изложенная им точка зрения на эту теорему даёт основания считать её существенным вкладом естественных наук в фонд наук гуманитарных. По значению и глубине с ним можно сравнивать, говорит он, пожалуй, только анализ квантово-механических представлений о «дополнительности» и «неопределённости», распространённый Нильсом Бором далеко за пределы физики микромира. Не исключено, что оба этих круга идей — логики и квантовой механики — в приложении к теории познания имеют глубинную связь. «Дело в том, что «принцип запрета» Гёделя относится к строго детерминированным процессам рассуждения, тогда как квантовая механика как раз очерчивает границы наивного детерминизма» [там же, с. 81].

Косвенным образом автор ставит задачу выявить то общее, что имеет место в квантовой механике и в системе формализованной арифметики. Понятно, что если существует общность этих двух *разных* теорий, то она может заключаться только в присущей им единой логике, которая и сочетает в себе экстенсиональный и интенсиональный контексты логической мысли в виде противоположностей, в соответствии с принципом дополнительности Н. Бора: «contraria sunt complementa (противоположности дополнительны)». (Подробности изложены в статье [1]). Знакомство с квантовой механикой позволяет подойти к рассмотрению суперпозиции квантовых состояний, относящихся не к физическим частицам, а к целым положительным числам. Это имеет место в процессе квантово-компьютерных вычислений.

Процесс этот является информационным (в смысле шенноновской оценки (количества) информации), только на место бита — единицы информации, используемой в классическом компьютере, — ставится *кубит* (квантовый бит). Превращение бита в кубит сводится к тому, что если в классическом компьютере бит информации принимает индивидуальное значение (либо нуль, либо единица), то квантовые биты принимают определённые значения только тогда, когда проводится измерение. До измерения каждый кубит существует потенциально с присущей ему степенью вероятности. Вероятности вычисляются по амплитудам вероятности.

Когда говорят, что квантовый компьютер обладает мощностью, скажем, в тысячу кубитов, то имеют в виду, что регистр компьютера состоит из тысячи сцепленных между собой квантовых частиц, каждая из которых может находиться в одном из двух состояний, обозначаемых нулём или единицей. Нуль и единица используются для двоичного представления целых чисел. Суперпозиция состояний всех частиц задаётся в гильбертовом пространстве с базовыми векторами, отождествляемыми, таким образом, с целыми положительными числами, входящими в числовой ансамбль, насчитывающий 2^n чисел для n-кубитового компьютера. Сам процесс вычисления проводится согласно заданному алгоритму (например, по алгоритму Шора). Алгоритм состоит из отдельных операций, называемых *гейтами*. Действия гейтов удовлетворяют требованию сохранения унитарности при реализации вычислительного процесса.

Понятно, что в вышеуказанном числовом ансамбле все целые числа могут быть упорядочены в соответствии с их величинами. Но их временная детерминация является вероятностно-статистической. И вообще здесь мы входим в область вероятностных законов больших чисел. Вот в этой области мы и находим модель (естественную интерпретацию) неиндуктивных чисел. Управлять процессом квантово-компьютерных вычислений значит управлять не только *временным* процессом превращения индуктивных целых чисел в числа неиндуктивные, но и удерживать числа в одном и том же состоянии.

Теоремы неполноты Гёделя занимают в научном познании то место, которое можно было бы назвать местом перекрещивания (Verschränkung — нем.) разных наук, что позволяет устанавливать и решать фундаментальные проблемы в разных отраслях знания: в основаниях математики, в логике, в физике (к примеру, квантово-компьютерные вычисления), в социально-гуманитарных науках. Что касается математического знания, то Гёдель показал, что финитистская программа обоснования математики, выдвинутая Д. Гильбертом,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11105
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

не может служить обоснованием даже элементарной арифметики. Примерно такая же участь постигла и канторовский подход к решению проблемы континуума (или конкретнее: канторовской континуум-гипотезы). Гёдель констатировал, что континуум-гипотеза Кантора, даже будучи сформулированной в обобщённой форме, лишена математического значения; присоединение её в качестве аксиомы к аксиоматике теории множеств (будь то **ZF** или **NB**) «не влечёт теоретико-числовых теорем») [11, с. 273].

Но особую важность приобретают гёделевы теоремы как раз при ориентации их на социально-гуманитарные науки. Теоремы дают ответ на вопрос, в какой мере можно считать детерминированным ход исторического процесса. Многие физики, специалисты в области квантовой механики, соотносят прошлое и будущее в человеческой истории с категориями возможности и действительности. В перспективе — возможность и вероятность, в ретроспективе — *действительно-фактическое,* остающееся неизменным. Такой точки зрения придерживался, например, К. Ф. фон Вайцзеккер [5, с. 125]. Однако сочетание взгляда на прошлое с ретроспективным истолкованием натурального ряда чисел допускает возможность наличия дальнодействующей связи между давно ушедшими в прошлое историческими событиями и теперешним состоянием человеческого бытия. Эту связь имел в виду Хайдеггер, когда указывал, что *настоящее* возникает «из переклички истока и цели» при наличии взаимной переклички исторических эпох [6, с. 279, 396].

Попытка Л. Н. Толстого прибегнуть к математическому описанию исторического процесса с тем, чтобы избежать при этом апелляции к божественным силам, оказалась неудачной не потому, что при решении таких вопросов непригодна математика, а потому что он нашёл себе утешение в доктрине лапласовского детерминизма, от которой впоследствии пришлось отказаться даже при описании физических явлений.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11105

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Антипенко Л.Г.* К вопросу о формировании комплементарной логики // Электронный философский журнал Vox. Вып. 23 (декабрь 2017). Электронный ресурс URL: https://vox-journal.org/html/issues/408/419
2. *Лузин Н.Н.* Об арифметических методах математиков XVII века // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1993. №4. С. 25–35.
3. *Манин Ю.И.* Теорема Гёделя. Природа, 1975, №12.
4. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. в двенадцати томах. Т. 6. М.: изд. «Правда», 1987.
5. *Фон Вайцзеккер, К.Ф.* Физика и философия. 1993. №1.
6. *Хайдеггер, Мартин.* Время и бытие. М.: «Республика», 1993.
7. *Хайдеггер, Мартин.* Цолликоновские семинары (Протоколы — Беседы — Письма). Вильнюс: ЕГУ, 2012 (пер. с нем. яз. И. Глуховой).
8. *Хомяков А.С.* «Семирамида». Исследование исторических идей // Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1994.
9. An Introduction to the General Theory of Algorithms by Michael Machtey, Paul Young. N. Y., Oxford, Shannon, 1978.
10. *Gödel K.* On undecidable propositions of formal mathematical systems. — In: the undecidable. Hewlett (N. Y.), 1965.
11. *Gödel, Kurt.* What is Cantor´s continuum problem? // Philosophy of Mathematics. (Selected readings, edited and with introduced by Paul Benacerraf and Hilary Putnam). New York, 1964.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11105
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

С. В. Чернов

ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ ГЕНИЯ. ИСКАТЕЛИ СОВЕРШЕНСТВА. Часть IV: БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

Аннотация. *Статья продолжает цикл работ автора, посвящённых анализу творческой жизни гениальных людей разных времён и народов, ранее опубликованных в журнале «Философская школа» [19, с. 72–105; 20, с. 106–132; 21, с. 11–21; 22, с. 87–101]. Новизна исследования заключается, прежде всего, в том, что здесь впервые в целостном виде представлен гений Блеза Паскаля (1623–1662) вполне определяемый ключевыми атрибутами гениальности: универсальностью, парадоксальностью, вневременностью. Творческая жизнь Паскаля представлена в наиболее значимых моментах его творческого пути, в уникальных особенностях его творческой деятельности и анализом творческого наследия в его религиозно-философской части. Значительная часть статьи посвящена анализу современных исследований формы и содержания, смысла и значения основного религиозно-философского труда Паскаля, носящего название «Мысли». В статье также предпринята попытка выделить и систематизировать некоторые характерно-выпуклые образы человека, которые Паскаль выводит и обосновывает в своём основном религиозно-философском труде. Эту последнюю часть исследования творческого и нравственного гения Паскаля нельзя считать полностью завершённой, и в этой части исследование будет продолжено автором.*

Ключевые слова: *Блез Паскаль, творческий и нравственный гений, научное творчество, религиозно-духовное обращение, личный Бог Паскаля, «Мысли», синтез жанров и стиль, образы человека, гордыня и низость человека, величие души человека, любовь как высшее благо, откровение Бога человеку.*

S. V. Chernov

IMAGE OF THE IDENTITY OF THE GENIUS. SEEKERS FOR PERFECTION. Part IV: BLAISE PASCAL

Summary. *The article continues the series of works, devoted to the analysis of the creative life of men of genius in different times and peoples, previously published in the journal "Philosophical School" [19, pp. 72–105; 20, pp. 106–132; 21, pp. 11–21; 22, pp. 87–101]. The novelty of the study lies, first of all, in the fact that for the first time the genius of Blaise Pascal (1623–1662) is presented in its entirety, which is quite determined by the key attributes of genius: universality, paradox, timelessness. Pascal's creative life is represented in the most significant moments of his career, in the unique features of his creative activity and analysis of his creative heritage in its religious and philosophical part. A significant part of the article is devoted to the analysis of modern studies of the form and content, meaning and significance of the main religious and philosophical work of Pascal, called «Thoughts». The article also attempts to isolate and systematize some characteristic convex images of a person that Pascal derives and substantiates in his main religious and philosophical work. This last part of the study of the creative and moral genius of Pascal cannot be considered completed, and in this part the study will be continued by the author.*

Key words: *Blaise Pascal, creative and moral genius, scientific creativity, religious and spiritual conversion, personal God of Pascal, "Thoughts", synthesis of genres and style, human images, pride and baseness of a person, greatness of a person's soul, love as the highest good, revelation God to man.*

© С. В. Чернов

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Нет учения, более сообразного человеку, чем это, которое открывает его двойную способность — принимать благодать и утрачивать её из-за двойной опасности, постоянно его преследующей: отчаяния или гордыни.

Блез Паскаль

Французский поэт Шарль Бодлер (1857), для которого *«пропасть»* значила не падение, а, наоборот, взлёт над неумолимым временем и мерным пространством, говорил, что «Паскаль носил в душе водоворот без дна» [2, с. 481]. Да, действительно, парадоксальный *гений Паскаля,* несоизмеримый со временем его физической жизни, поражает своей *универсальной неисчерпаемостью, предельной обнажённостью, глубочайшим смыслом своего бытия.*

Шарль-Огюстен Сент-Бёф (1852), основатель биографического метода в литературной критике, дал следующую краткую, но при этом предельно ёмкую характеристику этому *творческому и нравственному гению:* «Паскаль был человеком большого ума и, что не всегда свойственно большим умам, — человеком большого сердца. Всё то, что он совершил в области ума и в области сердца, несёт на себе печать самостоятельности и своеобразия, свидетельствует о силе и глубине его мысли, о пылких, почти яростных поисках истины» [14, с. 362].

Американский историк математики Э. Т. Белл (1937) ставит Паскаля-учёного рядом с такими величайшими творцами математики как Декарт, Ферма, Ньютон, Лейбниц, Эйлер, Лагранж, Лаплас, Монж, Фурье, Гаусс, Лобачевский. С точки зрения Белла, Паскаль, как математик, был первым в истории по своей «потенциальной математической силе», а как учёный-экспериментатор, он отличался «значительно более ясным пониманием научного метода, чем Декарт…». Однако будучи «высокоодарённым математиком», — заявляет Белл, — Паскаль «постепенно деградировал к неврастеническому состоянию» [1, с. 70–71]. Надо сказать, что сам Белл, будучи профессиональным математиком, не избежал здесь своеобразного математического снобизма[1], свойственного многим представителям этой науки, считающим математику единственно достойным способом для приложения собственных творческих сил, а всех людей, неспособных понимать язык математики, по меньшей мере, людьми недалёкими.

Более того, как бы забывая о том, что Блез Паскаль известен миру не только как выдающийся математик и естествоиспытатель, но и как проницательный мыслитель, заложивший начала многих оригинальных направлений человеческой мысли в области философской антропологии и нравственной философии, Белл считает, что первое обращение Паскаля к религиозному мировоззрению явилось началом его «медленной духовной смерти» [1, с. 75].

Такой *односторонний подход* в интерпретации жизни и творчества гениальных людей несёт в себе типичную методологическую ошибку, свойственную узким специалистам. Такой подход ничуть не лучше полного непонимания целей, мотивов и самого смысла творческих изысканий гениев, *анализ духовной (творческой) жизни* которых требует не одностороннего, а *интегрального системного ви́дения.*

Вспомним здесь, что подобная судьба подстерегла и другого гения — Льва Толстого, на которого обрушился шквал непонимания, неодобрения и жёсткой критики, когда он отказался от своих занятий литературно-художественным творчеством в пользу исследования вопросов духовной, нравственной, религиозной жизни и поиском смысла человеческого бытия. Здесь самое важное то, что и Блез Паскаль и Лев Толстой сами считали свою творческую деятельность, после *религиозного обращения* первого и *нравственного переворота* второго, именно тем истинным делом, которое и определяло настоящий смысл их личного бытия. Соответственно, они и придавали этим своим делам много большую значимость, чем все их прежние достижения в науке у Паскаля и в художественной литературе у Толстого. Ну а мнения критиков и недоброжелателей так и остались мнениями не имеющими ни особого смысла, ни выдающегося значения. *«Мысли»* Паскаля, равно как и религиозно-философско-нравственные произведения Льва Толстого издаются и перечитываются до сих пор, а об их критиках вспоминают только в специальных исследованиях. Поистине, история и время всё расставляет по своим местам.

Блеза Паскаля прилично будет определить не только как выдающегося учёного-математика и естествоиспытателя — сына своего века, но и как центральную фигуру среди мыслителей Нового времени, заложившего своими творческими изысканиями многие направления философской мысли XVIII–XX веков, о чём свидетельствуют изыскания российсмкого философа и культуролога Г. Я. Стрельцовой (1994):

[1] Ещё Кант заметил, что «у мастеров математического искусства, по-видимому, нет недостатка уверенности в себе…» [7, с. 919].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

«Под его (Паскаля — *С.Ч.*) влиянием формировались диалектическое видение мира у Лейбница, скептицизм и вольнодумство П. Бейля, антиклерикализм Вольтера, учение о природе и привычке Гельвеция, деизм Жан Жака Руссо, "теория" житейской мудрости Шопенгауэра, философия человека Фейербаха, антисциентизм и парадоксализм Ницше. Кроме того, Паскаля считают предшественником Канта в исследовании проблем возможностей человеческого познания, соотношения философии и науки, науки и религии (А. Г. Гуляев), а также Гегеля — в разработке диалектики (Л. Голдман) и Маркса — в предвосхищении идей диалектического материализма (А. Лефевр). Из философов XX в. он оказал наибольшее влияние на философию жизни А. Бергсона, этическое учение А. Пуанкаре, концепцию У. Джемса, "диалектическую теологию" К. Барта, Р. Нибура, экзистенциализм П. Тиллиха, А. Камю, Ж.-П. Сартра, католический персонализм Лакруа и Недонселя, религиозный модернизм М. Блонделя. Паскаль… поставил актуальные ныне проблемы антиномии гуманизма и сциентизма, психологии и социологии познания, войны и мира, ограниченности механистической методологии в науке о живом, уровней психической деятельности и многие другие» [15, с. 12–13].

Паскаль признаётся зачинателем и основоположником философской антропологии. Но если современная философская антропология ограничивает горизонты познания человека его собственной сущностью, и в этой связи вынужденно сужает предметное поле философской антропологии витальным, психологическим и социальным уровнями человеческого бытия, теряя самое важное — духовное бытие человека, то Паскаль в своём понимании человека ориентируется преимущественно на превосходящее человека высшее, божественное начало.

При этом Паскалева философия постижения человека парадоксальна — она *одновременно и теоцентрична и антропоцентрична.* И эта парадоксальность определяет пронзительную противоречивость, неизбывную многогранность, содержательную глубину того *ви́дения сущности человека, его характерологического склада и способа понимания человеческого бытия,* представленных в незавершённом труде мыслителя, получившим посмертное название *«Мысли Паскаля».* Тем самым рефлексия Паскаля о человеке более глубока, многогранна и прогностична в сравнении с концептуальными построениями классиков современной философской антропологии М. Шелера, Э. Кассирера, Х. Плеснера, А. Гелена и их последователей.

Паскаль не занимался педагогической деятельностью как таковой. Он не читал лекций, не преподавал студентам университета, не выступал на диспутах, но к его ученикам причисляют себя многие величайшие умы рода человеческого. Так, например, в России Паскаля особенно ценил Лев Толстой, называя его *«учителем человечества»* и *«мыслителем-пророком».* В составленном Толстым *«Круге чтения»* — книге, предназначенной для каждодневного чтения, и включающей в себя мысли выдающихся людей всех времён и народов, имя Паскаля встречается около двухсот раз. Миросозерцание Б. Паскаля было очень близко Л. Толстому, вплоть до почти абсолютного духовно-эйдетического слияния: «Вот Паскаль умер двести лет тому назад, а я живу с ним одной душой — что может быть таинственнее этого? Вот эта мысль, которая меня переворачивает сегодня, мне так близка, точно моя!.. Я чувствую, как я в ней сливаюсь душой с Паскалем. Чувствую, что Паскаль жив, не умер, вот он!..». В этом духовно-эйдетическом единстве Паскаля и Толстого мы вновь ясно видим проявление феномена, открытого Шопенгауэром, — феномена *духовной вневременной связи* гениев, ведущих «духовную беседу духов» «через пустое пространство веков».

За свою недолгую жизнь Блез Паскаль успел не только сделать несколько фундаментальных научных открытий в сложнейших сферах математического и естественнонаучного знания, но и явил себя как выдающийся мыслитель и проповедник в области нравственной и религиозной философии. В его труде, который сам Паскаль задумывал как *«Апологию христианской религии»* и который исследователи называют просто *«Мысли Паскаля»,* заложены начала философии понимания смысла человеческого бытия, а в его *светлом лике гения* мы видим синтез *профатизма, безусловной нравственности и творческой гениальности.*

Научное творчество

Способности к математике проявились у Блеза с раннего детства: в одиннадцатилетнем возрасте он совершенно самостоятельно вывел двадцать три постулата Евклида, а в шестнадцать — опубликовал *«Трактат о канонических сечениях».* Это была настолько оригинальная работа по геометрии, что современные математики во главе с самим Рене Декартом отказывались верить, что её автором является совсем ещё безусый юнец.

Блез Паскаль вошёл в историю естествознания как великий математик и физик, один из создателей

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

математического анализа, проективной геометрии, теории вероятностей, комбинаторики, вычислительной техники, гидростатики. В математике круг интересов Паскаля был очень широк. Помимо своих занятий геометрией он нашел общий принцип нахождения признаков делимости любого целого числа на любое другое целое число, способ вычисления биноминальных коэффициентов, а также сформулировал ряд положений элементарной теории вероятностей. Теоретические исследования Паскаля-математика (принцип делимости абсолютно малых) послужили впоследствии основанием для Готфрида Лейбница[1] при создании им системы интегрального исчисления.

Паскаль также знаменит и в мире информационных технологий, — один из языков программирования назван его именем — *язык программирования Паскаль.* И это не случайно, ведь именно Паскаль предложил автоматизировать процесс обработки числовой информации и в неполных 19 (!) лет (1642) изобрёл, одну из первых в истории подобных изобретений, механическую счётную машину (*«Паскалево колесо»,* как называли этот аппарат современники), которая вполне надёжно, хотя и несколько медленно, производила четыре действия над пятизначными числами. К техническим изобретениям Паскаля, к которым он пришёл также ещё совсем молодым, относятся барометр и гидравлический пресс.

Итак, Блез Паскаль как математик «описывал конусы и сложные кривые (*Traité des coniques, Dimensions des lignes courbes*). Как физик, определил вес воздуха и установил носящий его имя закон распределения давления жидкостей (*Le vide, l'équilibre des liqueurs et la pesanteur de l'air*). Он изобрёл рулетку и вычислительную машину (*La roulette et traités connexes, La machine d'arithmétique*). Как философ, исследовал методологию науки (*De l'esprit géométrique*). Как богослов, участвовал в полемике между иезуитами и янсенистами на стороне последних (*Les Provinciales, Les écrits des curés de Paris*)» [23, с. 303–304].

Важным достоинством небольших по объёму математических сочинений Паскаля являлось выдвижение на первый план общих приёмов и исключительная ясность языка. И это немудрено, поскольку сам Паскаль считал, что даже «не логика, а приличествующая случаю ясность достаточна для правильных умозаключений» [6, с. 138]. При этом автор совершенно не пользовался символикой новой алгебры [там же, с. 190]. Последнее, по мнению некоторых исследователей, явилось недостатком этих работ.

В историю математики Б. Паскаль вошёл, в том числе, как один из создателей (вместе с Ферма) теории вероятностей. В 1654 г. между Паскалем и Ферма возникла переписка по решению ряда задач, связанных с разделением ставки при игре в кости. В ходе переписки учёные совместно выработали вероятностный подход, «деля ставку пропорционально вероятности выиграть всю ставку, если игра будет продолжена» [там же, с. 86]. В теории вероятности Паскаль и Ферма открыли новый мир и разрешили задачу «подчинения кажущегося беспорядочным чистого случая строгой закономерности». Ныне теория вероятности находит применения во многих отраслях науки — от квантовой механики до биологии [1, с. 77]. Сам Паскаль предполагал написать книгу *«Математика случая»,* в которой он собирался систематизировать результаты их с Ферма совместной работы [6, с. 88]. Однако, этому проекту, по известным причинам, не суждено было осуществиться.

Занимаясь решением задач по теории вероятностей, Паскаль столкнулся с задачами по комбинаторике, где рассматриваются различные комбинации (перестановки, размещения, сочетания) из конечного множества объектов, и также внёс свой весомый вклад в это направление математической науки. Важное значение для развития комбинаторики сыграл его *«Трактат об арифметическом треугольнике»* (*Traité du triangle arithmétique, 1654;* опубликован посмертно, Париж, 1665), где Паскаль записал одно из основных выражений в комбинаторике в треугольной форме (*рис.1*) и «доказал его общим образом с помощью принципа полной математической индукции» [там же, с. 84].

В треугольнике Паскаля числа любого ряда, кроме первых двух, получаются из предыдущего ряда повторением крайних единиц и сложением последующих (слева направо) пар чисел предшествующего ряда. Так, например (см. нижн. ряд: *рис.1*), 5 = 1+4; 10 = 4+6; 10 = 6+4; 5 = 4+1 и т.д. [1, с. 79].

1
1 1
1 2 1
1 3 3 1
1 4 6 4 1
1 5 10 10 5 1
……,

Рис. 1. Арифметический треугольник Паскаля

[1] На математическое творчество Лейбница большое значение оказал *«Трактат о синусах четверти круга»* Паскаля, с которым Лейбниц познакомился по совету Гюйгенса в 1673 г.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Позже И. Ньютон использовал «треугольник Паскаля» при построении своего знаменитого биномиального бесконечного ряда [6, с. 84].

В 1658 году Б. Паскаль запустил свой последний научный проект — в июне месяце он разослал известным европейским математикам циркулярное анонимное письмо об условиях объявленного им конкурса по циклоиде, в котором формулирует ряд задач связанных с определением площади и центра тяжести сегмента циклоиды, объёмов и центра тяжести тел вращения сегмента, центра тяжести половин этих объёмов, отсекаемых плоскостью, которая проходит через ось вращения. Тех задач, которые были предварительно в течение нескольких дней решены самим Паскалем, спасавшимся (как полагают современники) этими своими трудами от невыносимой зубной боли. На решение задач отводилось три месяца, и закрытие конкурса было назначено на 1 октября 1658 года. Для премии выделено шестьдесят пистолей, а жюри должен был возглавить *Каркави*. В научном мире Европы конкурс вызвал большой интерес, но проблемы, поставленные анонимом, поддавались далеко не всем. *Слюз* справился лишь с одной из задач, *Гюйгенс* — полностью разрешил три задачи, а с одной справился лишь частично, несмотря на то, что он был большим знатоком циклоиды.

После этого, по всей видимости, Паскаль больше к естественным и математическим наукам не возвращался, и все его творческие усилия сосредоточились на разработке и совершенствовании своей *«Апологии»*. В этот период совершенно меняется отношение Паскаля к науке, как таковой, и к математике, в частности. Вот что он пишет в 1660 г. своему коллеге Ферма: «Сказать вам откровенно, я считаю математику самым возвышенным упражнением для ума; но в то же время нахожу её столь бесполезной, что не вижу большой разницы между человеком, который всего лишь математик, и искусным ремесленником» [12, с. 430]. Итак, в период своей работы над *Апологией религии,* Паскаль совершенно, — и физически и нравственно, — удаляется от науки, считая её лишь полезным упражнением для ума, но при этом он целиком «погружается в занятия» и придаёт огромное значение своим изысканиям в области оправдания христианской веры.

В этот завершающий период своей жизни нашему мыслителю требовались огромные моральные и физические усилия, чтобы совладать с нарастающими физическими недомоганиями, которые всё чаще и чаще стали мучить *Паскаля.* «…я так слаб, — пишет Паскаль в том же письме Ферма, — что не могу ходить без палки и держаться в седле. Даже в карете я могу делать всего три или четыре мили; так из Парижа сюда (в Клермон — *С. Ч.*) я добирался двадцать два дня» [там же].

Краткий обзор научных достижений Б. Паскаля, проведённый в этом разделе, показывает весомый вклад Паскаля-учёного в теорию и практику естественных и точных наук XVII века. Причём, оригинальные разработки Паскаля либо послужили серьёзной основой для последующих открытий других учёных (Г. Лейбниц, И. Ньютон и др.), либо составили начало новых научных направлений в последующем развитии естественных и точных наук. Таким образом, в общую историю науки французский мыслитель Блез Паскаль вошёл как выдающийся и талантливый учёный.

Духовно-религиозное обращение Паскаля

Первое обращение Паскаля к религии, как истинам духовного, возвышенного порядка, связано с его знакомством с двумя братьями-дворянами *де-Бутельери* и *де-Ланд,* лечившими его отца и часто в это время (январь 1646) бывавшими в доме Паскалей. Благодаря влиянию братьев, — все помыслы которых были сосредоточены на Боге, на спасении души и на любви к ближнему, — совсем ещё молодой двадцатитрёхлетний Блез знакомится со следующими трудами: *«Рассуждение о внутреннем преобразовании человека» Явсения, «О частом причащении» Арно, «Духовные письма»* и *«Новое сердце» Сен-Сирана,* которые становятся для Паскаля настоящим откровением.

Эмиль Бутру (1845–1921), один из исследователей творческой жизни Паскаля, ярко живописует, о чём проповедовалось в названных трудах:

> «…по учению Христа и Церкви первородный грех не только лишил человека его сверхъестественных даров духовных и ослабил его природу, но и повредил её в самом корне. Молить Бога и жить под его благодатью — вот что составляло первоначально сущность бытия человека. В человеке, как избранном создании, сама природа была сопричастна сверхъестественному. Поставив себя выше Бога и отвергнув его благодать, человек потерял всё. Он стал полнейшим рабом своего “я”, обольстившего его. Поэтому и возвращение к Богу не может состоять для него просто лишь в том, чтобы к своим естественным, греховным стремлениям он прибавил бы ещё стремления высокие, сверхъестественные.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

> Жизнь не может быть в союзе со смертью. Нужно, чтобы совершилось полное изменение человека, полное его обращение (conversion); нужно, чтобы он совершенно отказался от разделения между Богом и миром. Бог не может быть в нас, если Он не будет нами самими. В частности, человек должен отказаться от суетной любви к наукам, которая нас соблазняет, тем более, что кажется нам достойною уважения, но которая, на самом деле, содержит греховное притязание дать уму человека удовлетворение помимо вечных мыслей» [3, с. 18].

Как оказалось, Паскаль очень хорошо усвоил и принял сердцем многие идеи, с которыми он впервые познакомился, благодаря своим духовным наставникам. Причём, сам Паскаль воспринял усвоенные им истины как руководство к действию. Первыми практическими шагами Паскаля в его новом обращении стали усилия по обращению к истинной вере всех своих родных — сначала младшей сестры Жакелины, затем Паскаля старшего, и, наконец, старшей сестры Жильберты вместе с её мужем — г-ном Перье. Таким образом, Паскаль не только углубляется в изучение религии и осознаёт благо христианского уединения, но и выступает в роли настоящего *проповедника* — он встаёт на тот путь, который сам Иисус Христос заповедовал своим апостолам, а с ними и всем следующим за ними ученикам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я поведал вам…» (*Мф. 28: 19–20*).

Паскаль обладал необоримой духовной силой, но при этом всю свою жизнь страдал от физической немощи. С молодых лет его одолевали головные боли, нервные припадки и нарушения опорно-двигательного аппарата. Как оказалось при посмертном вскрытии, его мозг имел множественные органические изменения, однако, как следует из опыта его творческой жизни, органические недостатки мозга не влияли ни на силу ума, ни на возможности памяти, ни на ясность сознания Паскаля, которым мог бы позавидовать любой человек, не имеющий никаких функциональных мозговых нарушений.

Аббат Буало рассказывает о Паскале: «Этот великий ум, казалось, всегда видел бездну с левой стороны и для спокойствия ставил там стул; я знаю это доподлинно. Его друзья, его исповедник и духовник напрасно говорили ему, что бояться нечего, что эта тревога всего лишь плод воображения, утомлённого абстрактными метафизическими изысканиями; он во всём соглашался с ними, но, через четверть часа спустя, снова открывалась перед ним пропасть, которая его ужасала» [25, с. 400–401]. Анализируя этот рассказ аббата Буало, Лев Шестов пишет: «Как нельзя сомневаться в том, что Паскаль за всю свою жизнь не провёл ни одного дня без мучительных болей и почти не знал сна…, так нельзя сомневаться, что вместо твёрдой почвы под ногами, которую ощущают все люди, он чувствовал, что стоит над пропастью, что опереться не на что, что если отдаться “естественному” тяготению к центру, то провалишься в бездонную глубину» [там же, с. 401].

В том мире, в мире над пропастью, в котором жил и творил Паскаль, нет места серой обыденности и спокойному рационализму обыденного человека. Ведь обыденный человек живёт в очень простом и понятном ему мире, где все твёрдо ходят по земле и «никогда не бывает, чтоб люди ходили над бездной». В этом мире никогда не бывает, «чтобы человек жил в непрерывной пытке», здесь «вообще трудности чередуются с лёгкостями, и за напряжением следует покой и отдохновение» [там же, с. 402]. И, наоборот, в мире Паскаля «нет лёгкости, одни трудности, нет покоя и отдыха — вечная тревога, нет сна — постоянное бдение» [там же], ведь *гений — это стихия самоотречения.*

Для Паскаля находиться над пропастью гораздо желанней, «чем твёрдая почва и спокойствие духа», поскольку «только ужас, который испытывает человек, когда он чувствует, что почва исчезла под его ногами, что он проваливается на бездонную глубину, может привести его к “безумному” решению отвергнуть “закон” и пойти наперекор всеми признанным истинам» [там же, с. 440]. И в конечном итоге, усвоив себе все «нематериальные и вечные истины», научиться «приводить их к единой истине, которую люди называют Богом» [там же, с. 441].

Если, описанные выше *духовные движения, сомнения и муки* Паскаля, служат для Льва Шестова настоящим показателем *исключительности учения* Паскаля и настоящим *источником его гения,* то для Чезаре Ломброзо, зачинателя *психопатической теории гениальности,* эти же явления есть не что иное, как показатель психической болезни Паскаля. В частности, ссылаясь на некоторые высказывания самого Паскаля, Ломброзо заявляет, что в *«Мыслях»* Паскаль «описал свои галлюцинации», выразив «чисто субъективные взгляды и убеждения, несмотря на старание быть объективным…» [9, с. 155]. И это Ломброзо заявляет о тех самых *«Мыслях»,* которыми зачитывались многие выдающиеся мыслители последующих столетий.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

О тех самых *«Мыслях»,* на которых воспитывались философы нескольких поколений. О тех самых *«Мыслях»,* на которых впоследствии вызрело немало гениальных идей. Поистине, будет много мудрее изучать «галлюцинации» гения, нежели попасть под убийственную и одномерно-примитивную логику психиатра, который объявляет несуществующими и иллюзорными не только прозрения гения, но вместе с ними, сами *духовные ценности,* которые *человек постигал благодаря гениальным прозрениям своих гениальных собратьев.*

Лев Шестов очень высоко ставил *гений Паскаля,* а саму его гениальность рассматривал как одухотворённость. Причём, «одухотворение не может не быть в конфликте с достопочтенной действительностью, которая высоко ценит себя и ни в коем случае не желает быть скомпрометированной одухотворением. Вот почему столкновение творца с действительностью неминуемо, тем более что он ценит то, чего люди не ценят, и думает о том, о чём люди не думают» [цит. по 4, с. 94]. Из этих слов Шестова нам становится понятно, почему психиатрически-строгий ум Ломброзо никак не хочет признать за действительность духовный мир гения только потому, что этот мир недоступен для его строго-примитивного понимания психиатра. Вспомним, что и сам Паскаль много говорил об этом принципиальном непонимании другими людьми духовного мира творца.

Паскаль утверждал, что человек может, *возвыситься* до настоящего «величия», так и *пасть* до полного «ничтожества». Но при этом Паскаль *верил в человека,* который может преодолеть свою греховную природу и спастись, прилепившись к Богу. Тому подтверждением служит собственный духовный опыт нашего мыслителя. В ночь 23 ноября 1654 года сам Блез Паскаль испытал яркое религиозное переживание — *откровение* по сути, продолжавшееся «примерно с половины десятого вечера до половины первого ночи». Благодаря этому откровению, Паскаль-учёный отчётливо понял и глубоко осознал, что его вера слишком академична и холодна, а его жизнь требует ещё большей аскезы. После смерти Паскаля в его камзоле был найден *«Memorial»,* содержащий запись об этом *откровении,* впоследствии опубликованную известным философом Кондорсе под названием *«Амулет Паскаля»:*

> «Усопший. Бог Авраама, Исаака, Иакова, но не Бог философов и учёных.
>
> Достоверность. Чувство. Радость. Мир. Бог Иисуса Христа. Твой Бог будет моим Богом. Забвение мира и всего, кроме Бога. Его можно найти лишь путями, указанными в Евангелии. Величие человеческой души. Праведный отец, мир тебя не знал, но я тебя знал. Радость, радость, радость, слезы радостей, я отделился от него: покинули меня источники живой воды. Боже мой, покинешь ли меня? Я не отделился от него навеки. Иисус Христос, Иисус Христос. Я от него отделился; я бежал от него, распял его, отрекся. Да не отделюсь от него никогда. Он сохраняется лишь путями, преподанными в Евангелии. Отречение от мира полное и сладостное. Полное подчинение Христу и моему духовному начальнику. Вечная радость за один день труда на земле. Да не забуду твоих заповедей. Аминь» [цит. по 17, с. 53].

Откровение времени Амулета[1], испытанное Паскалем, вводит его в *мистику единения с Христом.* Паскаль убеждается сам и убеждает всех своих читателей в том, что Христос является основанием всех вещей и что теология внедрена во все другие науки. Тем самым Паскаль вступает в конфликт со своими антагонистами и, в особенности, с Декартом.

Многочисленные исследователи, анализируя «боговдохновенный опыт» Паскаля, выраженный им в *Мемориале,* в качестве главной идеи этого небольшого текста, правомерно выделяют *идею «личного Бога» в его принципиальном отличии от «Бога философов и учёных».* Г. Я. Стрельцова выделяет пять смысловых оттенков *личного Бога* у Паскаля:

«Во-первых, это не трансцендентный Бог рационалистического богословия, а экзистенциальный Бог-спаситель, т. е. Иисус Христос.

Во-вторых, это нравственный идеал, стремление к которому является личным долгом христианина. Личный Бог — учитель человечества.

В-третьих, такой Бог постигается уникально-личностным путём через вдохновение (правильнее здесь будет сказать — через откровение — *С. Ч.*).

В-четвёртых, в общении с Богом человек выступает как самодеятельная личность, воля которой взаимодействует с Божьей волей.

В-пятых, внешняя атрибутика веры отступает на второй план по отношению к внутренней убеждённости верующего». Ведь «истинная вера заключается не в “букве религии”, а в “духе буквы”» [15, с. 268–269].

Если *первое обращение* Паскаля было рационалистическим по преимуществу, то *второе его*

[1] Этот этап духовной жизни Паскаля исследователи называют его *вторым обращением.*

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

обращение, запечатлённое в *Мемориале,* носило характер поистине духовно-мистический. Здесь мы видим своеобразный аналог откровения Христа, осенившего в своё время ап. Павла [см.: 21, с. 12–14]. Паскаль приходит к *Богу сокровенному,* недоступному философам и учёным, которые вместо веры пытаются объяснить Бога, но, не поняв Его, что принципиально невозможно с рациональной точки зрения, скатываются в итоге к Его отрицанию — к атеизму. Тем самым Паскаль прозрел ложность того пути, по которому устремилась, начиная с XVII века, западная философия и наука, начавшие выстраивать своё могущество на принципах, отрицающих *вечную божественную Истину.*

Karen Armstrong настаивает, что Паскаль *предвидел ужасы мира, разорвавшего связь человеческого и божественного и поэтому потерявшего высший смысл своего бытия;* Паскаль предупреждал, что этому во многом будет способствовать «свобода воли»; но при этом Паскаль оказался тем «первым человеком современной эпохи», который «допустил, что в этом кипучем новом мире вера в Бога может быть делом личного выбора» [27].

«Мысли» Паскаля

Основной религиозно-философский труд Паскаля, который изучался и продолжает изучаться многими поколениями читателей и который принёс Паскалю мировую славу не как выдающемуся учёному, но как религиозному философу и мыслителю — это *«Мысли»,* посмертно изданный в 1669 году труд, представляющий собой собрание фрагментов к незавершённому полемическому произведению, призванному, по мысли самого автора, стать настоящей *Апологией Христианской Религии.*

Начало работы над *Апологией* скорее всего связано со *вторым обращением* Паскаля (1656) (см.: *Амулет*). Но первое упоминание об этом труде датируется осенью 1658 года, когда Блез Паскаль рассказывает своим друзьям, — отшельникам в *Пор-Рояле,* о своём замысле написать *«Апологию христианской религии»,* главная *цель* которой «заключается в том, чтобы нарушить безразличное спокойствие людей и способствовать изменению состояния их духа» [16, с. 279]; и показать людям «то единственное и важное», что нужно им для спасения души — «поиски Бога для тех, кто Его не знает, и любовь к Нему для тех, кто Его нашёл» [11, с. 35].

Важно подчеркнуть, что апология Паскаля относится к наиболее редкому типу «подлинной апологии», имеющей решить самую сложную задачу: «убедить человека свободного или почти свободного от аксиом религии». *Мысли* Паскаля действительно оказались способными воздействовать на заблудших, входить «в мировоззрение и самочувствие падшего разума, оставшегося наедине со своим бессилием, с философской идеей Бога, но без живого богообщения» [24, с. 192].

Ещё одна несомненная оригинальность труда Паскаля заключается в том, что вместо дуализма Декарта, делящего сущее на материю и дух, наш мыслитель утверждает в своём труде понятие о *трёх «порядках» сущего — плоти, разума и любви* [11, с. 35]. Указанная триада очень часто присутствует в различных фрагментах *«Мыслей».* Например:

> Все тела, вместе взятые, мироздание, звёзды, земля с её державами не стоят и самого посредственного разума, ибо он способен познать и всё плотское, и самого себя, а плоть ничего не способна познать. Всё плотское, вместе взятое, и всё разумное, вместе взятое, и всё, что они порождают, не стоит самомалейшего порыва милосердия. Оно относится к совсем иному порядку явлений — к явлениям сверхъестественным.
>
> Из всего плотского, вместе взятого, не выдавить ни единой самомалейшей мыслишки: это невозможно, они — явления разных категорий. Из всего плотского и всего разумного не извлечь ни единого порыва милосердия: это невозможно, милосердие — явление другой категории, оно сверхъестественно» [11, с. 67].

Паскаль писал свои заметки на больших листах бумаги и отделял одну от другой жирной чертой. Когда пришла пора рассказать об этих трудах друзьям из *Пор-Рояля,* он разрезал эти листы по намеченным линиям, распределив все заметки на 27 озаглавленных им «связок» (серий).

Маргарита Перье, племянница Паскаля, в своих заметках о жизни своего выдающегося родственника рассказывает следующую историю создания *«Мыслей»,* раскрывая при этом некоторые особенности мыслительной деятельности Паскаля:

> «В уединении своём он по воле Провидения стал писать против атеистов; вот как было собрано то, что дошло до публики. Господин Паскаль, работая, имел обыкновение держать в голове всё, что он хотел написать, почти не делая набросков на бумаге; ему помогала в том удивительная способность никогда ничего не забывать, и он сам говорил, что ни разу не забыл того, что хотел запомнить. Так он

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

> хранил в памяти замыслы всего, что собирался писать, пока не доводил это до совершенства, а тогда уже записывал. Такое было у него обыкновение; но для этого требовались большие усилия воображения, а когда за пять лет до смерти он стал страдать тяжкими недугами, то не имел больше сил, чтобы держать в памяти всё, что думал о каждом предмете. Тогда для облегчения дела он стал записывать то, что приходило ему в голову, по мере того, как эти мысли ему являлись, чтобы затем воспользоваться ими для работы, как он поступал некогда с тем, что запечатлевалось в его памяти; и вот эти отрывки, записанные по кусочкам, нашли после его смерти и довели до публики, которая встретила их с большим одобрением» [11, с. 473].

Здесь нелишним будет вспомнить, что сам Паскаль считал свои математические и естественнонаучные труды занятием достаточно простым и в чём-то даже примитивным в сравнении с тем делом, которым он начал заниматься по воле *Провидения*[1]. Поэтому записывание своих мыслей, касаемых *Апологии,* было бы неверно связывать лишь только с изменениями функций памяти автора; по-видимому, главными причинами этому стали *необозримая глубина, исключительная сложность и предельная парадоксальность* рассматриваемых автором проблем, а также то значение, которое сам автор предавал этому своему труду.

Современные публикации *«Мыслей»* включают в себя более девятисот фрагментов, объединённых в 61 связку, 34 из которых остались неозаглавленными и несистематизированными автором. По сути дела *«Мысли»* Паскаля являют собой сборник религиозно-философских и антропологических идей, представленных множеством фрагментов. Современный исследователь А. Н. Чистяков задаётся вопросом: «Является ли такая фрагментарность выражением незавершённости или стилистическим приёмом?» [23, с. 305]. На основании результатов собственного историко-филологического исследования, автор приходит к выводу, что «…фрагментарность является отражением свойств ума, методом и осознанным выбором Паскаля. Его главное произведение — *«Мысли»* — есть фрагментарная апология как по намерению, так и по исполнению, хотя и не завершённому» [там же, с. 306].

Причём, жанровые особенности произведения, в соответствии с классическим делением «поэзии по Аристотелю и Гегелю на три рода — эпос, лирику и драму — *«Мысли»* Паскаля имеют черты как первого, так и второго рода» [там же]. На основании сравнительного анализа текстов *Паскаля* и некоторых текстов *Ветхого Завета,* Чистяков делает ещё один важный вывод, который разбивает представление о фрагментарности *Мыслей Паскаля* как свидетельства психопатических личностных отклонений мыслителя: «Фрагментарность апологии Паскаля имеет смысл в плане соотношения формы и содержания произведения. Фрагментарность не может быть отнесена целиком на счет болезненности автора, его манеры мышления или личного вкуса. Христианской апологии не обязательно, но весьма свойственно быть фрагментарной по её основной задаче» [там же, с. 307].

И этот вывод представляется достаточно обоснованным, даже если не опираться на доказательства, приводимые исследователем, а просто вспомнить фрагментарность построения текстов как в *Ветхом,* так и в *Новом Завете.* Надо здесь сказать, что сам Паскаль отмечал осознанную намеренность такой формы своего труда: «Я решил записывать свои мысли, — пишет во введении к своему труду Паскаль, — при этом не соблюдая никакого порядка, и эта чересполосица будет, возможно намеренной: в ней-то и заложен настоящий порядок, который с помощью этого самого беспорядка выявит суть трактуемого мной предмета».

Французский исследователь H. Douchilloux показывает, что «беспорядок» фрагментов в *«Мыслях»* отражает *сознательный выбор автора,* «репрезентирующий замещение рассудка линией сердца или милосердия». Представление о том, что Паскаль-философ навёл бы порядок в этом хаосе мысли, если бы не заболел и не умер, не выдерживает критики, поскольку «сам Паскаль предупреждал, что его мысли шире апологетики» [28, p. 3]. «Стоит расположить уже известные мысли в ином порядке, — пишет Паскаль, — и получится новое сочинение, равно как одни и те же, но по-другому расположенные слова образуют новые мысли. <…> Иначе расставленные слова обретают другой смысл, иначе расставленные мысли производят другое впечатление» [13, с. 23]. Своего собеседника-либертина Паскаль вписывает в триадическую классификацию из трёх видов людей: а) нашедших Бога; б) ищущих Его; в) тех, кто живёт, не разыскивая Бога [28, p. 3]. Причем, по Паскалю, только нашедшие Бога разумны и счастливы;

[1] Характерно, что и *Лев Толстой* подобным образом оценивал свои предыдущие произведения («Война и мир», «Анна Каренина» и др.) после своего обращения, представленного в *«Исповеди»,* которое также как и у Паскаля можно считать обращением религиозным. Причём, как известно, *Толстой* сам указывал на своё духовно-эйдетическое сродство с *Паскалем.*

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

вторые — разумны, но пребывают в постоянных мучениях; последние — безумны и несчастливы.

H. Douchilloux рассматривает полемику, которую Паскаль вёл в связи с концепцией трёх несовместимых «царств»: 1) королей и богачей, царствующих над телами и способных удовлетворять «похоти тела»; 2) учёных и философов, владеющих умами и могущих удовлетворить «похоть глаз», т. е. страсть к знанию; 3) святых, царствующих над сердцами и способных удовлетворить стремление воли, гордость. Согласно фрагменту (*Ляфюма,* 933), у каждой страсти есть своё «место» в котором её правление легитимно и справедливо. Но только мудрецы третьего «царства», излечившие свои сердца от тирании природного и общественного миров, свойственной грешникам, знают, что и где «справедливо» [там же, p. 17–18].

Проницательный Д. С. Мережковский очень ясно увидел *смысл и назначение* главного труда недолгой жизни Паскаля: «Чудо Св. Терна внушило Паскалю замысел того великого дела, которому решил он посвятить весь уже недолгий, как он предчувствовал, остаток жизни. Дело это он сам называет “Защитой христианства”, “Апологией”, а люди назовут его “Мыслями”. После чуда он придумал изображение для своей печати: два человеческих глаза, окружённых терновым венцом, с надписью — *«Scio cui credidi. — Знаю, кому верю».* Смысл изображения тот, что мучившая его всю жизнь Борьба Веры и Знания кончилась: эти два противоположных начала соединились в третьем высшем — в Любви. Главным источником Мыслей и будет это соединение» [10, с. 293]. *«Мысли»* Паскаля — «Это больше чем книга; — восклицает очарованный этим трудом Мережковский, — это вечно кровью сочащаяся рана в сердце человеческом» [там же, с. 298].

Хотя *«Мысли»* Паскаля не были оформлены в целостный и завершённый трактат, они, вместе с тем, явились своеобразной *проповедью откровения Бога человеку,* а сам автор, испытавший таинство, силу, истину божественного откровения[1], желал своим трудом приблизить человека к *божественному дару откровения, дарованного каждому, но далеко не каждым этот дар принимаемый.* «Согласно правилам игры, — проповедует Паскаль, — вам должно без устали стараться найти истину, ибо, если вы умрёте, не исполнившись благоговейной любви к Зиждителю, вас ждет погибель. — “Но когда бы Он и впрямь желал моей благоговейной любви, то подал бы мне какие-то знаки Своей воли”, — отвечаете вы. А Он и подал, только вы их не заметили. Ищите же, дело стоит того!» [11, с. 453].

Французский писатель Жозеф Бертран называет Паскаля одним из совершеннейших писателей своей эпохи: «Тонкие умы удивляются Паскалю как писателю самому совершенному в величайший век французского языка… Каждая строка, вышедшая из под его пера, почитается как драгоценный камень». Интересно, что французский писатель Жозеф Бертран только лишь *увидел,* а русский писатель Дмитрий Мережковский (1939–1940) не только *увидел,* но предельно ясно *раскрыл* это *совершенство языка Паскаля.* Вот те семь контрапунктов, которые, по Мережковскому, обеспечили *«незабвенность слова»* Паскаля:

1. *«Первое совершенство* можно бы определить как *общий закон языка»* математически выражаемый в том, что «сила речи обратно пропорциональна количеству слов»; а эстетически, предполагающее достижение совершенства через «красоту умолчания».
2. *«Второе совершенство* в языке его — *простота*. “Надо быть, насколько возможно, простым и естественным; ничего не преуменьшать и не преувеличивать” (76)[2]. “Надо писать, как говоришь”» — настаивает сам Паскаль.
3. *«Третье совершенство — точность».* По восемь-десять раз Паскаль переделывает, видоизменяет и переписывает многие из своих мыслей, добиваясь точного и однозначного их звучания.
4. *«Четвертое совершенство — порядок слов».* Так же как один кидает мяч в игре лучше другого, — пишет Паскаль, — так же различно и действие слов, расположенных в разном порядке: разный порядок слов даёт различные смыслы, а различные смыслы приводят к разному эффекту.
5. *«Пятое совершенство — вкрадчивость.* Надо не доказывать, а внушать: “Надо делать на своём собственном сердце опыт того, что хочешь сказать, так, чтобы слушатель вынужден был сдаться” (45)».
6. *«Шестое совершенство — соединение страсти с мыслью.* <…> Страстно чувствовать умеют все, но только очень немногие умеют страстно мыслить, как Паскаль. <…> Как руку на морозе обжигает схваченное железо, так иногда отвлечённейшие мысли Паскаля обжигают сердце».

[1] «Memorial» Паскаля от 23 ноября 1654 года, содержащий записи об этом откровении (см. выше).

[2] Здесь и далее в круглых скобках приводится нумерация фрагментов *«Мыслей»* по французскому изданию *Брунсвика* (*Pascal. Pensées, ed Brunschwigg, 1897*).

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

7. *Седьмое и главное совершенство* языка Паскаля определяется постоянным присутствием в его языке *«антиномического»* и *«противоположно-согласного»:* «Этим язык Паскаля напоминает больше всего Евангелие, насколько язык человеческий может напоминать Божественный» [10, с. 296–297].

«Искренность и прямота, простота и ясность, стремление к возможно более точному соответствию различных порядков бытия их словесному выражению — таковы основные эстетические принципы Паскаля-писателя, чётко обозначенные в “Мыслях” и характерные для стилистики “Писем к провинциалу”» [16, с. 260–261] и для стиля его главного произведения.

Характерные особенности *стиля* религиозно-философских трудов Паскаля (включая *«Мысли»*) подробно разбираются Этьеном Бутру. Стиль сочинений Паскаля предельно естественен: очень прост, вполне ясен, наивен, искренен и предполагает использование не отвлечённых, а конкретных слов. По Паскалю могущество слов обеспечивается их порядком. Подобно тому, как в игре в мяч оба игрока играют одинаковым мячом, но один кидает его лучше другого. «Стиль у него отличается своим богатством. Он обладает сразу всеми действующими на душу качествами. Геометрическая точность, страстность, воображение, искусство и простота соединяются у него в одно неразрывное целое» [3, с. 170]. И, самое главное, — в очень короткую фразу, содержащую минимум слов, автор вкладывает множество идей.

Паскаль любит использовать антитезы, но не как риторическую формулу, а как аргумент. Объяснение, по Паскалю, следует начинать с двух противоположных доводов. Он нередко употребляет гиперболы, но не как простое украшение слога, а для сильнейшего и глубокого воздействия на волю читателя. А для усиления впечатления от чтения, автор нередко использует количественные контрасты. «Язык Паскаля, — пишет Бутру, — один из лучших образцов языка XVII века, обладает ещё всею молодою сочностью XVI века. Он предпочитает обыденные выражения, называет вещи по именам и придаёт им осязательность, он превращает идеи в образы, которые навсегда запечатлеваются в уме человека.<…> Становиться на точку зрения читателя, было всегда главным правилом Паскаля, он ему подчинял внешнюю форму своих сочинений и оно же определяет самый подбор его мыслей» [там же, с. 171–172].

«Мысли» Паскаля оказались тем «истинным шедевром», который «всегда создаёт собственный уникальный жанр» [18, с. 81]. «Паскалевский текст — это синтез жанров», где философские размышления сочетаются с ироничными зарисовками о природе человека, а короткие новеллы и притчи сменяются длинными максимами и максимами-сентенциями [8, с. 352]. Несмотря на свою фрагметарность и афористичность, *«Мысли»* Паскаля отличаются содержательной глубиной и неизбывностью смысла в них заложенного. Отдельные положения Блеза Паскаля могут служить точками отправления для целых трактатов и полноценных монографий, и от всех его положений веет истинной жизненностью.

Сент-Бёв, на которого мы уже ссылались в начале этого очерка, анализируя мыслетворчество Паскаля в его *«Мыслях»,* приходит к следующему остроумному выводу: «Прочитав Паскаля можно оставаться неверующим, но уже нельзя ни насмехаться над религией, ни богохульствовать; и в этом смысле, правда, что в определённом отношении он одержал победу над духом XVIII века и над Вольтером» [14, с. 373]. Но это характерно и для более позднего исторического времени. Оправдание религии, которое виртуозно проводит в своих трудах Паскаль, как бы предвосхищает возражения, которые делали против неё и в XIX и в XX столетиях [5, с. 756]. Паскаль со своими Мыслями является нам не как человек из прошлого, а как современник, который борется за истинно вечные и нерушимые христианские идеалы.

Итак, тексты Паскаля являются уникальным в мировой литературе примером становления, развития и борения творческой мысли *гения — первооткрывателя вершинных прозрений духа. «Мысли»* Паскаля призваны дать человеку фонарь, который позволяет *осветить,* и в этом свете *осознать Истину,* и *увидеть Путь* духовной жизни, которые в безграничной и безусловной Любви, Иисус Христос принёс каждому человеку в Своё Пришествие. В этом и заключается истинный смысл и назначение названного труда Блеза Паскаля. *Основную обобщённую теологическую идею* своего религиозно-философского трактата, а именно: идею утверждения и оправдания *веры в Бога,* Блез Паскаль выражает в следующих словах: «Очевидно, что нет блага без познания Бога; что мы счастливы в той мере, в какой приближаемся к Нему, и что высшее счастье — в несомненном знании о Нём; что по мере удаления от Него мы становимся несчастны и что худшим из несчастий было бы несомненное отрицание Его» [11, с. 285]. Нетрудно видеть, что эти слова Паскаля как нельзя лучше подходят к современной эпохе

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

культурного излома — эпохе полной секуляризации не только религии, но и самой человеческой культуры. Таким образом, творческое наследие гениального Паскаля и ныне остаётся исключительно актуальным, и, в особенности, если учитывать те процессы духовного голода и истощения, испытываемые человеком века нынешнего.

В свою очередь, тайну притягательности своих *«Мыслей»,* не исчерпавшуюся и через три с половиной столетия после их написания, сам автор видит в следующем: *Истинная вера — это когда Бог ощущается сердцем, а не разумом. И как далеко,* — восклицает Паскаль, — *от познания Бога до любви к нему.*

Образы человека в *«Мыслях»* Паскаля

В *«Мыслях»* Блеза Паскаля большое место занимает антропологическая тематика. Автор как можно более подробно представляет сущность человека и раскрывает парадоксальность человеческой природы, помещая человека «между двумя безднами — небытия и бесконечности» (81).

Человек проявляет непонятную и чудовищную чувствительность «к ничтожнейшим делам» при «совершенной бесчувственности к делам величайшим» (129); мотивы этого одновременного ничтожного и величественного существа простираются от низкой корысти до глубочайшей жажды познания, готового охватить в едином мыслесозерцательном процессе всю вселенную, всё мироздание, все порядки бытия.

Своим пламенным словом Паскаль обличает:

- безумие обществ, народов, государств, бросающих граждан в пламя войн и раздоров и посылающих подданных убивать, жечь, грабить другие народы;
- ложь и бессмыслицу человеческих законов, хорошо понимая слова ап. Павла о том, что «закон пришёл для того, чтобы умножилось преступление»; Паскаль показывает абстрактность, ошибочность, относительность законов, на основе которых люди пытались выстроить свои отношения, изначально отражающие ложь, конкуренцию и несправедливость;
- похоть чувственности, похоть знания и похоть власти;
- «ложное знание, когда оно, делаясь тоже последней и высшей истиной, становится на место религии» [10, с. 300];
- ложь и бессмыслицу собственности, называя последнюю «забытым грабежом». «Равенство собственности конечно справедливо, — замечает при этом Паскаль, — Но так как люди не могут заставить людей подчиняться справедливости как силе, то заставляют их подчиняться силе как справедливости» (153) [29].

И автор приходит к выводу, что «Нехорошо быть слишком свободным. Нехорошо иметь всё необходимое» [11, с. 62]. Нужно многим жертвовать, нужно бежать от соблазнов разума, похоти, власти. Нужно научиться аскезе. По Паскалю, плоть восстаёт против духа и этим мешает спасению души. Поэтому он всё более и более склоняется к необходимости более жёстких ограничений, выстраивая в соответствии с этим и свою собственную жизнь.

Глубоко проникнув в сущность человеческого существа, Паскаль выводит парадоксальное в своей основе положение о том, что в *человеческой природе столько же величия, сколько и низости.* Но насколько же простирается ничтожество человека? Паскаль настаивает: *кроме ничтожества в человеке открывается величие* и это определяет его *человеческое достоинство:*

> «Не в пространстве, занимаемом мною, должен я полагать своё достоинство, а в направлении моей мысли. <…> Очевидно, человек создан для мышления; в этом всё его достоинство, вся его заслуга, и весь долг его мыслить, как следует, а порядок мысли — начинать с себя, с своего Создателя и своего назначения.
>
> А о чём думает свет? Он никогда об этом не думает: он помышляет о танцах, музыке, пении, стихах, играх и т. д., думает, как бы подраться, сделаться царём, не задумываясь при этом, что значит быть царём и что значит быть человеком» (*Паскаль Б.* Мысли о религии. Перев. *Долгова,* 2-е издан. — С. 25)

Размышления о человеке открывают Паскалю «нравственное убожество человека в настоящем», но одновременно раскрывают перед мыслителем *тайну великого призвания-назначения человека в будущем,* которое Паскаль связывает с возможностью всех людей поверить в возможность Боговоплощения. В свою очередь провиденциальный, нравственный, творческий *гений Паскаля* во всей своей обнажённости и очевидности личного духовного опыта постоянно и неуклонно свидетельствует о праведности и благости христианского долга. В этой связи Э. Бутру задаётся вопросом: «…не в том ли наш долг, чтобы подчинить нашу природу добру?» [3, с. 212]. Паскаля всегда возмущала человеконенавистническая теология

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Кальвина в соответствии с которой «…Бог изначально, уже при сотворении людей, имел абсолютную волю спасти одних и осудить других, независимо от их воли и дел и предвидения каких-либо заслуг» [15, с. 267]. В противовес этому утверждению, Паскаль рассматривает человечество как единый организм, где каждая его часть (человек), заслуживает *веры Богу, надежды на спасение, божественной любви.*

Неспособность человека насытиться частью бытия, которой он *обладает,* свидетельствует, по Паскалю, о том, что когда-то у человека было *подлинное благо,* которое есть *не обладание бытием* (в какой либо его части), а *полная погружённость в бытие* — в са́мое то́, что человек называет раем, и память о котором и поныне сохранилась в духовной памяти человека. Именно с этой памятью связано неумолимое стремление человека к *творческому созиданию.* Когда-то человек обладал лучшей природой, из которой он «выпал», но которую он постоянно взыскует, поэтому, — заключает Паскаль, — «бесконечная и всеобщая жажда счастья может быть утолена лишь бесконечным и всеобщим существом, каким является только Бог» [цит. по 16, с. 292].

Итак, по Паскалю, человек предельно парадоксален. Основываясь на этом важнейшем, установленном им положении, Паскаль в своих *«Мыслях»* выводит следующие *образы человека.*

1. ***Человек — существо, исполненное противоречий.*** Так, например, склонности человека постоянно противоречат друг другу: он любит покой, но в то же время не может жить без тревоги; когда человек трудится над исполнением какого-либо желания, у него возникает желание противоположное; он не ограничивается тем, чем он обладает и постоянно стремится к предметам, которые вне его власти. В таком же противоречии пребывают и наши умственные способности: по отношению к чувствам вещи конечны, но для разума они бесконечны [3, с. 174]. Но самое большое противоречие Паскаль видит между разумом и сердцем, поскольку первый основывается на принципах, а второе — на чувствах. Не говоря уже о противоречиях, которые заложены в самом человеческом разуме. Паскаль, по-видимому, был первым из мыслителей, который заговорил о «потерянности» человека, об «ускользании от нас» нашей природы.

Говоря об одновременном величии и низости человеческой природы, раскрывая «двойственность человеческой натуры», Паскаль настаивает на том, что человек обязан знать и помнить об этой своей двойственности: «Опасное дело — убедить человека, что он во всём подобен животному, не показав ему одновременно и его величия. Не менее опасно — убедить в величии, умолчав о низменности. Еще опаснее — не открыть ему глаза на двойственность человеческой натуры. Но поистине благотворно показать обе стороны. Человек не должен приравнивать себя ни к животным, ни к ангелам, но не должен пребывать и в неведении о двойственной своей природе: пусть он знает об этой своей двойственности» (328).

2. ***Человек — существо сложное и непостоянное,*** непостоянное благодаря своим страстям (passion) и сложное в силу того, что «состоит из частей в одно время и разнородных и неразрывных» [3, с. 173], неподдающихся приведению к общим достаточно жёстким принципам.

3. ***Человек — это «узник в цепях».*** Этим образом Паскаль выводит символ человеческой жизни «перед лицом смерти». «Вообразите, — пишет Б. Паскаль, — что перед вами множество людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах у остальных, и те понимают, что им уготована та же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и безнадёжности, и ждут своей очереди» [13, с. 134]. — Такова картина индивидуального человеческого существования от рождения и до смертного часа. И в свой смертный час человек абсолютно «один на свете» и в этот его последний час лишь только Бог может разделить это одиночество. Однако, это возможно лишь только тогда, когда сам человек принимает Бога.

Таким образом, подводит итог Паскаль, человек — это ***«однодневный гость»,*** это ***«тень, промелькнувшая на мгновенье и исчезнувшая навсегда».*** «Когда я размышляю о мимолётности моего существования, погружённого в вечность, которая была до меня и пребудет после, и о ничтожности пространства, не только занимаемого, но и видимого мной, пространства, растворённого в безмерной бесконечности пространств, мне неведомых и не ведующих обо мне, — я трепещу от страха и спрашиваю себя — почему я здесь, а не там, нет причины быть сейчас, а не потом или прежде. Чей приказ, чей промысел предназначил мне это время и место?» [13, с. 135].

4. ***Человек — это «извращённое существо».*** Паскаль видит извращённость человека в том, что он, проявляя высочайшую чувствительность к пустякам и мелочам, остаётся при этом совершенно бесчувственным к вещам главным и, безусловно, существенным. В этом и заключается «страшная извращённость» человека [там же, с. 133].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

5. ***Человек — это «беспечное существо»:*** «Мы беспечно устремляемся к пропасти, заслонив глаза чем попало, чтобы не видеть, куда бежим» [там же, с. 132]. Конечно, человек — существо активно-деятельностное, он постоянно должен себя чем-либо занимать. Но на беду очень часто оказывается, что человек сначала делает что-то или производит какие-либо вещи, но лишь затем начинается задумываться о благости им сделанного или совершённого. И нередко оказывается, что человек в этой своей деятельности достигает совсем не тех результатов, к которым он стремился, и все хлопоты человека оказываются *суетой сует.* — «Люди живут в таком полном непонимании суетности всей человеческой жизни, что приходят в полное недоумение, когда им говорят о бессмысленности погони за почестями. Ну не поразительно ли это!» [там же, с. 123–124].

6. ***Человек — это «раб наслажденья».*** Когда человек справляет какие-либо естественные жизненные отправления и надобности, то это нисколько не умаляет его достоинства. Нет ничего зазорного также и в том, когда человек склоняется под гнётом горя, однако, человек теряет своё достоинство, когда он склоняется под властью наслаждения. «И не в том дело, что горе к нам приходит, а наслаждения мы ищем сами, нет, горе тоже можно искать, и предаваться ему, и при этом нисколько себя не уважать. Но почему же всё-таки разум сохраняет достоинство, предаваясь горю, но позорит себя, предаваясь наслаждению? Да потому, что горе не пытается нас соблазнить, не вводит в искушение, мы сами склоняемся перед ним, сами признаём его власть. И, значит, продолжаем оставаться хозяевами положения, а если подчиняемся, то лишь самим себе. А вот наслаждаясь, мы становимся рабами наслаждения. Умение владеть, распоряжаться собой всегда возвеличивает человека, рабство всегда его унижает» [там же, с. 122–123].

7. ***Человек — это «гордец».*** Согласно *Ветхому Завету,* гордыня есть один из смертных грехов. Паскаль во многих фрагментах своего труда обсуждает различные формы проявления гордыни. В определённых случаях даже любознательность может приобретать форму гордыни; в частности тогда, когда люди приобретают знания не для того, чтобы ими пользоваться для своего блага и блага других, а для того, «чтобы потом ими похвалиться. Никто не стал бы плавать по морям ради одного удовольствия повидать их; нет, плавают, чтобы потом рассказать о виденном, поразглагольствовать о нём». Гордыня проявляет себя также и в «*желании снискать уважение ближних*. — Невзирая на горести, заблуждения и т. д., мы одержимы гордыней, вошедшей в нашу плоть и кровь, и с радостью отдадим всё, вплоть до жизни, лишь бы привлечь к себе внимание». И человек оказывается в плену у своей собственной гордыни, суетность полностью поглощает человека вплоть до полного затмения его сознания: «Суета сует: игра, охота, хождение по гостям и театрам, ложная забота об увековечивании имени» [там же, с. 118–119]. И человеку уже не остаётся ни времени, ни сил, ни желания думать и заниматься главным: созданием благого, возвышенного и прекрасного. «Ибо когда страсти становятся госпожами, они превращаются в пороки, и душа тем питается и отравляет себя» [11, с. 242].

И Паскаль, резюмируя, вопрошает: «Если мы не знаем, что исполнены гордыни, честолюбия, похоти, слабости, ничтожества и греха, то мы слепы. А если, зная, мы не хотим от этого избавляться, то что можно сказать о человеке?» □там же, с. 239□.

8. ***Человек — это «мыслящий тростник».*** С одной стороны, человек — это очень слабое, неустойчивое, ломкое существо; но с другой стороны, он ***«сотворён для того, чтобы думать».*** В своём познании человек способен охватить мыслью не только себя самого, но и безграничную в своей необъятности Вселенную: «Все тела, небесная твердь, звёзды, земля и её царства не стоят самого ничтожного из умов; ибо он знает всё это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела, взятые вместе, и всё, что они сотворили, не стоят единого порыва милосердия — это явление несравненно более высокого порядка. Из всех тел, взятых вместе, не удалось бы извлечь и самой ничтожной мысли; из всех тел и умов нельзя было бы извлечь ни единого порыва истинного милосердия, это невозможно, это относится к иной сфере — сверхъестественной» [цит. по 14, с. 376].

Вселенная может раздавить человека, уничтожить его без следа, но «человек всё равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает.

Итак, — заключает Паскаль, — всё наше достоинство — заключено в мысли. Вот в чём наше величие, а не в пространстве и времени[1], которых мы не можем заполнить. Постараемся мыслить как должно: вот основание морали[2]» [11, с. 112].

[1] …времени, — продолжительности, — *в пер. С. Долгова, 1902.*

[2] Постараемся мыслить как должно: вот основание морали. — Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности. — *в пер. С. Долгова, 1902.*

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Однако, несмотря на всё это своё *величие,* человек оказывается перед главной трудностью — он оказывается *неспособен соединить «вещи духовные с телесными».* Даже почти все философы «смешивают идеи вещей и говорят о вещах телесных, как о духовных, а о духовных, как о телесных. Именно поэтому «человек для самого себя — самый загадочный предмет во всей природе, ибо он не может представить себе, что такое тело, и ещё меньше — что такое дух, а менее всего — как тело может соединяться с духом» [там же].

Многое в человеческой природе и человеческой жизни обличает Паскаль, оправдывая лишь одно — стремление людей к «Царству Любви, где все подданные дышат одною любовью и желают только блага любви». Никто убедительнее Паскаля, — восклицает в этой связи Мережковский, — «не говорил о том, как “царство мира сего” относится к Царству Божьему» [10, с. 300].

В чём люди видят высшее благо? — задаётся вопросом *Паскаль*. Один видит его «в добродетели, другой — в сладострастии, третий — в следовании природе, четвёртый — в истине — felix qui potuit rerum cognoscere causas[1], пятый — в полном неведении, шестой — в праздности, седьмой — в том, чтобы не поддаваться обманчивой видимости, восьмой — в том, чтобы ничему не удивляться — nihil mirari prope res una quae possit facere et servare beatum[2], а славные пирронисты — в своей атараксии, вечном сомнении и колебании» [11, с. 67].

Но самые мудрые, по Паскалю, полагают, что смысла жизни нельзя найти даже в воображении и мечтах, простирающихся вне откровения Бога человеку.

Post Script

Гениальность Паскаля в том, что он ясно увидел и смог передать своим многочисленным читателям, что человек без Бога и вне Бога остаётся в полном и безмолвном одиночестве перед тёмной, безграничной, безмерной в своей бесконечности Вселенной. Он оказывается перед двумя разверзнутыми перед ним безднами — бездной бытия и бездной небытия. И человеку без Бога и вне Бога — нет спасения от своего трагического одиночества, от которого не спасают человека ни доводы разума, ни относительные добродетели. — Даже на вершине пирамиды Абрахама Маслоу, — само-актуализированное человеческое *“я”,* лишённое Бога, застывает в трагической, беспросветной и безысходной пустоте.

Возможно ли для человека избежать этого страдания, порождаемого безысходностью и пустотой? Пытаясь ответить на этот вопрос, Паскаль приводит следующие свои рассуждения:

> Правда, что начинать благочестивую жизнь трудно; но причиной этому не зарождающееся в нас благочестие, а оставшаяся в нас порочность. Если бы наши чувства не противились покаянию и наша испорченность не противилась чистоте Божией, мы не испытывали бы никаких тягот. Мы страдаем лишь в той мере, в какой порок, естественно нам присущий, сопротивляется сверхъестественной благодати; сердце наше раздирается этими противоположными устремлениями, но было бы несправедливо обвинять в таком насилии Бога, Который влечёт нас к Себе, а не оставляет миру, нас удерживающему» [11, с. 324].

Итак, из этих слов Паскаля следует очень ***важный вывод.*** — Только сам человек, в соответствии со своей *исконной от сотворения свободой,* может по *своей собственной воле* прийти *к сотворчеству с Богом* и по-настоящему вступить в историческую эпоху Богочеловечества. Здесь важно отметить, что «свобода в христианском понимании никогда не совпадает с абстрактной свободой выбора, но есть, прежде всего, свобода от зла» [26, с. 321]. В свою очередь, говоря здесь о *свободной воле* (собственной воле человека), следует иметь в виду «не волю, которая может делать всё, что ей хочется, но волю, которая способна освободиться от принуждения и тюрьмы зла» [там же]. Здесь идёт речь именно о таком, *христианском понимании свободной воли,* которое, вслед за Августином, отстаивал и сам Паскаль.

«Величие человеческой души, — слышим мы из глубины веков слова *Паскаля,* — заключается в том, чтобы уметь в нём держаться». Таким образом, главная тема религиозной философии *Паскаля* — это *тема антропологическая и одновременно теологическая.* Но только соединение этих двух тем в *одно целое интегрированное третье* может помочь человеку раскрыть тайну собственного бытия. Следовательно, главный религиозно-философский труд *Паскаля* был призван убедить читателя в том, что единственный возможный подход к тайне человеческой природы — это

[1] Блажен, кто смог познать причины вещей (*Вергилий. Георгики,* II, 490).

[2] Ничему не удивляться — вот едва ли не единственное, чем можно достичь блаженства и сберечь его (*Гораций. Послания,* I, VI, 1).

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

подход религиозный, по сути дела — *богочеловеческий,* а взаимосвязь Бога и человека не возможна иначе, чем посредством *откровения:*

> «Веру можно обрести тремя способами: либо с помощью разума, либо обычая, либо откровения. Христианская вера — а она исполнена разума — истинными своими чадами числит только тех, кому даровано было откровение; это не значит, что она отметает здравый разум и обычай; напротив того, человек должен здраво оценить доводы в пользу её разумности, должен найти подкрепление им в обычае, но откровение будет ему дано, если он смирился духом, затем что только смирение приносит нетронутые порчей плоды: Ne evacuetur crux Christi — Чтобы не упразднить креста Христова».

Таким образом, Блеза Паскаля можно в определённом смысле полагать предвестником *богочеловеческой антропологии* — той антропологии, которую мы развиваем в наших трудах через четыре века, отделяющие нас от времени, когда жил и творил сам Паскаль.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Белл Э.Т.* Творцы математики. Предшественники совр. математики. Пер. с англ. В.Н. Тростникова, С.Н. Киро, Н.С. Киро. — М.: Просвещение, 1979. — 256 с.
2. *Бодлер Ш.* Пропасть // Мережковский Д. С. Собр. соч. М., 2002. — С. 481.
3. *Бутру Э.* Паскаль: Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 216 с.
4. *Гарин И.И.* Пророки и поэты: Т. 5. — М.: ТЕРРА, 1994. — 640 с.
5. *Глаголев С.С.* Блез Паскаль (19 июня 1623 г. — 19 августа 1662 г.) // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 12. С. 736–758. — С. 756.
6. История математики. В трёх томах. Т. 2: Математика XVII столетия / Под ред. А.П. Юшкевича. — М.: Издательство «НАУКА», 1970.
7. *Кант И.* Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1. — М.: Наука, 2006. — 1081 с.
8. *Кашлявик К.Ю.* Поэтика порядка в «Мыслях» Паскаля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 2. — С. 349–359.
9. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство / Общ. ред., предисл. проф. Л.П. Гримака. — М.: Республика, 1996. — 398 с.
10. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. Реформаторы. Испанские мистики. — М.: Республика, 2002. — 543 с.
11. *Паскаль Б.* Мысли. Малые произведения. Письма / Б. Паскаль; Пер. с фр., вст. ст. и прим. Ю. Гинсбург. — М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2003. — 528 с.
12. *Паскаль*. Письмо к Ферма (Из Бьенасси, 10 августа 1660) // *Паскаль Б.* Мысли. Малые произведения. Письма. М., 2003. — С. 429–430.
13. *Паскаль Блез*. Мысли: Блез Паскаль: пер. Э. Линецкой. — М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2009. — 253 с.
14. *Сент-Бёф Ш.* «Мысли» Паскаля // Ш. Сент-Бёф. Литературные портреты: Критические очерки. М.: «Художественная литература», 1970. — С. 373.
15. *Стрельцова Г.Я.* Паскаль и европейская культура. — М.: Республика, 1994. — 495 с.
16. *Тарасов Б.Н.* Паскаль. — 2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1982. — 334 с., ил. — (Жизнь замеч. людей. Серия биогр. Вып. 15 (599)).
17. *Филиппов М.М.* Паскаль // Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Паскаль. Ньютон. Линней. Лобачевский. Мальтус. — Челябинск: «Урал», 1998.
18. *Чекалов К.А.* Формирование массовой литературы во Франции. XVII — первая треть XVIII века. — М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 247 с.
19. *Чернов С.В.* Образ личности гения. Искатели совершенства // Философская школа — 2017. — № 2. — С. 72–105. DOI: 10.24411/2541-7673-2017-00020
20. *Чернов С.В.* Образ личности гения. Искатели совершенства. Часть II // Философская школа — 2018. — № 4. — С. 106–132. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10420.
21. *Чернов С.В.* Образ религиозного гения-творца: Св. апостол Павел // Философская школа — 2019. — № 8. — С. 11–21. — С.106-132. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10814.
22. *Чернов С.В.* Образ личности гения. Искатели совершенства. Часть III: Авиценна // Философская школа — 2019. — № 9. — С. 87–101. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10932.
23. *Чистяков А.Н.* Мысли Паскаля и жанр апологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Литературоведение, 2008. № 39. — С. 303–308.
24. *Чистяков А.Н.* Мысли Паскаля и современная ему апологетика // Известия РПГУ им. А.И. Герцена: Литературоведение, 2009. — С. 189–195.
25. *Шестов Л.* На весах Иова. Странствие по душам. — М.: Эксмо, 2009. — 560 с.
26. *Эриксен Т.Б.* Августин. Беспокойное сердце. Перевод с норв. Л. Горлиной. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 384 с.
27. *Armstrong Karen.* The History of God. The 4000-years Quest of Judaism, Christianity and Islam. N.Y.: Ballantine Books, 1993.
28. *Douchilloux H.* Apologie et théologie dans lec Penseés de Pascal // Rev. fr. de la France et de l'etranger. 2002. — T. 182, N 1. — P. 3–19.
29. *Pascal*. Pensées ed Brunschwigg, 1897.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11106

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

Элизабета Левин

БЕЛЫЙ — БЛОК: НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ И ТРЁХ СТИХИЙ

***Аннотация. Андр**ей Белый и Александр Блок родились в том же 1880 году. История их многолетней дружбы интересовала многих литературоведов и продолжает привлекать внимание многих поклонников их литературного таланта. Не меньший интерес вызывала история любовного треугольника Блок-Менделеева-Белый, впоследствии описанная Блоком в его «Балаганчике». При этом вряд ли сами герои этой драмы стремились к тому, чтобы их любовь вспоминалась, как клубок запутанных отношений между марионеточными Коломбиной, Пьеро и Арлекином. В данной статье отдельные события в жизни героев, равно как и их взаимоотношения, рассматриваются не как самоцель, а как средство изучения темпорологии (науки о времени) и её связи с пренатальной психологией. Главная цель последующего текста, прежде всего, осознать закономерности мировых часов и вскрыть глубинные причины раздоров между людьми. Благодаря свежему взгляду на опыт прошлого, вселяется надежда на то, что мы научимся осознанно избегать многих конфликтов.*
***Ключевые слова:** Александр Блок, Андрей Белый, Любовь Менделеева, культурология, темпорология, эффект селестиальных близнецов, часы Феникса, теория эмоций, стихии, психология взаимоотношений.*

Elizabetha Levin

BELY — BLOK: BETWEEN TWO EPOCHS AND THREE ELEMENTS

***Summary.** This paper shows how temporology — a study of time — helps us to evaluate our inborn potential, to respect the differences between different people and to harmonize our relationships with them. We examine the lives of Andrei Bely and Alexander Blok who were born in 1880. Their backgrounds had much in common, they knew and appreciated each other, and both were regarded as significant Russian symbolists. One of the most painful periods in the lives of both poets was caused by a love triangle among Blok, his wife Lyubov Mendeleeva and Bely. The fascinating story of their creativity and relationships is presented through a collection of multiple biographical and autobiographical resources. Looking temporologically, we see that their stories follow archetypical patterns and their experiences and feelings are still relevant for many of us today. I hope that a new approach, proposed in this paper, will open a promising avenue of biographical research and stimulate further explorations in this exciting field of psychological inquiries.*
***Key words:** Alexander Blok, Andrei Bely, Lyubov Mendeleeva, culturology, temporology, effect of celestial twins, Phoenix Clock, theory of emotions, elements, psychology of relationships.*

А под маской было звёздно.
Александр Блок

Пролог

Одногодки, Андрей Белый (1880–1934) и Александр Блок (1880–1921), родившиеся с разницей всего лишь в один месяц, оба полагали, что родились и жили на рубеже двух эпох. Об обоих написана масса биографической и исследовательской литературы, и всё-таки тайного в их дружеском союзе осталось больше, чем явного. Тайное всегда влечёт к себе тем, что за его вуалью кроется нечто, способное стать новым, близким и понятным. Будучи понятым, тайное становится нам другом, рассеивающим страхи и помогающим осознаннее и радостнее жить. Ключевым словом для этой новой попытки заглянуть в таинство сходств и различий двух неподражаемых российских поэтов стало понятие «рубежей».

© Элизабета Левин

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Рубежи бывают разными. Рубежами могут быть границы между странами или стыки между разными историческими эпохами; могут быть границы между разными телами или между «я» и «ты». Края тел, явлений или процессов бывают чёткими или размытыми, явными или кажущимися. В свете этого, для обозначения рубежей было предложено много разных слов, таких как *край, грань, черта, предел, водораздел, межа, этап или веха*. Но будь то в литературе, философии, психологии или в точных науках, рубежи порождают один из самых загадочных вопросов: «что происходит на их стыке, в зоне соприкосновения различий»?

Этот вопрос постоянно занимал и меня. Как материаловед, я интересовалась диффузией на границе между алмазами и металлами. Став темпорологом, в науке о времени я в трёх своих книгах знакомила читателей с дополнительными типами рубежей.

В *Селестиальных близнецах* (2006) рубеж проявлялся на границе между разными сутками, когда люди, рождённые в разные дни, отличаются своими жизненными нарративами намного резче, чем люди, родившиеся в один день одного года, и названные «селестиальными близнецами» [12, 14]. В поэзии рубеж, выявляемый эффектом селестиальных близнецов, пожалуй, ближе всего освещён в стихотворении Бальмонта на мотив псалма 18:

Ночь ночи открывает знанье,
Дню ото дня передаётся речь.

В *Часах Феникса* (2013), показавших, что культурные процессы на Земле протекают синхронно с 493-летнем циклом вращений Нептуна и Плутона, рубеж проходил по границе между двумя смежными годами Феникса [13, 24]. Например, тот год Феникса, в котором мы живём сейчас, начался в период между 1885–1900 годами. Поколению, рождённому в те года, было под силу сломать многовековые традиции, ввести новые понятия и задать новые ритмы [14]. Поэтически этот рубеж воспела Анна Ахматова (1889–1966):

А Муза и глохла и слепла,
В земле истлевала зерном.
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

Ещё одна, и, пожалуй, самая удивительная разновидность рубежей, была описана мною в *Картографии эмоций* (2019). Оказалось, что в зависимости от даты рождения и того знака Зодиака, в котором тогда находилось Солнце, люди могут быть отнесены к четырём стихиям — Огню, Воздуху, Земле и Воде [15, 25]. При этом каждой стихии свойственны свои особые типы воображения, чувств и мировосприятия. Средневековый поэт и мудрец Авраам ибн Эзра (1089–1164) так писал об этом:

Из четырёх стихий
Всё сущее сотворено.
Свидетельством тому
Будут наши сердца.

Вглядываясь в свою суть, и различая в ней основные стихии, мы порой не различаем рубежей, и наши отношения с самими собой и с нашими близкими могут выйти из рамок взаимного уважения и перейти в конфронтацию с появлением линий фронта.

Совместная мозаика эти трёх взглядов на рубежи, в её ковровом переплетении со стихами, письмами и мемуарами Белого, Блока и их современников, не только поможет нам воссоздать особую мелодию небесных сфер, но и спустит нас на землю, чтобы заново открыть поэзию ежедневного существования сегодня, здесь и сейчас.

В преддверии нового года Феникса

Оба поэта — Андрей Белый (р. 26.10.1880, Скорпион, Вода) и Александр Блок (р. 28.11.1880, Стрелец, Огонь) — принадлежали к тому завершавшемуся году Феникса, который для нашего поколения уже миновал безвозвратно. Перефразируя Белого-Блока, люди уже не те, что прежде… Их общий друг, поэт Владислав Ходасевич (1886–1939), родившийся всего лишь шестью годами позже обоих, но уже в новом году Феникса, так писал об этой разнице в статье о Белом в *Некрополе*:

«Я уже не принадлежал к тому поколению, к которому принадлежал он, но я застал его поколение ещё молодым и деятельным» [20].

Поразительно, что подобную разницу «поколений» Ходасевич подмечал и между Блоком и Николаем Гумилёвым (1886–1921):

«Принадлежа к одной литературной эпохе, они были людьми разных поэтических поколений» [21].

Новый час Феникса вступал в силу между 1885 и 1900 годами, а оба «младших символиста» родились в переломный для русского символизма момент, в самом конце заключительной фазы года Феникса, на рубеже двух 493-летних эпох.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

В первой книге своих воспоминаний — *На рубеже двух столетий* — Белый так описывал эту ситуацию:

«Во многом непонятны мы, дети рубежа: мы ни ‘конец’ века, ни ‘начало’ нового, а — схватка столетий в душе; мы — ножницы меж столетьями; нас надо брать в проблеме ножниц, сознавши: ни в критериях ‘старого’, ни в критериях ‘нового’ нас не объяснишь» [8, с. 180]; «Автор стоит на рубеже двух эр; одна — миновала; другой — еще нет; и пробел неизбежно заполняем не догматами, а серией рабочих гипотез» [1, с. 46].

В «Неоконченной поэме» Блока видны те же символы рубежа, когда «ещё мерцал вечерний хаос» прошлого, но уже появлялись первые признаки будущего:

Я вижу огненные знаки
Чудес, рождённых на заре.

Чувства конца старого пути и невозможности осознать новые направления неотступно преследовали Блока. В 1908 году он писал:

«… хотим мы или не хотим, помним или забываем, — во всех нас заложено чувство болезни, тревоги, катастрофы, разрыва» [7, с. 164].

С годами чувство безысходности у Блока усиливалось, и в 1917 году оно достигло апогея:

«Нет, не надо мечтать о Золотом веке. Сжать губы и опять уйти в свои демонические сны» [17].

Чтобы лучше понять ограничения, налагаемые эпохой заключительной фазы уходящего года Феникса (1392–1885), попробуем взглянуть на них глазами уроженца нового часа Феникса, Осипа Мандельштама (1891–1938). В статье, посвящённой годовщине смерти Блока, он писал, что «в литературном отношении Блок был просвещённый консерватор». Это не означало, однако, что Блок ни в чём не был новатором, но у него не было «ни одного открытого разрыва с прошлым»; «представляя себе Блока как новатора в литературе, вспоминаешь английского лорда, с большим тактом проводящего новый билль в палате. <…> Литературная революция в рамках традиции и безупречной лояльности» [16, с. 273].

Глубокие различия поэтов, пришедших по часу своего рождения до и после наступления часа Феникса 1885 года, касались не только вопросов стиля, ритмики, тем, но и образности. Как я писала в *Часах Феникса,* большинству поэтов наступающей новой эры, таким как Цветаева, Мандельштам и Ахматова, было свойственно отождествлять себя с Фениксом. Например, Марина Цветаева (1892–1941) восклицала:

Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю — и горю до тла!
И да будет вам ночь — светла!

Напротив, поэтам конца года Феникса, таким как Эдгар По (1809–1849), был ближе образ каркающего ворона. В этом плане символично, что Блок, обращённый «ликом печальным / К иным горизонтам, / К иным временам», ассоциировал себя с теми, кто отпугивал вороньё и был лишь отблеском прошлого:

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера…
Отблеском счастия…

Белый тоже нёс в себе печать уходящего года Феникса, ассоциировавшуюся в его представлении с окаменевшим и омертвевшим Сфинксом:

«Сфинкс и Феникс борются в наших душах. И на всем, что есть произведение духа человеческого, лежит печать Феникса и Сфинкса» [2].

Начало таинства — одногодки

С раннего детства что-то неуловимое в мировом потоке связывало обоих поэтов с одинаковыми традициями. В своих *Воспоминаниях о Блоке*, Белый так напишет о загадочности и символичности их союза:

«Нам ясно казалось, что ‘миф’ нашей жизни, ‘миф’ вещий, <…> свел нас с Блоком для какой-то большой, малым разумом не осознанной цели, и мы, выражаясь словами А.А., [Блока] ‘перемигивались’, как заговорщики огромного дела» [3].

Несмотря на то, что Белый родился и жил в Москве, а Блок — в Петербурге, на протяжении всей жизни оба вращались в одних и тех же кругах. Оба с большой симпатией и теплотой вспоминают о дедушке Блока, профессоре Бекетове (Стрелец, Огонь), ректоре Петербургского университета, у которого каждый из них ребёнком любил сидеть на коленях.

Обоих первым вывел на литературную стезю издатель и писатель Михаил Сергеевич Соловьёв (Овен, Огонь). Блок вспоминал с благодарностью: «Первыми, кто обратил внимание на мои стихи со стороны, были Михаил Сергеевич и Ольга Михайловна Соловьёвы (двоюродная сестра моей матери)» [8, с. 5[. Белый, в свою

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

очередь, с большой любовью описал знакомство с Михаилом Сергеевичем в своей поэме «Первое свидание»:

Михал Сергеич Соловьёв,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь.

В мемуарах Белый добавил, что именно М.С. Соловьев придумал ему, урождённому Борису Николаевичу Бугаеву, литературный псевдоним «Андрей Белый»: «сказав ‘да’ моему творчеству, взял и под маркою ‘Скорпиона’ напечатал рукопись, о которой я и не думал, что она есть литература; сделал это он тихо, но твердо: один момент я даже ахнул, испугавшись писательского будущего; но он был непреклонен; и я стал ‘Белым’» [1, с. 346].

Для обоих юношей университетское образование (у Белого естественнонаучное, а у Блока — юридическое) было данью наследию отцов-профессоров: отец Белого, Николай Васильевич Бугаев, был профессором математики в Московском университете, а у Блока — Александр Львович Блок — профессором юриспруденции в университете Варшавы. Хотя оба поэта не продолжили заниматься тем, чему обучались в студенческие годы, оба считали, что университету они обязаны «долей научности» в своём творчестве. Оба опасались, как бы известностью своей не были обязаны профессорскому званию отцов.

Несмотря на значительное расстояние между двумя столицами, оба с детства близко общались и дружили с будущим поэтом Сергеем Михайловичем Соловьёвым (Скорпион, Вода, 1885–1942), троюродным братом Блока. Хотя Сергей был пятью годами младше Белого-Блока, он с ранних лет проявлял редкое дарование и философскую глубина чувств. Родившись в Скорпионе, так же, как и Белый, он, с одной стороны, был близок по духу ему. С другой стороны, он, подобно другому поэту, Велимиру Хлебникову (Скорпион, Вода, 1885–1922), был уроженцем нового часа Феникса. Точную дату рождения Соловьёва по новому стилю установить сложно, но ясно, что он либо был селестиальным близнецом Хлебникова, либо разница между ними сводилась к считанным дням. В этом плане важно добавить, что по воспоминания Белого, Сергей отличался поразительно ранней зрелостью, и уже в десять лет казался ему не младшим, а старшим другом. Как и Хлебников, Сергей Соловьёв и Андрей Белый славились словотворчеством, основанном на поиске новых осмысленных звукосочетаний. В биографии Хлебникова, приведённой в *Селестиальных близнецах*, я писала, что творчество — это основная характеристика Скорпиона, и символично, что новые слова для грядущей эпохи зарождались параллельно именно у поэтов, рождённых в этом знаке. Так или иначе, на раннем этапе союза между Блоком и Белым, Сергей, как посланец из будущего, служил важным связующим звеном; настолько значительным, что Сергей Соловьёв в своих воспоминаниях видел союз троих, как «прочный триумвират» [18].

Не имея многих близких друзей, с юношеских лет Белый и Блок параллельно ощущали особую душевную близость с поэтессой Зинаидой Гиппиус (Скорпион, Вода, 1869–1945). Она стала единственной «конфиденткой» Белого, поддерживавшей к тому же продолжительный и мистический эпистолярный диалог с Блоком.

Одним из наиболее значительных событий в жизни Белого и Блока стало то, что в 1903 году оба **одновременно** ощутили потребность начать переписку друг с другом. Оба видели в этом важный мистический знак. Вот как об этом писал Белый:

«Письма, по всей вероятности, встретились в Бологом, перекрестились, крестный знак писем стал символом перекрещенности наших путей, — от которой впоследствии было и больно, и радостно мне: да, пути наши с Блоком впоследствии перекрещивались по-разному; крест, меж нами лежащий, бывал то крестом побратимства, то шпаг, ударяющих друг друга: мы и боролись не раз, и обнимались не раз» [3].

Раз начатая, переписка между Белым и Блоком уже не прекращалась. Вскоре между ними возникла перекличка, нечто вроде взаимного притяжения между двумя городами. Затем последовала первая встреча, после которой Белый сразу стал ближайшим другом Блока и его духовным братом. Так началась их «братская» дружба. Продолжился обмен стихами, мыслями и планами. В 1907 году Белый, заболевая перед выступлением, писал, что при необходимости Блок без проблем мог заменить его на концерте: «коль не Белый, так — Блок; мы для публики были в те годы вполне заменимы» [4, с. 296]. Всю жизнь Белый не переставал удивляться: как бы надолго друзья не пытались расстаться, некая загадочная сила вновь сводила их вместе. В 1918 году Белый писал Блоку: «Какая

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

странная судьба. Мы вот опять перекликнулись. <…> Всё, что Ты пишешь, взмывает в душе вещие те же ноты: с этими нотами я жил в Дорнахе: *я это знаю*» [19, с. 524].

Публикация их первых поэтических сборников состоялась одновременно в 1904 году. Именно Белый написал первую хвалебную рецензию на поэзию Блока, поставив её в один ряд с Брюсовым (р. 13.12.1873, Стрелец, Огонь). Интересно здесь заметить, что Блоку нравилось, когда его сравнивали с его любимыми поэтами — Тютчевым (р. 5.12.1803, Стрелец, Огонь), Фетом (р. 5.12.1820, Стрелец, Огонь), Некрасовым (р. 10.12.1821, Стрелец, Огонь) и Полонским (р. 19.12.1819, Стрелец, Огонь).

В стихах, в письмах и в прозе Блок и Белый обращались друг к другу как к родным братьям, которых ни у одного из них никогда не было: «Родной мой и близкий брат», — писал Блок Белому; «мой истинный брат», — отвечал Блоку Белый. Была в этой братской привязанности мистическая связь, которую Блок так описал в 1907 году в письмах к Белому: «я чувствовал между нами таинственную близость, имени которой никогда не знал и не искал» [9, с. 90]; «Будь уверен, что Ты — из близких мне на свете людей — один из первых — очень близкий, таинственно и радостно близкий». Белый, в свою очередь, даже за год до смерти Блока продолжал уверять его: «я всегда ощущаю факт Твоего бытия». В *Дневниковых записях* 1921 года, сделанных сразу после смерти Блока, Белый пытался проникнуть в глубину глубин своих чувств: «’бытие’ Блока сопровождало меня всюду; я мог быть в Москве, в Петербурге, в Каире, в Дорнахе, — и всюду я знал, чувствовал, что у меня есть брат: и это был — Блок».

На рубеже двух стихий

Казалось бы, идиллия. Ну чем не селестиальные близнецы, родившиеся в один день одного года? Но если у селестиальных близнецов, как правило, девять из десяти известных небесных светил (кроме быстро движущейся Луны) расположены в тех же зодиакальных знаках [25], то у наших поэтов совпадало положение только шести светил. Помимо пяти более медленно движущихся планет, задававших ритмы мировых процессов (Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон), у Белого и Блока только Меркурий (*как мы мыслим*) стоял практически на том же градусе Скорпиона, и порой, глядя на их творчество, возникало ощущение единства потока мировой мысли.

Но были и различия, ибо при всём сходстве мышления, Солнце в Скорпионе у Белого было индикатором радикального отличия его личности от личности Блока, родившегося с Солнцем в Стрельце. Огонь и Вода — это разные стихии. Как показано в *Картографии эмоций*, поэты, рождённые в периоды, относящиеся к разным стихиям, по-разному воспринимают и по-разному отображают окружающий мир [15, 25]. У них разный набор эпитетов и метафор. Упрощённо говоря, для Огня самые важные чувства — это их энергия, желания, дух; для Воздуха — интеллект, понимание, разум; для Земли — стимулы, материальный мир, тело; для Воды — эмоции, вера, душа. Блок и Белый не были исключением. При более близком контакте двух поэтов всплывали как различия характеров и темпераментов, так и разница в их эпитетах, метафорах и способах их взаимодействия с внешним миром. Вот как эти глубинные сходства и контрасты воспринимала их общая «конфидентка» Зинаида Гиппиус (р. 20. 11. 1869, Скорпион, Вода): «Трудно представить себе два существа более противоположных, нежели Боря Бугаев и Блок. Их различие было до грубости ярко, кидалось в глаза; тайное сходство, нить, соединяющая их, не так легко угадывалась и не очень поддавалась определению» [19, с. 88].

Гиппиус поясняла, что различия между Блоком и Белым сводились к тому, что «чувствовалась иная материя, разная природа», а сходство состояло в том, что оба поэта казались «скажем прямо, людьми ‘ненормальными’» [19, с. 89].

Гиппиус с присущей ей поэтической лаконичностью рисовала текучий, как вода, портрет Белого и его: «бесконечно льющиеся водопадные речи» с жестами и «лицом вечно меняющимися». Позднее Илья Эренбург (р. 26.1.1891, Водолей, Воздух) тоже будет использовать «водные» метафоры, чтобы воссоздать портрет Белого в книге *Портреты современных поэтов*: «Он — блуждающий дух, не нашедший плоти, поток — вне берегов. … В его ритме нет ни биения сердца, ни голосов земли. Так звенят великолепные водопады высоко, там, где уже трудно дышать, где простой человеческий голос звучит, как рог архистратига, где слезы, теплые, людские мгновенно претворяются в прекрасные, блистающие, мёртвые звезды» [23].

Удивительную огненность Блока описал Андрей Белый в первый же день их встречи. Относящийся к стихии Воды Белый ожидал в своём собрате увидеть глубину мистицизма и сентиментальности. Не обнаружив её, он писал:

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

«Но — лучезарность была; он ее излучал и, если хотите, он ей *озарял разговор*; в нем самом озаренности не было, но из него расширялось какое-то световое и розовое тепло (темно-розовое порою); физиологическое и кровное; слышалась влажная почва, откуда-то проплавляемая огнем; а ‘воздуха’ — не было; физиологичность души его при отсутствии транспарантности ‘озарений’ производила страннейшее впечатление; и — подымался вопрос: ‘Чем он светится?’ Какие-то радиоактивные силы тут были (преображенности, взрыва?)» [19, с. 103].

То, что Белый описал как видение своего сердца, Корней Чуковский (р. 31.3. 1882, Овен, Огонь) изобразил чуть ли не поэмой в прозе о роли Огня в творчестве Блока:

«И единственным огнём его ночи была та, кого он называл Лучезарная. Все, что есть в природе огневого и огненного, было связано для него с её образом, а все, что не она, было тьма. Стоило ему упомянуть о ней, возникало видение огня: либо светильника, либо горящего куста, либо зари, либо маяка, либо пожара, либо звезды, либо пламени. Он часто говорил о ней, как о чём-то горящем: ‘ты горишь над высокой горою’, ‘зажгутся лучи твои’, и называл её: Ясная, озарённая, Светлая, Золотая, Ярким солнцем залитая, Заря, Купина и т. д.

Она всегда была для него не только женщина, но и световое явление. Поучительно следить, как постепенно из неясного светового пятна создается этот огненный миф. Стихи, написанные до её появления, он называл *Ante Lucera*, то есть ‘Перед появлением света’, потому что она действительно была единственный *Lux* (свет), единственное солнце его мироздания» [22].

Разница в стихийном видении мира была не случайной и мимолётной: она сопровождала Белого и Блока с самого рождения. «А вода? Миг — ясна…», — писал поэтически Белый. Отличавшийся редкой способностью воспроизводить в своей памяти картины раннего детства, Борис Николаевич Бугаев характеризовал начало жизни водными эпитетами:

«… я переживаю себя, как брошенного в **пучину**; **выплыву** на мгновенье, схвачусь за летящий на **волнах** обломок разбитого корабля; и — вновь **утопаю**» [1, с. 179].

Начало жизни Блока ассоциировалось у него с образами огня:

Луч зелёный, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Быть поэтом для Блока значило «вперяться» в темноту и «прозревать» там огонь:

Вперяясь в сумрак ночи хладной,
В нём прозревать огонь и свет —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью поэт!

Но если песни для Блока — это «**огневые** струи», то у Белого поэзия возникает из Воды: «Мои слова — жемчужный **водомёт**».

В записях Блока 1917 года есть уникальное литературное свидетельство, открывающее для него самого особенности его жизнедеятельности, поддерживаемой озарением лучей: «Иногда мне кажется, что я всё-таки могу сойти с ума. Это — когда наплывают тучи дум, прорываться начинают сквозь них какие-то особые лучи, озаряя эти тучи особым откровением каким-то. И вместе с тем подавленное и усталое тело, не теряя усталости, как-то молодеет и начинает нести, окрыляет» [8, с. 124].

Если у Блока главное — «ищу свою звезду», то Белый в письме к нему от 1911 года противопоставляет своё видение главного: «*главное — шум моря* спереди <…> Будет берег моря, будет отдых на берегу, чтобы потом начать плавание» [19, с. 398].

Для Блока главным в мировосприятии было «узреть», «провидеть» очами или вещими зеницами, что соответствует Стрельцу, с его девизом «я провижу»:

Но к цели движется поэт,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой.

Не так у Белого, рождённого в водном знаке Скорпиона: он «закрывал рукою глаза», чтобы внешнее видение не мешало ему воспринимать образ Блока, который он «читал в сердце своём». Закрывая глаза на реальные картины, Белый предпочитал «уныр» в глубины чувств и космического сознания. Следуя девизу своего знака «Я творю», он был убеждён, что «Жизнь вообще вытекает из творчества. Жизнь — часть творчества» [2]. Для Белого любой художник — это «творец вселенной», а поэзия начинается там, где «творчество поэта обращается на себя» [2].

Для Блока даже любовь ассоциируется с огнём и пламенем:

Моя любовь горит огнём порой,
Порой блестит, как звёздочка ночная,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Но вечно пламень вечный и живой
Дрожит в душе, на миг не угасая.

Для Белого, любовь видится наполненной жизненной влагой:

Любви неизреченной знанье
Во влажных, ласковых глазах;
Весны безвременной сиянье
В алмазно-зреющих слезах.

У Белого — представителя Воды — есть ответ стихии Огня в стихе, посвящённом Брюсову:

Ах, лазурью очей
я омою вас всех.
Белизною моей
успокою ваш огненный грех.

Для Блока пламенность речей — это не просто поэтический приём или метафора, это образ жизни. Признаваясь в любви своей будущей супруге, Любови Дмитриевне Менделеевой, 20 ноября 1902 года Блок писал: «У меня громадное, раздуваемое пламя в душе» [19, с. 37].

В противовес пожару в душе у Блока, для Белого, душа мира —

Вечной
тучкой несётся,
улыбкой
беспечной,
улыбкой зыбкой
смеётся.

Да и сама жизнь для Белого — это плавание по реке времени:

Река, что время:
летит — кружится…
Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

Мечтая о любви, Белый часто возвращался к образу корабля или лодки. Если лодка в порядке, то и её капитан находится в согласии с командой. Но если появляется в ней течь, то несдобровать никому. Плывя по волнам времени, Белый бросал в вечность свой призыв к истинной Любви:

Милая, где ты, —
Милая?
Руки воздеты:
Жду тебя
В струях Леты,
Смытую
Бледными Леты
Струями…

Обращаясь к своей жене Асе, Белый трогательно очень «водно» писал:

Наш серебряный путь
Зашумел временным водопадом.
Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струёй нас звенящей.

Начало и корни невнятицы и неразберихи

Порой огненные метафоры Блока становились непонятными даже искренним поклонникам его таланта.

Из очей ее крылатых
Светит мгла.

Святящаяся мгла? Для Огня, быть может, такая метафора приемлема; другим она может показаться в лучшем случае непонятной, странной. Даже в глазах Белого и Блока их многочисленные образы и сравнения остались в лучшем случае непонятными, а в худшем становились даже оскорбительными. Так случилось, когда один из поэтических огненных образов Блока («Я сам иду на твой костёр! / Сжигай меня») позволил Белому подшутить над другом в повести *Кубок метелей*:

«Вышел великий Блок и предложил сложить из ледяных сосулек **снежный костёр**. Скок да скок на **костёр** великий Блок: удивился, что **не сгорает**. Вернулся домой и скромно рассказывал: ‘Я **сгорал на снежном костре**’. На другой день всех объездил Волошин, воспевая ‘чудо св. Блока’».

Увы, хотя Белый еще ранее в письме Блоку в ноябре 1903 признавался: «Область слова есть для меня предмет ненужный» [19, с. 96], Блок не воспринял строки Белого как дружескую насмешку или лёгкую иронию. Его реакция, как и часто бывает у представителей Огня, была гневной: «Я прочел ‘Кубок Метелей’ и нашел эту книгу не только чуждой, но глубоко враждебной мне по духу». Помимо «кощунственности», эта повесть Белого оттолкнула Блока смысловой невнятностью: «…отрицаю эту симфонию, за исключением немногих мест, уже по

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

одному тому, что половины не понимаю (но и никто не понимает)» [1, с. 111].

На такой отпор Белый ответил бурным всплеском чувств: «Ввиду ‘сложности’ наших отношений я *ликвидирую* (курсив Белого) эту сложность, прерывая с Тобой отношения (кроме случайных встреч, шапошного знакомства и пр.)» [19, с. 347].

(Символично, что слово «**ликвидация»** происходит от латинского **liquidus**, означающего разжижение, текучесть…).

Подобные «недопонятости» порождали серию размолвок. Периодически друзья обижались друг на друга, но затем они всё чаще осознавали различие в объективной природе своего мышления. Белый не раз писал Блоку: «Просто я понял, что мы говорим на разных языках» [19, с. 305];

«… мы с вами с разных планет: но мне думается, что более способен понять мимику португальца, объясняющегося по-русски, чем Вас, которого так долго считал ‘близким’» [19, с. 304].

С другой стороны, порой и Блоку приходилась утешать Белого, когда того никто не понимал. В 1904 году Белый писал, как «Вскоре в Москву приезжает Блок; и я прямо, так сказать, рухнул ему в руки, с моим горем о… непонятости» [17].

Парадоксально, но вдобавок к различиям стихий, у Блока и Белого недопонимание усугублялось как раз их сходством. Рождённые на рубеже уходящего года Феникса и тщетно пытающиеся обогнать своё время, оба чувствовали себя обречёнными на косноязычие из-за отсутствия подходящих слов для полноты самовыражения. И ещё одно плачевное для обоих сходство: в дни рождения каждого из них Меркурий в Скорпионе (*как я мыслю*) находился в противостоянии к Плутону в Тельце (*необходимость трансформации*). Это противостояние традиционно считается индикатором необходимости трансформации мышления, которое как у Белого, так и у Блока было связано с символикой и образностью. Для них самих в каждый момент символика могла казаться предельно ясной, но для окружающих она таила в себе многозначность трактования и поддавалась любым манипуляциям. Например, Блок писал:

«Каждый год моей сознательной жизни резко окрашен для меня своей особенной краской» [8, с. 5]. Вполне возможно, что у него каждый цвет ассоциировался с определённым настроением или действиями. Но что читатель может понять о чувствах Блока, когда он пишет про «лиловые миры первой революции»? Только то, что Блок описывает некое настроение или событие, но у других людей те же действия или настроения могут быть связаны с иными цветами, звуками или ритмами.

Недопонимание образа мышления Блока и Белого отмечалось многими. Может, именно поэтому философ Николай Бердяев (р. 18.3. 1874, Рыбы, Вода) в 1931 году заключал: «Мне всегда казалось, что у Блока совсем не было ума, он самый не интеллектуальный из русских поэтов» [6]. Со своей стороны, Илья Эренбург комментировал: «Хорошо, что Блок пишет плохие статьи и не умеет вести интеллигентных бесед. Великому поэту надлежит быть косноязычным» [23]. Корней Чуковский добавлял, что Блок –»мастер смутной, неотчетливой речи. Никто, кроме него, не умел быть таким непонятным. Ему отлично удавались недомолвки» [22].

В одном из писем Белый писал Блоку о его стихах: «над ними стоит туман недосказанного, но они полны ‘скобок’ и двусмысленных умалчиваний, выдаваемых порой за тайны» [19, с. 180]. Это не мешало Белому позднее в отзыве о статье Блока «Катилина» восторгаться недомолвками Блока: «я прочёл в это статье не только то, что Ты сказал, но и то, что Ты не сказал: прочёл не в словах, а в ритме; и в ритме прочёл, что сейчас Ты мог бы сказать многое» [19, с. 535].

В своих *Воспоминаниях о Блоке* Белый пояснял, что оба брата-поэта «говорили всегда не о том, что — в словах, а о том, что — под словом; прочитывая шифры друг друга, мы достигали невероятного пониманья; когда не умели прочесть, между нами вставала ужасная путаница, угрожающая катастрофой» [3]. Тем не менее, Белый продолжал уверять себя и Блока, что «Во внешнем мире мы люди диаметрально противоположные; внутри же — там, там любовь у меня к Тебе» [19, с. 356].

В свою очередь, Блок сделал очень сильное признание: «я вообще никогда … не умел выражать точно своих переживаний, да у меня никогда и не было переживаний, за эти словом для меня ничего не стоит» [19, с. 181].

Позднее Блок всё сильнее стал ощущать, что они с Белым «разного духа». Более того, он пояснял: «Мы с Вами и письменно и устно объяснялись в любви друг другу, но делали это по-разному — и даже в этом не понимали друг друга» [9, с. 91].

Их разрывы и обиды долго не продлевались, и контакты Белого и Блока всегда возобновились, но «невнятица», «непонимание» усугубились со временем тем, что оба поэта были влюблены в Любовь Дмитриевну Блок (Козерог, Земля, 1881–1939). Оба были готовы драться за неё на дуэли, и оба были несчастны в этой любви.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

«Необъясниха» — так назвал Андрей Белый главу в книге *Между двух революций*, где он вспоминал о подробностях и кульминации той любовной драмы.

На рубеже трёх стихий

Введение стихии Земли во взаимоотношения между триумвиратом «Белый-Блок-Соловьёв» привело к тому, что их «недопонимания» переросли в настоящие коллизии стихий. Оглядываясь назад, в 1919 году Блок вспоминал о зарождении той любви, «о которой и после моей смерти прочтут в моих книгах» [8, с. 163]. Поэт окрашивал эту любовь пламенными тонами идеализации себя и своей возлюбленной:

«… я носил в себе великое пламя любви, созданной из тех же простых элементов, но получившей новое содержание, новый смысл от того, что носителями этой любви были Любовь Дмитриевна и я — ‘люди необыкновенные’» [8, с. 163].

Действительно, история любовного треугольника Блок-Менделеева-Белый, впоследствии описанная Блоком в его «Балаганчике», продолжает привлекать интерес многих. Но вряд ли Блок изначально стремился к тому, чтобы его любовь вспоминалась, как клубок запутанных отношений между марионеточными Коломбиной, Пьеро и Арлекином. Он хотел сказочных неземных отношений между «необычными людьми», но реальность законов взаимодействия разных стихий не соответствовала его намерениям.

Как и предполагалось ранее в *Картографии эмоций*, все участники этой драмы, родившиеся в разных стихиях, разных «элементах», видели и чувствовали её по-разному [15]. Огонь энергично и пламенно стремился к достижению своих идеалов; Вода погружалась в глубины чувств, моральных и религиозных ценностей; Земля пассивно воспринимала знаки внимания; Воздух продолжал логично рассуждать обо всём. При первом же серьёзном столкновении стихий эмоции начали зашкаливать, а дружеские связи — разрываться. Первым выпал из триумвирата Сергей Соловьёв (Вода). Он, как и Белый, был неравнодушен к Любе и не смог выдержать накала страстей, разыгравшихся вокруг неё. С Белым у Соловьёва сохранились добрые отношения на всю жизнь, но с Блоком его душевная близость не выдержала испытания временем. После видимого примирения с Блоком, Соловьёв в своих воспоминаниях так описывал эту ситуацию: «Но прежней нашей дружбе не суждено было воскреснуть. **Мы продолжали смотреть в разные стороны**. Встречи наши были ласковы, дружелюбны, но внешни» [18].

Любовный треугольник Алесандр Блок — Любовь Блок — Андрей Белый привлекал внимание многих писателей. Об этом столько написано, что, казалось, к этому добавить больше нечего. Я не стану здесь повторять детали этой любовной драмы, потому что не она сама важна для взгляда темпорологии, а именно те коллизии, что происходили и продолжают происходить на стыках разных стихий. Все, что описано далее — это не столько любовный сюжет, сколько стихийный этюд. Путеводной звездой этого этюда станут слова Блока, с которыми он обратился к Белому в 1907 году, чтобы выявить суть их ссор и конфликтов:

«С первых же писем, как я сейчас думаю, стараясь определить суть дела, сказалось различие наших *темпераментов*, и странное несоответствие между нами — роковое, я бы сказал» [9, с. 90].

«Но думаю, что и в расхождении надо сохранить друг о друге то знание, которое дали нам опыт и жизнь» [9, с. 94].

Цель последующего текста, прежде всего, вскрыть причины «невнятицы», чтобы не пропал опыт прошлого, и чтобы в наши времена больше влюблённых и друзей осознанно учились принимать и уважать ключевые понятия близких им людей.

В отличие от Белого и Блока, чьи внутренние переживания, отражённые в стихах и прозе, давно уже стали доступными для широкой аудитории, тихий голос Любови Дмитриевны Блок ещё долго оставался неслышимым в потоке биографической информации. Её автобиография *И были, и небылицы о Блоке и о себе,* написанная в 1929 году, не издавалась на протяжении многих десятилетий [10]. Стихия Земли продолжала оставаться пассивной, хранящей покорное молчание и реагирующей только на внешние стимулы. Символично, что такое молчание соответствовало и самооценке Любы, описанной ею в письме к своей свекрови в 1907 году:

«…я называю себя ‘обречённой’, живу без воли своей, без хотений, а ведёт меня моя дорога, и я спокойно жду тех этапов, куда приведёт…» [19, с. 329].

В последующих отрывках я постараюсь осветить закономерности отношений в треугольнике, говоря словами самих действующих лиц и близких им людей, цитируя их воспоминания и переписку. Помимо основных мемуарных текстов всех участников этой драмы, я ссылаюсь на их письма, приведённые в замечательной биографической подборке Игоря Талалаевского *Коломбина, Пьеро, Арлекин… Любовь Блок, Александр Блок и Андрей Белый* [19].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Начну с того, что перед тем, как выйти замуж за Блока, Люба (Козерог, Земля) мучительно осознавала разницу в их отношениях к любви. В январе 1903 года она писала жениху: «твоя любовь, как и вся твоя жизнь, для искусства, чтобы творить, сказать своё ‘да’; я для тебя — средство, средство для достижения высшего смысла твоей жизни. Для меня же цель, смысл жизни, все — ты. Вот разница» [19, с. 51].

Земная Люба была, действительно, иной по характеру, чем женщины семьи Бекетовых и чем большинство поэтов из окружения Блока. В воспоминаниях ближайшего друга Блока, Евгения Иванова, родившегося в Стрельце, как и Блок, появляется яркое описание членов семьи Бекетовых [11]. Без понимания стихий или познания астрологии, Иванов, как будто приводил основные характеристики стихий, описанных в *Картографии эмоций*. Открывает эту портретную галерею первый биограф Блока, его тётя, Мария Бекетова (Водолей, Воздух):

«Мария Андреевна — философ, рассудительный. Рассуждение и рассудок — основа её, без рассудка ей беда» [19, с. 175].

В отличие от неё, мать Блока, Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух, или Аля (Рыбы, Вода):

«Александра Андреевна — мистик духовный (и лицо у неё мистической сектантки), она всё постигает не рассудком душевным, а в духе ‘ударно’, в моментах, ‘ударах’ вдохновения, без духа ей беда» [19, с. 175].

И в довершение, молодая жена Блока, Люба (Козерог, Земля):

«В Любови земля молчала, как молчит она на заре, и земля в ней была глубока, как заря… Земля тогда была в Любе со всеми, невыраженными ещё силами земными, и земля, молча ждала ‘счастья’, как ‘царства обетованного’, которое принесёт ей жених, как муж» [19, с. 119].

Стоит ли удивляться тому, как воспринимала свою новую, ничем, по её мнению, не интересующуюся, родственницу, тётушка Мария Бекетова:

«Нет ни кротости, ни терпения, ни тишины, ни способности жертвовать. Лень, своеволие, упрямство, неласковость. — Аля прибавляет — скудость и заурядность; я боюсь даже ей сказать, уж не пошлость ли все эти ‘хочу’, ‘вот ещё’ и сладкие пирожки» [19, с. 95].

С годами антагонизм усиливался, и в 1906 году Мария добавляла о Любе: «И недобрая она, и жестокая, ух-какая…»; «недобрая и грубая. Ничего моего не понимает» [19, с. 253].

Мать Блока, рождённая в Воде, с годами тоже давала более чёткое определение своих отношений с невесткой. В 1911 году она писала Евгению Иванову: «Наши отношения с Любой или, вернее, её отношение ко мне — это *убийственно*е в моей жизни. Стою на этом определении. Оно точное» [19, с. 386].

Через год Александра Андреевна (Рыбы, Вода) не менее чётко давала Иванову определение своего сына: «Саша живёт страстями и духом. Это было с самых малых лет. Чувство — это ему было чуждо всегда. Судите, как хотите, отвернитесь от него, но не собирайте смоков с терновника» [19, с. 420].

В своих воспоминаниях Любовь Блок представила свою точку зрения. До встречи с Блоком она только начала расцветать как юная девушка, впервые осознающая привлекательность и красоту своего тела. Рожденная в Козероге, как и Мандельштам, она как бы спрашивала:

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

Стихов Люба не писала, но, читая её поэтические описания своего студенческого периода, невольно вспоминаешь сцену утра из балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» с Галиной Улановой (Козерог, Земля) в главной роли. В этой сцене мать подводит совсем ещё юную Джульетту, не помышлявшую о замужестве, к зеркалу, и девочка с удивлением замечает, что она уже не ребёнок, а молодая красивая женщина. А вот как Люба запомнила период формирования своего тела в процессе взросления:

«… жизнь во мне просыпалась. Я ощущала свое проснувшееся молодое тело. <…> Я проводила часы перед зеркалом. Иногда, поздно вечером, когда уже все спали, а я всё ещё засиделась у туалета, на все лады причёсывая или рассыпая волосы, я брала свое бальное платье, надевала его прямо на голое тело и шла в гостиную к большим зеркалам. Закрывала все двери, зажигала большую люстру, позировала перед зеркалами и досадовала, зачем нельзя так показаться на балу. Потом сбрасывала и платье и долго, долго любовалась собой. Я не была ни спортсменкой, ни деловой женщиной; я была нежной, холеной старинной девушкой. Белизна кожи, не спалённая никаким загаром, сохраняла бархатистость и матовость. Нетренированные мускулы были нежны и гибки. <…> Я была очень хороша, я помню, несмотря на далеко не выполненный ‘канон’ античного сложения» [10, с. 31–32].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

При этом, по словам Любы, ей, как и многим молодым людям тех лет, негде и не у кого было получить минимальную информацию о физиологии интимности. Все, что касалось стихии Земли, выходило за рамки приличий прошлого года Феникса. Люба не была исключением: «Я до идиотизма ничего не понимала в любовных делах. Тем более не могла я разобраться в сложной и не вполне простой любовной психологии такого не обыденного мужа, как Саша» [19, с. 203].

Проблема общения Любы с Блоком возникла с первых дней их знакомства. Она — земная женщина — искала лелеянья своего телесного образа и самовыражения в земных объятиях. Он — огненный мужчина — искал идеал неземной Девы, которой должно поклоняться, но которую нельзя «унижать» земными ласками. В своих воспоминаниях Любовь Дмитриевна осознавала, что Блок предложил ей жить в мире мечтаний:

«… у нас сразу же, с первого года нашей общей жизни, началась какая-то игра, мы для наших чувств нашли ‘маски’, окружили себя выдуманными, но совсем живыми для нас существами, наш язык стал совсем условный» [10, с. 86].

Как полагали многие, и как намекала сама Люба, брак между нею и Блоком по большей части, оставался платоническим: «Конечно, не муж и не жена. О Господи! Какой он муж и какая уж это была жена!» [19, с. 203].

«Моя жизнь с ‘мужем’ (!) весной 1906 года была уже совсем расшатанной. Короткая вспышка чувственного его увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро, в первые же два месяца, погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения». «Отвергнута, не будучи еще женой, на корню убита основная вера всякой полюбившей впервые девушки в незыблемость, единственность» [19, с. 203].

Положение усложнялось тем, что Блок, поклоняясь Любе, продолжал удовлетворять то, что он считал своими низшими потребностями, покупая интимную близость за деньги у других. Слухи об этом дошли и до Белого, который питал к Любе самые возвышенные чувства. Всё в нём протестовало против такого отношения к возлюбленной, и он всеми силами души пытался вложить в неё свою душу и пробудить в ней полноту чувств живой женщины. Люба вспоминала:

«В этом отношении и был прав А. Белый, который разрывался от отчаяния, находя в наших отношениях с Сашей ‘ложь’. Но он ошибался, думая, что и я, и Саша упорствуем в своем ‘браке’ из приличия, из трусости и невесть еще из чего. Конечно, он был прав, что только он любит и ценит меня, живую женщину, что только он окружит эту меня тем обожанием, которого женщина ждет и хочет» [19, с. 203].

Оглядываясь назад, Люба признавалась себе в том, что глубина чувств (Вода) Белого помогла ей признать право своей стихии Земли на существование:

«До тех пор я была во всем покорной ученицей Саши; если я думала и чувствовала не так, как он, — я была не права. Но тут вся беда была в том, что равный Саше (так все считали в то время) полюбил меня той самой любовью, о которой я тосковала, которую ждала, которую считала своей стихией <…> Значит, вовсе это не ‘низший’ мир, значит, вовсе не ‘астартизм’, не ‘тёмное’, недостойное меня, как старался убедить меня Саша. Любит так, со всем самозабвением страсти — Андрей Белый, который был в те времена авторитет и для Саши, которого мы всей семьей глубоко уважали, признавая тонкость его чувств и верность в их анализе» [19, с. 234].

Полюбив Любу, Белый всеми фибрами души хотел сделать её счастливой, а сделать это можно было, лишь возвратив ей уважение к её земной природе. Это произошло спонтанно, когда, оставшись наедине, оба с трудом могли сдерживать обуревавшие их порывы:

«Мой мир, моя стихия, куда Саша не хотел возвращаться, — о как уже давно и как недолго им отдавшись! Все время ощущая нелепость, немыслимость, невозможность, я взгляда отвести уже не могла. И с этих пор пошёл кавардак. Я была взбудоражена не менее Бори. Не успевали мы оставаться одни, как никакой уже преграды не стояло между нами и мы беспомощно и жадно не могли оторваться от долгих и неутоляющих поцелуев» [10, с. 54].

В те дни Белый поверил Любе, что Блок ей фактически не муж, что они не живут как муж и жена, а его она любит «братски». Белый хотел полноты любви и предлагал жениться на Любе после её развода с Блоком. Люба же изначально не собиралась покидать Блока, да и не могла противостоять его огненной энергии. В Белом она находила поддержку, но в нём ей не хватало физического, плотского начала. Она предлагала ему продолжать отношения, живя с Блоками в *ménage à trois*. Разрываемая сомнениями между Блоком и Белым, в те мучительные дни разворачивавшейся любовной драмы Люба признавалась Иванову:

«… не могу понять стихи, не могу многое понять, о чем он [Блок] говорит, мне это чуждо. Я любила Сашу всегда с некоторым страхом.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

В нём детскость была родна, и в этом мы сблизились, но не было последнего сближения душ, понимания с полслова, половина души не сходилась с его половиной. Я не могла дать ему постоянного покоя, мира. Всё, что давала ему, давала уют житейский [Земля], а он может быть вреден. Может, я убивала в нём его же творчество. Быть может, мы друг другу стали не нужны, а вредны друг другу» [19, с. 216].

Это не мешало Любе писать Белому в те же дни 1906 года: «Ты для меня что-то большое, радостное, радостное и светлое» [19, с. 223]. С одной стороны, она отчаянно нуждалась в подпитке радости, которую могла получать от щедро одарённого чувствами «водного» Белого. С другой стороны, Люба по-настоящему пугалась того, что Белый хотел в ней пробудить не только Земную реальную женщину, но и взамен получить от неё тепло сердечности во всей полноте чувств. Этого Люба не могла и не хотела ему дать. В момент кризиса Люба выбрала путь превратного использования девиза своего земного знака «Козерога»: вместо вопроса «как я могу быть полезной другим», она искала возможности «как использовать других в своих целях». Если перед свадьбой с Блоком она опасалась, что служит ему лишь «средством» в его стремлении к славе, то теперь она сама использовала Белого как **средство** для повышения самооценки:

«Отношение моё к Боре было бесчеловечно, в этом я должна сознаться. Я не жалела его ничуть, раз отшатнувшись. Я стремилась устроить жизнь, **как мне нужно, как удобней.** … Но я не думала о том, что всё же виновата перед Борей, что своё кокетство, свою эгоистическую игру я завела слишком далеко, что он-то продолжает любить, что я ответственна за это… Я думала только о том, как бы избавиться от уже **ненужной** мне любви, и без жалости, без всякой деликатности просто запрещала ему приезд в Петербург. Теперь я вижу, что сама доводила его до эксцессов, тогда я считала себя вправе так поступать, раз я-то уже свободна от влюблённости» [10, с. 57].

Постепенно Люба добавляла в треугольные отношения своё ощущение любви. Различия между стихиями только усугублялись, и в сентябре 1906 года Люба усиливала их в очередном письме к Белому: «Ни Вы меня, ни я Вас не понимаем больше…» [19, с. 250].

Любу больше не удовлетворяла возвышенная любовь Белого; она требовала от него полного изменения его личности. Условие Любы для возобновления дружеских контактов с Белым выглядят неимоверными со всех точек зрения:

«Надо для этого, чтобы теперешний, распущенный, скорпионовский до хулиганства, Андрей Белый совершенно исчез и пришел кто-то новый…». В её прямом практическом подходе слова не важны: «Оправдайте себя — не словами, а делом». Более того: «Помните, я всегда готова повторить, что уже сказала раз: или изменитесь, или умрите…» [19, с. 250].

Символично, что, не изучая астрологию, Люба называет Белого «скорпионовским». Она относилась, скорее всего, к журналу «Скорпион», но в подходе символизма это не умаляло силы символики, тем более что традиционно основным уроком Скорпиона является как раз потребность в трансформации и изменении.

Такое поведение Любы лишало Белого душевного равновесия. Доходя порой до грани безумия, он отчаянно нуждался в том, чтобы Блок вдохнул новый огонь в их запутанные отношения и помог разрубить этот гордиев узел. Чувствуя себя беспомощным и «обездушенным», за помощью Белый обращался именно к Блоку: «Ведь душа-то моя в руках у Любы. Ведь она мне душу не вернула», — писал он другу [19, с. 224].

На фоне рвущихся связей между «поэтами-братьями» возникали проблемы и в отношениях между Белым и родственницами Блока. Важно отметить, что и эти отношения следовали своим архетипальным нарративам. Мария Бекетова (Воздух), как бесстрастный наблюдатель, отмечала в дневниках перемены в отношении Блоков к Белому: «Люба в восторге от интересного приключения, ни малейшей жалости к Боре нет. **Интересно** то, что Сашура относится к нему с **презрением**, Аля (Вода) с **антипатией**, Люба с насмешкой и ни у кого не осталось прежнего… Вот, однако, до чего довела Люба свою тщеславную и опасную игру в дружбу и сродство душ с отчаянно влюбленным молодым поэтом. Гибели его она не боится, она ей не страшна» [19, с. 238].

После серии размолвок (или недомолвок), после того как Белый угрожал убийствами и самоубийствами, посылал вызов на дуэль Блоку, а Блок вызывал на дуэль Белого, Белый поражался тому, что для Блока любовь — это вовсе не то, что для него самого (а следовательно, по его привычной логике, и для всех других «нормальных» людей!):

«Право, я удивляюсь, что Ты меня не понимаешь. Ведь понять меня вовсе нетрудно: для этого нужно только *быть человеком* и действительно знать, а не на словах только и не в литературе, *что такое Любовь*» [19, с. 242].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Белый продолжал с азартом убеждать, что он готов пояснить Блоку по пунктам о Любви то, что было бы понятно любому *живому* человеку, хоть раз испытавшему *настоящую* любовь. Он также не понимал, как люди, считающие себя утончёнными, могут не иметь ни капли сочувствия к ближнему.

Мотивируя своё желание драться с Блоком на дуэли, Белый делал далеко идущее заявление: «Прости, прости, прости меня: я никогда не питал зла лично к тебе, а только к силам, которые иногда, мне казалось, становились у тебя за плечами и действовали непроизвольно против святыни моей души» [19, с. 245].

Таким образом Блок становился для Белого лишь символом, а не живым человеком со своими слабостями и достоинствами. Он не понимал, что невозможно убивать в человеке его «составные части», не раня при этом его самого. Ранее Блок отказывался смириться с земным образом своей реальной жены:

А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

А теперь Белый продолжал **творить** в своём воображении идеальный образ некоего универсального «живого» человека в Блоке. Ранее в «Балаганчике» Блок утверждал невозможность изменения своей природы:

Иду, покорен участи строгой,
О, вейся, плащ, огневой проводник!

Теперь Люба требовала полного перерождения от Белого. Но Белому уже не хватало Земной любви Любы. Любовь его влекла постольку, поскольку на ней лежал озаряющий отблеск её мужа, Блока. После того, как отношения между супругами вошли в русло «свободного брака», когда оба партнера параллельно имели любовников, Любовь Дмитриевна всё меньше походила на прежние мечты Белого о задушевном друге и любящей жене.

Мария Бекетова в 1907 году так комментировала новое поведение Любы после того, как у Блока начался роман с актрисой Натальей Волоховой, а Люба решилась на любовную связь с женатым писателем Григорием Чулковым (Водолей, Воздух):

«Да, она не киснет, не унывает, не жалуется, не тоскует и т. д. Она мажорная. Это без сомнения сила, но это не сила любви, идеи и пр. Это сила здоровья и жизни только. Я думаю так. По-моему, этого мало» [19, с. 284].

На фоне этих перемен Белый по-новому взглянул на когда-то боготворимую им Прекрасную Деву. Он убедился в том, что «суть непонятного» в ней в том, что она «понимания не требует: все слишком просто, обиднейшее просто увиделось в ней». Опомнившись от наваждения, Белый в конце концов рассмотрел Земную природу Любы и с разочарованием бросил ей в лицо самое «правдивое» (в его понимании) определение: «Кукла!» [4, с. 299].

Сама же Любовь Дмитриевна с юных лет мечтала, чтобы жизнь дала ей повод отблагодарить своё тело и восхититься им. Ни Блок, ни Белый не давали ей в полной мере такой возможности. Блок вообще отшатывался от земной любви, как от чего-то тёмного. Белый, в поисках настоящей глубины чувств относился к телу, как к чему-то преходящему:

На нас тела, как клочья песни спетой…
В небытие
Свисает где-то мертвенной планетой
Всё существо моё.

Любовь Дмитриевна же боготворила само тело. Радость его приятия пришла ей позже, с одним из артистов из её драматической труппы, в котором «жило то же благоговение перед красотой тела и страсть его была экстатична и самозабвенна». Вот как она сама описывает эти сцены:

«В несколько движений я сбросила с себя всё и распустила блистательный плащ золотых волос, всегда лёгких, волнистых и холёных. <…> Я протянулась на фоне этой снежной белизны и знала, что я могу не бояться грубого, прямого света, падающего с потолка, что нежная и тонкая, ослепительная кожа может не искать полумрака… « [10, с. 62].

«Это безмолвное обожание, восторг, кольцо чар, отбросившее, как реальная сила — этот момент лучшее, что было в моей жизни. Никогда я не знала большей ‘полноты бытия’, большего слияния с красотой, с мирозданием. Я была я, какой о себе мечтала, какой только и надеялась когда-то быть» [10, с. 63].

Но и этот момент прошел, канул в Лету. Поклоняясь красоте своего тела, Люба ещё до брака с Блоком пояснила ему, что отказывается иметь детей. Когда же она узнала, что ненароком забеременела после той замечательной ночи Любви, то намеревалась избавиться от ребёнка. Когда врачи отказались делать ей аборт, она ощутила обречённость:

«С отвращением смотрела я, как уродуется тело, как грубеют маленькие груди, как растягивается кожа живота. Я не находила в душе ни одного

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

уголка, которым могла бы полюбить гибель своей красоты. Каким-то поверхностным покорством готовилась к встрече ребёнка, готовила всё, как всякая настоящая мать. Даже душу как-то приспособила» [10, с. 66].

В 1909 году эта механическая попытка Любы «приспособить душу и тело» закончилась трагедией тяжёлых родов и смертью новорожденного. Больше детей у неё не было. С годами Любовь Дмитриевна понимала, что требовала от своих поклонников, чтобы они полностью отражали и понимали только её уникальный внутренний мир; чтобы они думали, мечтали и хотели вместо неё, но так, как это было угодно или «нужно» только ей самой. Такого не могло быть, и она недоумевала:

«Неужели бывают люди одинаковые, понимающие друг друга во всем и живущие общей жизнью с головы до пят? Неужели бывает это счастье? Я его не знала. С каждым была только одна какая-нибудь область общая, понятная. Даже потом среди просто ‘любовников’: со всяким по-разному и только одна общая струна» [10, с. 63].

Коллизии стихий продолжались, и Земной мир Любы всё меньше соответствовал пламенным идеалам и желаниям Блока. В 1910 году, в порыве отчаяния он был готов обвинить Любу во всех своих бедах. Насколько безгранично пламенно он возвышал её в своих ранних письмах к ней, настолько безжалостно он жёг её огнём своих обвинений:

«Люба довела маму до болезни. Люба отогнала от меня людей. Люба создала всю невыносимую сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. Люба выталкивает от себя и от меня всех лучших людей, в том числе — мою мать, то есть мою совесть. Люба, как только она коснётся жизни, становится сейчас же таким дурным человеком, как её отец, мать и братья. <…> Люба на земле — страшное послание для того, чтобы мучить и уничтожать ценности земные. Но 1898–1902 годы сделали то, что я не могу с ней расстаться и люблю её» [19, с. 370].

Эпилог

Размышляя над превратностями их судеб, Блок в одном из писем к Белому доходил до сути конфликтов:

«Мы с вами и письменно и устно объяснялись в любви друг другу, **но делали это по-разному** — **и даже в этом не понимали друг друга**» [9, с. 91].

Белый позднее приходил к грустному заключению:

«Вины не было там, где искал я; вина в том, что трудные переживанья мистерии человеческих отношений свалились совсем неожиданно; невоплотимые без духовной работы <…> отношения опрокинулись: в безобразие долгих, гнетущих, кошмарами дышащих дней, даже месяцев; где же мудрые, вещие руководители знаний? Они — опоздали: они не пришли, допустивши надрыв в этой пламенной жизни» [3].

В 1911 году Блок предлагал Белому своё видение их драмы:

«Можно сказать, что человеческого почти и не было между нами; было или нечеловечески несказанное, или не по-людски ужасное, страшное, иногда — уродливое. Теперь всё меняется для нас обоих <…> *Сходились* не по-человечески, *сходно* переживали этот долгий и странный поединок души и духа, сходно окончившийся (частичным) поражением души, должны выйти из ночи — *чудесно разные*, как подобает *человеку*» [9, с. 159].

На том можно было бы поставить точку, но тогда мир бы выглядел безысходным, и конфликты между стихиями повторялись бы из поколения в поколение. Действительно, для поколений прошлого года Феникса значительная часть законов времени и природы стихий оставалась вне поля зрения. Но если нам они уже доступны, сумеем ли мы избежать новых «балаганчиков»? Научимся ли мы уважать и принимать особенности других времён и стихий, или будем продолжать конфронтацию со всеми, кто находится по другую сторону рубежей?

Ответы, предлагаемые в новом году Феникса, приходят из области новой науки, называемой пренатальной психологией. Предтечей этой науки стал Андрей Белый: он одним из первых писателей сделал особое ударение на значимость раннего детства и чувств обоих родителей к будущему ребёнку ещё до его зачатия. Во времена Белого его идеи казались мистическими и непонятными. Сегодня они постепенно входят в основное русло научных исследований [26]. С такой точки зрения, чтобы не оставаться в роли «марионеток», желательно искать корни «генов» поведения наших героев в их раннем детстве и в истории семейств их родителей. Андрей Белый сумел вызвать сочувствие многих читателей, описав трагизм своего детства в автобиографических повестях *Котик Летаев* и *Петербург*. В отличие от Белого, детство Блока всё еще завуалировано привычной для его семьи «белой ложью». В реальности оно было вовсе не безоблачным, как его пыталась представить семья поэта. Рассказ о том, как Блок с рождения

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

рос «унылым» ребёнком, страдающим от частых нервных расстройств матери и лишённым контактов с отцом, ещё когда-нибудь будет написан. Здесь я ограничусь лишь моментом «прозрения» мамы Блока, когда в 1920 году она вдруг поняла новую истину о сыне и о роли родителей:

«Новое открытие: дело не в том, чтобы он меня любил, а чтобы я — мама — его любила!» [19, с. 543].

С этого момента она пыталась исправить всё, что на протяжении долгих лет делала не так. Говоря о в письме к М.П. Ивановой о переменах, мать Блока поясняла:

«Это смирение не для улучшения отношений, а только во избежание вечного крика и ссор в доме, ради покоя тех, кого мы с Вами любим! Вы напрасно думаете, что моё 'смирение' помогает. Люба ненавидит и презирает меня яро, но я молчу и не даю ей повода к сценам. <…> Я думаю, я чувствую, что мне это всё — наказание за все обиды, которые терпели от меня близкие» [19, с. 545].

В письме 2 ноября 1920 года к своей сестре Марии Бекетовой она была более чёткой: «Хвалить нас не за что. Тяжёлые мы все трое и все обидчики. Да и мало ли, чего дурного и темного в нас троих. Ты издали идеализируешь нас, а вот пожила бы с нами — не поздоровилось бы» [19, с. 546]. Последний год жизни Блока, отравленный постоянными ссорами между его женой и матерью, показал, что одних добрый намерений матери не хватало, чтобы исправить ситуацию, складывавшуюся на протяжении долгих лет. Всё, что могла сказать мать после смерти Блока, было: «Я безмерно и непоправимо виновата перед Сашей» [19, с. 565].

После смерти Блока, Любовь Дмитриевна в своих воспоминаниях тоже глубоко сожалела о своих прежних ошибках:

«… я впервые вижу, как напрасно я смирила и умалила свою мысль перед миром идей Блока, перед его методами и его подходом к жизни. Иначе быть не могло, конечно! В огне его духа, осветившего мне все с такою несоизмеримой со мною силой, я потеряла самоуправление. Я верила в Блока и не верила в себя, потеряла себя. Это было малодушие, теперь я вижу. Теперь, когда я что-нибудь нахожу в своей душе, в своем уме, что мне нравится самой, я прежде всего горестно восклицаю: 'Зачем не могу я отдать это Саше!'» [10, с. 9].

Но не только об этом жалела Любовь Дмитриевна. Обретая уважение к своей стихии Земли, она оставалась далека от приятия права на существование других стихий. В итоге, приняв себя за «норму», она объявила иных людей попросту «ненормальными»:

«Несомненно, вся семья Блока и он были не вполне нормальны — я это поняла слишком поздно, только после смерти их всех» [10, с. 80].

Самой далёкой и непонятной для Любы оставалась стихия Воды с её пугающей иррациональностью чувств Александры Андреевны:

«Если бы знать, если бы понимать, что имеешь дело с почти сумасшедшей, во всяком случае, с почти невменяемой, можно было бы просто пропустить всё мимо ушей и смотреть как на пустое место. Но Саша принимал свою мать всерьёз, и я за ним тоже. Насколько это было ошибочно, покажут будущему внимательному исследователю её письма. Горя эта ошибка принесла и Саше, и мне очень много. И для меня большое облегчение, что я могу сложить с себя обязанность судить этот восемнадцатилетний спор между нами тремя. Я предпочитаю передать его ученикам Фрейда» [10, с. 83].

Любовь Дмитриевна решила, как и прежде, уйти от необходимости самопознания. В своих воспоминаниях Мария Бекетова рассудочно «воздушно» подводила итог:

«Для выяснения положения вещей мне придется указать еще на один факт, игравший важную роль в жизни Ал. Ал. Между его матерью и женой не было согласия. Разность их натур и устремлений, борьба противоположных влияний, которые обе они на него оказывали, создавала вечный конфликт между ними <…> конфликт между ними был сложный и мучительно отзывался на поэте, который, любя обеих, страдал от невозможности примирить противоречия их натур <…> В сложном узле причин, повлиявших на развитие его болезни, была и эта мучительная язва его души. Теперь, когда его уже нет среди нас, вражда понемногу растаяла, и на место ее выступает мудрое понимание и сознание своих ошибок» [5].

Былого не изменить. Но мы можем сегодня осознать, что каждый из нас рождается с определённым соотношением стихий. Нам не дано «понимать» или «переживать» в точности те «чувства», которые испытывают наши близкие. Нам также не дано «перекроить» их на свой лад. Но мы можем изучать и осознавать природу стихий, времён и рубежей. Мы также можем сделать полезные выводы из заключения Александры Андреевны Блок: «Судите, как хотите <…> но не собирайте смокв с терновника».

Опыт прошлого не должен пропасть, и из страданий «балаганчика» на рубежах эпох и стихий ещё могут в будущем вырасти гармоничные отношения между разными людьми.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Андрей Белый.* На рубеже двух столетий. — М.: Художественная литература, 1989.
2. *Андрей Белый.* Феникс // Арабески. Книга статей. — М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. *Андрей Белый.* Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. — М.: «Республика», 1995.
3. *Андрей Белый.* Между двух революций. — М.: Художественная литература, 1990.
4. *Бекетова М.А.* Из дневника. — М.: «Правда», 1990.
5. *Бердяев Н.А.* В защиту Блока // *Путь,* № 26, 1931, с. 109–113.
6. *Блок А.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 5. Очерки, статьи, речи — М.: Гослитиздат, 1962.
7. *Блок А.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 7. Дневники — М.: Гослитиздат, 1962.
8. *Блок А.А.* Собрание сочинений в девяти томах. Том 8. Письма 1898-1921 — М.: Гослитиздат, 1962.
9. *Блок Л.Д.* И быль и небылицы о Блоке и о себе. — Бремен: Кафка-Пресс, 1979.
10. *Иванов Е.П.* Воспоминания об Александре Блоке. — Код доступа URL: http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/ivanov-vospominaniya-o-bloke.htm
11. *Левин Э.* Селестиальные близнецы. — М.: Амрита-Русь, 2006.
12. *Левин Э.* Часы Феникса. — Иерусалим: Млечный путь, 2013; — М.: Avvalon-LoScarabeo, 2015.
13. *Левин Э.* Селестиальные близнецы у истоков музыки в кино // Философская школа. 2018. № 4. С. 51–58. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10414.
14. *Левин. Э.* Картография эмоций. — Тамбов — Москва — С.-Петербург — Баку — Вена — Гамбург — Стокгольм — Буаке — Варна: Изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2019.
15. *Мандельштам О.* Барсучья нора // Собрание сочинений в трёх томах. Том 2. Изд-во Международное литературное содружество, 1971.
16. *Новиков В.И.* Александр Блок. ЖЗЛ. — М.: Молодая гвардия, 2012.
17. *Соловьёв С.М.* Воспоминания об Александре Блоке. — Код доступа URL: //http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/sovremenniki-1/solovev-vospominaniya.htm
18. *Талалаевский И.* Коломбина, Пьеро, Арлекин… Любовь Блок — Александр Блок — Андрей Белый. — СПб.: Алетейа, 2011.
19. *Ходасевич В.Ф.* Андрей Белый // *Некрополь*. — Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939.
20. *Ходасевич В.Ф.* Гумилёв и Блок // *Некрополь*. — Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939.
21. *Чуковский К.И.* А.А. Блок как человек // Критические рассказы. Часть III.
22. *Эренбург И.Г.* Александр Блок // Портреты современных поэтов. — М.: «Первина», 1923.
23. *Elizabetha Levin.* Time, Elements and the Phoenix Hour in Lives *and* Poetry of Nobel Laureates and their Celestial Twins // Science, Technology, Society and International Nobel Movement. Proceedings of the XIth International Meeting-Conference for Nobel Prize Winners and Nobelists. October 2017. — Tambov-Moscow-St.-Petersbug-Baku-Vienna-Hamburg-Stockholm-Buake-Varna-Tashkent: Nobelistics INIC Publishing House, 2017, pp. 27–47.
24. *Elizabetha Levin.* Time, Elements and Emotions: Temporological Aspects of Prenatal Psychology // International Journal of Prenatal & Life Sciences, Vol. 3, No.3, 2019. DOI: 10.24946/IJPLS.20.19.00.00.181109.
25. *Elizabetha Levin.* Exploring the Mother-Father-Child Triad: A Fresh Insight on the Roots of Latent Violence // To be published by — Athens: Cosmoanelixis, 2020.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11107
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ШКОЛА ТВОРЧЕСТВА

Н. Г. Герасимов

СИНЕРГИЯ СОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. *Настоящая работа рассказывает о наиболее значимом и важном Научно-просветительном Проекте, который запущен и реализуется Институтом Непрерывного Профессионального Образования в 2020 году — открытие Школы Творчества в Подольске. Символично, что Школа Творчества была открыта и начала свою деятельность в канун десятилетнего юбилея со дня создания Института НПО, а именно — в феврале 2020 года. Поэтому настоящая статья посвящена этой знаменательной дате. Статья рассказывает об открытии профессором С. В. Черновым Школы Творчества в стенах Федерального музея профессионального образования в городе Подольске Московской области. Началу работы Школы предшествовал авторский цикл публичных лекций профессора под названием «Тайна гения — тайна человека: парадоксы гениальности», отзывы о котором были опубликованы в предыдущем выпуске журнала (Философская школа — 2019. — № 9. — с. 103–126 [1–3]). Таким образом, многолетние исследования позволили автору (проф. Чернову) не только раскрыть ключевые вопросы зарождения, происхождения, становления гениальности с яркими примерами и убедительными доказательствами в цикле лекций, но и создать общность, платформу, на почве которой любой желающий сможет проявить свою творческость и «волю к гениальности». Настоящая статья расскажет о содержательной стороне занятий и о впечатлениях от участия в созидательно-творческих встречах Школы Творчества.*

Ключевые слова: *С. В. Чернов, цикл лекций, Школа Творчества, творческость, вдохновение, коллектив, синергия, единение, диалог, искренность, концепция воспитания человека-созидателя.*

N. G. Gerasimov

SYNERGY OF COMPETITION

Summary*. This work talks about the most significant and important Scientific and Educational Project launched and implemented by the Institute of Continuing Professional Education in 2020 — the opening of the School of Creativity in Podolsk. It is symbolic that the School of Creativity was opened and began its activities on the eve of the tenth anniversary of the founding of the Institute, namely, in February 2020. Therefore, this article is dedicated to this significant date. The article tells about the opening of School of Creativity by Professor S. V. Chernov within the walls of the Federal Museum of Professional Education in the city of Podolsk, Moscow Region. The beginning of the work of the School was preceded by the author's cycle of public lectures by the professor entitled "The Secret of Genius — The Secret of Man: The Paradoxes of Genius", reviews of which were published in the previous issue of the journal (Philosophy School — 2019. — No. 9. — p.103–126). Thus, many years of research allowed the author (Prof. Chernov) not only to reveal the key issues of the origin, formation of genius with vivid examples and convincing evidence in the lecture cycle, but also to create a community, a platform on the basis of which anyone can show their creativity and «the will to genius.» This article will tell you about the content side of the classes and about the impressions of participating in creative meetings of the School of Creativity.*

Key words*: S. V. Chernov, lecture cycle, School of Creativity, creativity, inspiration, team, synergy, unity, dialogue, sincerity, concept of educating the person-creator.*

© Н.Г. Герасимов

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11108
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Творящий бедности не знает.
Далёкий от мирских щедрот,
Добычею богатств не занят,
Он из души их достаёт.

Л. Болеславский

В последний зимний день, 29 февраля 2020 года в стенах музея-усадьбы «Ивановское» города Подольска была проведена первая встреча Школы Творчества, учреждённой профессором Сергеем Васильевичем Черновым при поддержке руководства и коллектива музея-усадьбы. Это очень символично. Будто Школа является вестником новой весны, расцвета и обновления.

До известных вынужденных ограничений общественных мероприятий в связи со сложной эпидемической обстановкой, Школа Творчества провела всего две встречи, но я, как их активный участник, уже могу уверенно заявить — Школа Творчества является поистине уникальной в своём роде.

Школа Творчества появилась недавно, но имеет свою историю. Во многом она является органичным продолжением авторского цикла открытых лекций профессора С. В. Чернова «Тайна гения — тайна человека: парадоксы гениальности». У меня даже есть основания полагать, что Сергей Васильевич принял окончательное решение о необходимости учреждения Школы в том числе и потому, что многие слушатели лекций, несмотря на убедительные аргументы лектора, так и продолжали высказывать сомнения в том, что все мы от природы наделены возможностью творить, что творческость заложена в каждом из нас и нужно лишь проявить волю к её развитию, высвобождению.

Вот как описал базовую концепцию Школы Творчества сам её основатель.

«Школа Творчества объединяет людей заинтересованных в личностном духовном росте и оказании содействия в этом всем своим ближним, желающим приобщиться к этому процессу.

Деятельность Школы Творчества направлена на воспитание человека-созидателя, на развитие его творческих, нравственных и провиденциальных качеств и опирается в этом на универсальные идеи благого, возвышенного, прекрасного и следует указанным ниже принципиальным положениям:

- воспитывать и развивать в себе и других человека-созидателя;
- активизировать творческий потенциал — свой и своих ближних, изъявивших к этому личную тягу и осознавших соответствующую необходимость;
- учиться творчеству на достойных подражания примерах — на примере людей, являющих собой вершинную меру провиденциальности, нравственности и творческости;
- учиться самому и учить других;
- учиться творчески мыслить;
- осваивать науку и практику нравственного и духовного роста;
- постигать и осуществлять в своей жизни и деятельности принципы творческого созидания;
- разрабатывать и реализовывать программы творческого роста и нравственного совершенствования;
- проектировать, организовывать и проводить творческие сессии, творческие встречи, уроки творчества, творческие практикумы, тренинги духовного роста, творческие мастер-классы и другие мероприятия, соответствующие настоящей концепции».

Профессором также были озвучены и основные принципы, что также внесло важнейший вклад в атмосферу деятельности Школы с самого её начала. Вот они.

Принцип партнёрского общения. Партнёрским является такое общение, при котором учитываются интересы участников взаимодействия, а также их эмоции, чувства и переживания, признаётся ценность личности другого человека. Мы ***уважаем, желаем добра, с любовью относимся*** к другому человеку.

Принцип сотрудничества предполагает, что мы ***учимся и трудимся*** вместе и одновременно с другим человеком, другими людьми. При этом мы ***не конкурируем,*** а ***помогаем*** друг другу, ***не отторгаем,*** а ***ценим*** друг друга, ***не критикуем,*** а ***принимаем*** предложения друг друга.

Принцип созидательной творческой активности. Три отличительных признака созидательной творческой деятельности: 1) создание нового, оригинального, когда из небытия рождается бытие; 2) творчество — это всегда созидательная деятельность; само происхождение этого слова происходит от слов «творец», «творение», «порождение»; 3) в ходе творческого акта всегда создаётся ***благое, возвышенное*** и ***прекрасное***. Если деятельность человека сводится к производству деструктивного, низкого и безобразного — это не творчество, а разрушение, снижение порядка бытия [4, 5].

Уже сама концепция с её высокими принципами и устремлениями интригует! Рассказав об идейном фундаменте Школы, нельзя не перейти от предыстории и анонсированных стремлений к непосредственным впечатлениям.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11108

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

В первую очередь я бы хотел сказать о создателе, сердце Школы Творчества — это профессор Сергей Васильевич Чернов. Благодаря ему она была создана и начала свою работу. Ранее я посещал множество курсов, семинаров, лекций. В наш век цифровизированной паутины какие только сказки не расскажут вам рекламные щиты и электронный почтовый ящик. Но личность Сергея Васильевича стоит особняком. Такая культура речи, такой умелый педагогический подход, способность так искусно вызвать живой интерес в участниках встречи и расположить их к открытому диалогу — это яркое отличие профессора С. В. Чернова. Он действительно педагог от Бога, каких мало, а значит и направления концепции не кажутся уже такими сложными и недостижимыми.

Конечно, это стало возможным при безусловной и искренней поддержке руководства и коллектива музея. Особенно приятно и показательно, что сотрудники музея не ограничились предоставлением помещений и решением организационных вопросов, но и лично участвовали во всех без исключения творческих занятиях Школы. А ведь в музее работают передовики фронта сохранения культурного наследия нашего города и области. Видеть их среди постоянных участников — это высокая оценка.

Кстати говоря, не первоочередным, но важным преимуществом Школы является идея организации учебного пространства в музее-усадьбе «Ивановское». Это место известно любому жителю города и в этих стенах проводится множество интереснейших культурно-массовых мероприятий городского и областного уровня. В случае со Школой Творчества это имеет особое значение. Расположен музей в очень живописном месте на высоком берегу реки Пахры, имеет свою уединённую территорию. Величественная постройка, строгость русского классицизма отличают архитектурный стиль усадьбы. Двести лет назад «Ивановское» славилось балами и театральными представлениями. Как заметил писатель того времени Болеслав Маркевич: «Вся Москва съезжалась сюда». Представьте: поднявшись по широкой белокаменной лестнице, вы попадаете из вестибюля в просторный двухсветный парадный зал. Он оформлен в классическом стиле и отличается строгой симметрией и торжественностью. Вокруг, характерное для классицизма, оформление потолка зала и комнат в технике декоративной росписи «гризайль». И именно в этом зале, именуемом каминным, проходила уже вторая встреча Школы Творчества, что создавало у участников интересные в своём сочетании ощущения торжественности и таинства творчества.

Читателю может показаться, что Школа Творчества должна иметь какой-то строгий отбор для включения в свои ряды и внушительную стоимость обучения, как это бывает в элитных учебных заведениях. Но укорить в этом Школу нельзя, так как её двери открыты для любого желающего, независимо от пола, возраста и любых других критериев. Никаких жёстких требований к участникам нет. При этом сами занятия, что окончательно удивительно и кому-то может даже показаться подозрительным — абсолютно бесплатны. Единственным условием является желание участвовать в регулярных, проходящих два раза в месяц встречах с удобной и продуктивной продолжительностью около двух часов, включая один перерыв.

Придя в Школу Творчества однажды, уже не захочется её покидать. Удивительное чувство единения, искренняя радость открытого диалога участников и необычные задания, которые моментально включают воображение и, несмотря на кажущуюся простоту, заставляют глубоко задуматься. Например, на первой встрече участников Школы Сергей Васильевич предложил всем познакомиться, но очень оригинальным способом. Нужно было назвать своё имя, причём именно так, как человеку хотелось бы, чтобы его называли. Затем необходимо было назвать три свои черты, но которые обязательно начинаются на первую букву имени. И повторить имена и черты двух предыдущих участников. Сам я представился Никитой и назвал, кажется, следующие качества: неординарный, напористый, независимый. Интересный способ знакомства, не правда ли? Казалось бы, всё просто. Но получается моментальное сплочение людей в весьма дружной и весёлой обстановке. Конечно, мне повезло, с приставкой «не» легко было что-то придумать. Если же к нам в Школу придёт Йоган, ему придётся попотеть!

Но далеко не только оригинальные, весёлые, сплачивающие группу вопросы и задания станут причиной любви к Школе Творчества. Каждая встреча проходит совершенно без спешки и суеты, в очень комфортном ритме и какой-то удивительно располагающей, дружеской, тёплой атмосфере взаимоуважения, принятия и поддержки. Обычно занятия проходят в кругу, в котором все чувствуют себя равными, на одной волне. Спокойный ритм даёт возможность вдумчивого анализа, сосредоточения на задании, что способствует проявлению творческости наряду с процессом самопознания и узнавания других. Первыми могут говорить те, кто посмелее, но это окончательно располагает к ответной открытости всех остальных.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11108
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Этакое творчество и диалог с открытым забралом! И Сергей Васильевич делает всё, чтобы этот диалог состоялся, чтобы он не прекращался на протяжении всего времени встречи, что очень ценно!

На этой важной характеристике Школы Творчества хотелось бы остановиться отдельно. Анализируя две прошедшие встречи, мне вспомнились школьные и институтские годы с их многочисленными поездками в лагеря, на слёты активов. Во время этих поездок я часто сталкивался с лагерным ритуалом — «вечерняя свечка» или просто «свечка». Это когда весь отряд собирается в круг в небольшой комнате, в центре которой горит свеча. Каждый должен рассказать о своих впечатлениях, поделиться радостью или тревогой. Обсудить всё честно и открыто. И вся обстановка к этому располагает. Согласно правилам слово передается по кругу от одного к другому. Каждого внимательно слушают не перебивая. И вот я будто вернулся на несколько лет назад, в подмосковный лагерь «Мечта», в круг первой в моей жизни «свечки». Говорил я одним из последних. Признался, что под впечатлением от этого «ритуала», поблагодарил всех за проведённое вместе время, рассказал о своих впечатлениях и искренне пожелал, чтобы подобная свечка проходила как можно чаще, а не только в ночь перед отъездом по домам. Это потрясающе сблизило всех, мы узнали друг друга по-новому за буквально один час. Обиды забылись, но чувство единства и дружбы запомнилось навсегда.

И вот тот самый огромный плюс Школы Творчества — постоянная возможность и даже необходимость говорить, а значит выражать себя, открываться перед другими, чем располагать их к взаимному доверию и открытости, а значит и смелости творить. Стоит отметить, что получать обратную связь в виде отзывов, оценки ощущений и чувств Сергей Васильевич просит почти после каждого упражнения и обязательно в конце каждого занятия. Возможно, это во многом и определяет комфорт и открытость участников Школы, их желание прийти вновь. Обе встречи Школы я как бы вновь переносился в лагерь к горящей свече, снова наблюдая пример потрясающего педагогического уровня и умения сплотить коллектив, сделав из него дружную, слаженную, сильную команду.

Стоит отдать должное и всем участникам Школы. Их тактичность вне всяких похвал. Если один человек берёт слово, то он может рассчитывать на внимание слушателей и отсутствие критики. А ведь именно это, как правило, пугает не привыкших держать слово перед большим количеством людей. Во многом этому способствовали названные концепция и принципы Школы Творчества.

Единственное, что вызывает тревогу — это возможное резкое увеличение количества участников Школы. Позволит ли оно сохранить все те плюсы, о которых говорилось выше, не столько по причинам субъективным, в виде нежелания новых членов соблюдать сложившиеся правила взаимоуважения и поддерживать располагающую атмосферу, сколько по объективным причинам невозможности выслушать десятки людей в рамках одного упражнения? Конечно, можно сократить количество упражнений и заданий, но это неизбежно снизит эффективность в целом. На мой взгляд, это основной проблемный вопрос, который рано или поздно потребует решения.

Было бы несправедливым указать в настоящей статье лишь свои впечатления о деятельности Школы Творчества, минуя мнения иных участников.

> «Занятие Школы Творчества проходило в Каминном зале, наполненном необыкновенной атмосферой, аурой тех лет, завораживающей и вдохновляющей на интересную, творческую и созидательную деятельность. Программа, которую осваивают участники, является авторской и проводится под руководством профессора Сергея Васильевича Чернова. Особенностью каждой встречи является загадка того, что нас ждёт: какие формы работы, упражнения, техники применит автор, поскольку при построении структуры каждого занятия применяется индивидуальный подход. Что ещё меня привлекает? Так это тренинговая форма работы, предполагающая частую смену содержания и формы заданий, в ходе которых мы узнаём лучше членов нашего коллектива, и самих себя начинаем видеть в новом ракурсе, что имеет большое значение в самопознании. Перед нами открываются те стороны и аспекты личности, которые ранее нами не осознавались и не выходили во вне из-за имеющихся психологических блоков. На занятиях же через проективные, ассоциативные, творческие методики мы можем взглянуть совершенно иначе на, казалось бы, совершенно привычные вещи и явления.
>
> Мне, как и всем участникам, понравилась коллективная работа в подгруппах, в ходе которой мы составляли рассказ об исполнении самых заветных желаний и, что самое ценное и важное — в ходе творческой работы каждая из подгрупп пришла к единому мнению и пожелания всех участников группы были учтены. В результате получились

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11108

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

интересные, наполненные смыслами и добротой рассказы. Наша подгруппа пришла к очень ценному выводу, что для реализации идей важна поддержка и друзья, которые верят, что всё получится и всегда будут рядом. Также мы размышляли над тем, какую бы мы хотели освоить профессиональную роль, чтобы работа могла удовлетворять весь спектр личностных интересов, давала возможности для личностного и профессионального роста, дарила положительные эмоции и светлые чувства. Самое ценное — это дружеская и тёплая атмосфера: атмосфера сотрудничества, партнёрства и уважения друг к другу!»

Олечка Сухарева

«Впечатлений много и все они очень позитивные. Неожиданно легко сложилась группа из 12 участников, несмотря на разный возраст, профессии, жизненные интересы и личные ожидания, с которыми пришли на первую встречу в Школу каждый из прежде совсем незнакомых людей. Профессор Чернов, без особых раздумий, если можно так сказать, сразу же вовлёк нас в работу, начав с представления друг другу. Мы знакомились весьма оригинальным образом — с позиции личной оценки понимания своей творческости, рассказывая о своих творческих интересах и о том, что хотелось бы в будущем в себе развить. Собственно, с этого уже и начался тренинг «Активизация творческого потенциала».

На протяжении двух необычных по времяпровождению часов мы свободно общались (согласитесь, драгоценная в наши дни возможность!) и я бы сформулировала даже так — мы сближались, раскрывая публично те мысли и чувства, которые вот так сразу, при первом же знакомстве, каждый из нас, возможно, и не высказал бы в другой обстановке. И что удивительно, в этом, как оказалось, азартном раскрытии своих творческих интересов участники не только узнавали друг о друге много интересного, но и в самих себе открывали что-то новое. Мы рисовали, играли, размышляли, разумеется, с поставленной Мастером интересной задачей. В общем, всего не опишешь. Посмотрите на фото — на наших лицах светится искреннее удовольствие!»

Ольга Почекина,
зав. Методическим отделом музея

Итак, что же такое Школа Творчества? Мне сразу вспоминается слово, определение которого в технической литературе наиболее полно отражает его суть. Синерги́я (греч. Συνεργία, от греч. Syn — вместе, ergos — действующий, действие) суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы.

«Творчество — общее дело, творимое уединёнными», — писала М. Цветаева. В таком случае синергия сотворчества — общее дело, творимое учениками Школы профессора С. В. Чернова.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11108
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Герасимов Н.Г.* Генезис гениальности // Философская школа — 2019. — № 11. — С. 103–109. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10934.
2. *Дудин С.В., Почекина О.Г., Чекръкчиева Н.Г.* Это светлое имя — Гений // Философская школа — 2019. — № 11. — С. 110–117. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10935.
3. *Мосолов Р.В.* Расколдовывание мира гениальности // Философская школа — 2019. — № 11. — С. 118–127. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10936.
4. *Чернов С.В.* О творческом назначении человека // Философия и культура — 2011. — № 1(37). — С. 41–49.
5. *Чернов С.В.* Инновационный тренинг: технология решения корпоративных бизнес-задач // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. Выпуск четвёртый (№ 4/2014). — М.: Издательство Института НПО, 2014. С. 84–102.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11108

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ФИЛОСОФСКИЕ ВСТРЕЧИ

А. А. Воронин

ВОЛЯ К МЫСЛИ

Аннотация. *12 апреля 1930 года родился Феликс Трофимович Михайлов — выдающийся отечественный философ, академик РАО, доктор философских наук. Мы публикуем воспоминания о нём его коллеги, в которых акцент сделан на деятельности философа, психолога и педагога в Институте философии РАН.*
Ключевые слова: *философия сознания, гуманитарное знание, аксиоматика теории, мировоззрение, креативность самосознания.*

A. A. Voronin

THE WILL TO MIND

Summary*. On April 12, 1930, Felix Trofimovich Mikhailov was born-an outstanding Russian philosopher, academician of RAO, doctor of philosophy. We publish memoirs about him by his colleagues, which focus on the activities of the philosopher, psychologist and teacher at the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences.*
Key words*: philosophy of consciousness, humanitarian knowledge, axiomatics of theory, worldview, creativity of self-consciousness*

Воспоминания — странная штука. Вспоминаются эпизоды, слова, жесты, — эмпирические события. Семинары, рыбалка, как ездили в Прагу, дача, выступление на конференции… Но сразу же вслед за ними следуют вещи совсем не фактуального свойства, которым первые — событийные припоминания — дают толчок и развитие. Видимо, память так устроена, что в ней много того, что было в фактах скрыто, не было явлено прямо, и что понимается и даже примысливается спустя годы и годы. Но не затемняет, а просветляет образы прошлого. Становясь от этого важным компонентом настоящего. Так что воспоминания — это не история, где не должно быть субъективизма и эмоций, а некое единство событий, размышлений, эмоций и — точности и правдивости пера. А можно сказать, и его полётности.

Мне сегодня вспоминается наше знакомство с Феликсом Трофимовичем уже не само по себе — это уже давно освоенный материал моей памяти. Начинают высвечиваться обстоятельства и смысловые контексты этого знакомства, которое пришлось на середину 80-х гг. Время очень непростое и для нас, участников событий, и для Института философии, где мы встретились, и для страны в целом. Мне иногда даже кажется, что можно провести вполне оправданную типологическую аналогию между событиями внутри Института и в стране в целом. Институт философии — уникальное учреждение. Собранные там люди, профессионально подготовленные и просто умные, с опытом авторской и педагогической работы, были поставлены волей обстоятельств в двусмысленную позицию. Идеологические рамки были очень жесткие, и способы удержания этих рамок были тоже им под стать. И приходилось при каждом удобном и неудобном случае демонстрировать полный комфорт пребывания в ментальной клетке. Поэтому сложились несколько основных стратегий поведения. Первая — осознанное подчинение идеологическому насилию, принятие «правил игры», строгая вахта на незыблемых рубежах марксизма, обозначенных начальством. Вторая — попытка наладить жизнь внутри флажков, демонстрируя правильное ритуальное поведение при сохранении, как тогда говорили, «фиги в кармане». Этой стратегии придерживалось большинство сотрудников. Иными словами, первый и последний абзацы

© А.А. Воронин

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

в статьях и книгах были вполне верноподданнические, а посередине шел профессиональный текст, к идеологии никакого отношения не имевший. К этой же стратегии относились дисциплинарные эмиграции — в логику, историю философии, методологию науки и т. д. Кстати, часть наших коллег умудрялась убедить себя, что в принципе внутри флажков можно чувствовать себя очень комфортно, то есть насильное заточение переосмысливалось как добровольный выбор. И наконец, были ученые, которые более или менее открыто занимали позицию «фронды», игнорировали ритуалы правоверности и занимались своими исследованиями без оглядки на идеологическую греховность. Понятно, что таких были единицы.

Так вот аналогия, о которой я говорил, состоит в том, что приблизительно такая же типология была характерна и для всего нашего общества. Однако отличие заключалось в том, что в Институте скорее и более явственно прорисовывалась динамика, смена вех. Внутри очень неоднородного коллектива Института брожения и кристаллизации были рельефнее, заметнее и осмысленнее, чем в обществе — если судить о нем по прессе и личному опыту. Мне кажется, что структурные идеологические сдвиги в обществе повторяли, шли в след, определялись метаморфозами Института. Уже в самом начале 80-х гг. на семинарах, в курилке, просто при встречах и разговорах слышались имена, совершенно неизвестные за порогом института. Обсуждались книги, концепции, направления мысли — как зарубежной, так и отечественной, но по каким-то соображениям запертые до поры в спецхранах. Раскрепощение мышления было тесно связано с профессионально работой, но шло дальше, охватывая проблематику, далеко отстоявшую от профессиональных интересов. Постепенно гас пафос внутренней цензуры. Вместе с ним росла толерантность к инакомыслию. Ритуальные танцы становились предметом шуток, сарказма, издевок. Но внутренняя свобода не приходила сразу и целиком, без проблем и болезненных ломок. В стране этот период начался попозже, пресса и даже научные издания еще удерживали — по инерции или по распоряжению государственных идеологов, — видимость канонической чистоты. Такие издания, как «Московские новости», сборники «Иного не дано» и похожие — выходили уже к концу десятилетия и считались жутко смелыми и революционными. Так и в институте, сотрудники с душевным трепетом, но с огромной благодарностью, с поддержкой и явной солидарностью прислушивались к свободной философской речи, к профессиональным изысканиям, к опытам освоения всё новых и новых пространств мысли. Не все были готовы резко изменить годами складывавшиеся навыки работы. Я помню, что был период, когда некоторые сотрудники — вполне успешные, остепененные, с достаточным набором публикаций, выступлений — ушли из Института, — кто в ВУЗы, кто в бизнес, а кто и — был такой случай — в дворники и туалетные работники. В знак протеста, а может быть и потому, что стали мало платить за работу или вовсе не платить месяцами.

Феликс Трофимович Михайлов сыграл заметную роль в изменении атмосферы Института. Не только в плановых достижениях, но и во внеплановых эффектах. До Института Феликс был знаменитым заведующим легендарной кафедры. Во 2-м Меде, кафедры философии. Там собрался мощный коллектив — рядом с ним работали Марк Борисович Туровский, Тамара Борисовна Длугач, Л. С. Черняк, Е. В. Шумилова, В. В. Сильвестров, Л. К. Арсенкина, Т. В. Томко, и др. Так вот многие студенты медики, прослушав курс философии, потом поступали в аспирантуру по философии — настолько увлекательно и глубоко было их знакомство с философией. Тон задавал Феликс — он читал лекции по утвержденной тематике, но это всегда были импровизации на заданные темы, с обширными экскурсами в историю философии, литературы, историю медицины, психологии и педагогики. Блестящие лекции молодого заведующего кафедрой превратились в цикл телевизионных передач, и я хорошо помню, как завороженно и не отрываясь смотрел их по ТВ. В это время и сложился авторский стиль лекций — свободный полет мысли, при этом строгая композиция и логика, но совершенно неудержимая фантазия, когда речь шла о примерах или аналитических построениях. Лекции для Феликса были способом исследовательской работы, он продумывал и проговаривал многие темы и решения, которые потом превращались в тексты. А публикации были очень разнообразны по тематике — от истории психологии и педагогики до эпистемологии и философии самосознания. Кстати, библиография (не полная, к сожалению) приведена в книге «Философия, психология и педагогика Ф. Т. Михайлова». Но не забывал Феликс и о просветительском пафосе своих лекций — он умел их выстроить и увлекательно, и понятно, и глубоко и в нужные моменты умел поднять тон, артистично подать текст, завершить лекцию на такой ноте, после которой долгие и продолжительные аплодисменты были само собой разумеющейся реакцией аудитории.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Через некоторое время после того, как Ф. Т. Михайлов перешел в Институт философии (1984 г.), у нас проходила крупная конференция по проблеме мировоззрения. Феликс Трофимович был хорошо известным специалистом по проблемам сознания, личности и истории философии, и ему предложили выступить с развернутым докладом. Директором Института тогда был Смирнов Георгий Лукич, академик, тоже известный специалист по истмату, выпустивший книгу «Советский человек» [5]. Он делал основной доклад, а Михайлов — содоклад. Дело было году в 1985–86, команды на гласность и новое мышление еще не поступало, и первый доклад был выдержан в правильной тональности и с правильными выводами: мировоззрение должно быть научным, то есть марксистским, новая историческая общность — советский народ является носителем и субъектом этого мировоззрения. Ну и с добавлением в хорошо известный идеологический бульон некоторых специй в духе времени. Кстати, Г. Л. Смирнов был прогрессивным человеком, активно искал новизну и достоверность в своих теоретических построениях, не был слишком зацикленным на демонстрации верности партийной версии марксизма. За что его уважали коллеги.

Г. Л. Смирнов все правильно объяснил в обстоятельном докладе, а в содокладе Феликс Трофимович все запутал, ничего не отверг, но все поменял местами и на место незыблемых основ водрузил динамичную креативность, а на место гармонии — противоречивость. При этом, если отношения личности и общества изначально противоречивы, то снимается это противоречие вовсе не в правильном мировоззрении, а в трактовке самосознания как причины самого себя. Нет, и не может быть, у самосознания внешних причин. Суть мышления как раз в том, что оно причина самого себя. И вслед за Л. С. Выготским Михайлов приходит к выводу: творчество есть единство реально-идеального и телесно-культурного развития и мышления, и психики, и самосознания[1].

Поставил в затруднительное положение слушателей, ясное дело. Но не всех. Находчивые коллеги указали тов. Михайлову, что тут никакого противоречия нет, а есть диалектика. С чем он мудро согласился. Он ведь прекрасно понимал, что команда «вольно!» не дает человеку воли, свободы и достоинства. Он просто может чуть-чуть расслабиться, согнуть одно колено и выпустить лишний воздух из груди. Свобода по команде не выдается, не рождается и даже не воспитывается. В этом была принципиальная позиция Ф. Т. Михайлова, которая с разных сторон обдумывалась и аргументировалась им в течение всей жизни. Но, поскольку личность человека — это его собственное произведение, его дело и его подвиг — выходило, что это заодно еще и дело ответственное. Ты отвечаешь за себя, за свои поступки и за свое бездействие, за слова и за молчание, за мысли и за безмыслие. Так вопрос перед сотрудниками — и перед каждым отдельно — никто не ставил, и было одновременно жутковато и радостно, и у многих коллег такой поворот и впрямь был поворотным. Оказывается, можно так легко, так обоснованно и так смело, вслух, не стесняясь и не боясь, проговаривать до сих пор глубоко запрятанные догадки, подсознательные стремления, — то есть можно публичное, профессиональное пространство мысли раздвинуть на огромные дистанции, в которых проблематика чести, достоинства, самости — то, что вышло на первый план и профессионального, и личностного общения, — занимает важнейшее место. Важно не только то, что вслух говорится. И не то, что подразумевается. Важно еще и то, что речи влекут за собой — и из чего они извлекаются, из каких глубин социального бессознательного, вместе с подсознательным. В данном случае — как и доклад ФТМ, и его позиция, и его персона, — влияли на обстановку — идейную, психологическую, мировоззренческую, и даже бытийно-экзистенциальную. Ведь слушали его профессиональные философы, находившиеся тогда в очень непростом состоянии ломки. Ломки очень многих обстоятельств жизни.

Помнится, кстати, общение тогда четко делилось на формальное и неформальное, на вынужденно демонстративное, и на дружески откровенное. Причем второй тип общения находил себе контекст и антураж либо в курилке на 4 этаже, либо за рюмочкой в стекляшке напротив. А после таких докладов опять всё смешалось — соединились оба типа общения, и не скажу, что были подорваны традиции спиритуозного (в обоих смыслах) дискурса, но тематические границы начинали рушиться. Это тоже не случайное post hoc ergo propter hoc. Тут случайностей не бывает. И еще одно кстати — с упразднением «института» курилки стали ослабевать и дружеские связи и посиделки, коллеги стали реже ходить в гости друг к другу, вместе отдыхать в отпусках, ездить гостевать на дачи. Так что курение (при социализме) не убивало, а поддерживало жизнь — по крайней мере общественную.

В это же приблизительно время Феликс Трофимович защитил докторскую [3]. Не без приключений, кстати. Защита уже началась, и вдруг

[1] См. более позднюю публикацию на эту тему: «В поисках causa sui сознания и самосознания» [2].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

выяснилось, что не собрался кворум на Ученом Совете, и Б. А. Грушин — единственный, у кого была машина — понесся за нужным членом УС, а в это время В. П. Зинченко травил анекдоты, занимая трибуну оппонента. Ограничений по времени не было, и паузу он заполнил к удовольствию всех присутствующих.

У Феликса Трофимовича были тесно связаны личная, жизненная позиция и теоретическая платформа. Его бескомпромиссная война с эмпиризмом и в философии, и в психологии и медицине логично и естественно вытекала из кредо — быть выше обстоятельств, переделывать и переосмысливать мир, не идти на поводу у «реального положения дел». Тупая доказательность обыденности — вот что никогда не устраивало Феликса. Очевидность, эмпирия, то, что есть на самом деле, и тянущийся вслед за ними конформизм — это были красные тряпки для него. А в теории — позитивизм для Михайлова был синонимом «адаптации» человека к условиям жизни. А Михайлов не согласен был адаптироваться сам, и считать адаптацию основой теории происхождения человека и его сознания. Главное — творчество, а не приспособление.

Разборки с опытом были очень экстравагантны. Вот, например, отрывки из его доклада на круглом столе по философии образования 14 октября 1998 г. «В истории ни одной теории не возникало в опыте. Теория возникает тогда, когда предмет деятельности (он имел в виду и деятельность познания — *А.В.*) отрывается от опыта, когда он противоречит опыту. Должен возникнуть особый способ оперирования свойствами предмета, т.е. по существу — мыслительный объект. Он и является предметом теории… Философия не обобщает того, что наработано эмпирией — опытом или эмпирической наукой — всё равно. У нее особый предмет, свои задачи. Она рефлексирует всеобщие формы мышления… Она помогает родиться проблеме, стоит на пороге незнания. Грань, где незнание имеет продуктивную функцию — это область философии» [1].

Все тематическое и дисциплинарное многообразие творчества Ф. Т Михайлова всегда, как мне сейчас кажется, было подчинено одной общей сверхзадаче. Построению логики — или хотя бы ее основ — гуманитарного знания. Дисциплинарное деление наук о человеке и его мышлении, о теле и духе, о страстях и эмоциях, психике и сознании, и т.п. — казались Михайлову исторически случайной слепотой эмпирического понимания познания. Он, возможно вслед за Туровским и Библером, мечтал о Единой Логике, об аксиоматике, о едином основании, которое как камертон задавало бы безошибочное направление дедукций гуманитаристики. Такую попытку он предпринял на склоне лет, поняв, что отступать, медлить с реализацией своего эпохального замысла ему не позволит болезнь.

Постулаты общего человековедения — один из последних «проектов», как сейчас говорят, Ф. Т. Михайлова. Аксиоматика антропологии. Пересмотр оснований наук о человеке с позиций единства теоретической, — а в понимании Ф. Т. Михайлова это означает также и философской, — науки о человеке, был предпринят им в работе «Самоопределение культуры. Философский поиск» (4). Проект так и остался незавершенным, что вовсе не является необычным или неудачным для глобальных замыслов реформирования философии, логики и самого мышления. Ведь самое главное и интересное — не в реализации замыслов, а в самих этих замыслах. Побудительным мотивом для Ф. Т. Михайлова была активная полемика с позитивистским пониманием человека и его сознания, которое он усматривал в наделении (многими философами, психологами, социологами) адаптационных механизмов психики и культуры парадигмальным значением, объявляя их чуть ли не основным обстоятельством, запустившим ход истории и направляющим его в сторону прогресса[1].

[1] К. Лоренц выделяет восемь факторов, поддерживающих постоянство культуры. Первое свойство — способность к развитию как состояние равновесия. «Для жизнеспособности вида необходимо, чтобы постоянство его «наследственных капиталов» находилось в «правильном» равновесии с их изменчивостью.» — Конрад Лоренц, «Оборотная сторона зеркала», глава 10. (Цит. по: Лоренц К. Так называемое зло. М.: «Культурная революция», 2008). Вторая — привычка и так называемое магическое мышление, создающие комфорт и уют при обращении с хорошо известными вещами, далее следует подражание и следование образцу, когда следование традиции обрастает густым слоем эмоциональных привязанностей. За ней следует то, что мы называем идентичностью, а в переводе цитируемой книги именуется «принадлежностью». Пятая группа способов поддержания стабильности связывается им с ритуализацией. Этот механизм многофункционален. Главные функции: коммуникативная, выбора и ограничение формы поведения, создание новой мотивации. Взаимодействие этих сил приводит к групповой общности, с одной стороны, и к выделению, обособлению групп, — с другой. Но раз есть силы, укрепляющие стабильность, есть и силы, демонтирующие постоянство культуры. И первая — это юношеская любознательность (см.: с. 551). На это надо обратить внимание, поскольку любознательность и новизна приписаны молодому возрасту!!!

«Согласно моей гипотезе, — пишет Лоренц, — эти процессы, происходящие в закономерной временной последовательности, запрограммированы эволюцией, и их значение для сохранения культуры и вида состоит в удалении устаревших элементов традиционного поведения и замене их новыми, что обеспечивает постоянное приспособление культуры к непрерывно меняющимся условиям окружающего мира.» (см.: с. 553) (как будто помимо культуры еще что-то существует и изменяется само собой! — *А.В.*) Полное отсутствие разумного планирования развития культуры — тоже тезис Лоренца (см.: с. 559-560) — это к вопросу о плановом запуске инновационных стратегий.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

По убеждению Ф. Т. Михайлова, это неверно и ведет к неверным стратегиям в науках о человеке. Верно другое — природа человека не адаптируется к среде жизни, а творчески ее переделывает, меняясь при этом и сама. Поэтому творчество — исходная посылка теоретического знания, но уже не только в науках о человеке — их разграничение Ф. Т. Михайлов подвергал сомнению, а единой науки — человековедения, аксиоматикой которой и были постулаты о творческой природе человека. Постараюсь воспроизвести, по возможности в сокращенном виде, и максимально приближенно к стилистике Ф. Т. Михайлова, ход его рассуждений.

Итак, множество и многообразие дисциплинарных размежеваний в науках о человеке отвергается, поскольку в основе их специализации и отделения друг от друга не лежат философски обоснованные представления о единстве человека и знания о нем как о целостности. В терминах Ф. Т. Михайлова это означает «отказ от определений **предмета теории** как суждения о наличных формах научных теорий, *формальных определений* базовых терминов».

Далее текст представляет собой выписки, или раскавыченную цитату, из указанного произведения Ф. Т. Михайлова с некоторыми купюрами, сделанными для выявления основного хода мысли.

Безнадёжно устарела сама форма определений, укорененная в наших, по сути дела, дидактических практиках: со времён средневековой схоластики она требует от авторов однозначного и именно *словарного* (семантического) определения предмета. Более того, эмпирически принятый факт, в том числе и факт дисциплинарного размежевания — не обоснование теоретического заключения, также как и текст, так или иначе репрезентирующий проблему.

Следующий шаг формализации процесса мышления — это уже знак современного постмодерна: лексикологическая интерпретация смыслов полученных текстов, будто изучаемый объективный процесс зеркально и нацело представлен нашими суждениями о нём.

Иной путь, иная логика начинается с постановки не решённых, трудных, друг из друга вытекающих проблем *фундаментальной теории* человековедения. Ф. Т. Михайлов понимает логику обоснования любого предмета теоретического осознания вообще, тем более предмета самой теории, как исторически содержательную логику ответа на вопрос: «Как эти предметы стали возможными, а затем и действительными в реальной истории осознающей себя культуры людей?».

Тут как раз и пролегает водораздел, отличающий логику формальных определений от логики выстраивания содержания научной теории… Теория — философская — универсальна по отношению к методу: и в гуманитарных, и в естественных науках схема одна и та же. *Так называемые философии техники, искусства, науки и проч. — это дробление оснований теории, подмена ее фиксацией феноменов, принятых за суть.*

Началом нашего (напоминаю — это речь Ф. Т. Михайлова) пути к определению теории был вопрос: как теоретическая деятельность стала *исторически возможной* в качестве обособившейся, требующей специальной подготовки и особых способностей от своих субъектов? (Теперь несколько слов моего комментария: речь идет об историческом отделении умственного труда от физического, о появлении закрепления в социальной структуре различия между управленческим и исполнительским трудом. Далее опять следуют выписки. — *А.В.*)

Идея априорных постулатов исторической теории: априорное принятие за отправной пункт рассуждения — за его постулат — *субъективную мотивацию* произвольного и целесообразного поведения человека как высшей формы жизни на Земле.

Фундаментальная теория начиналась исторически, логически начинается и сегодня, с априорных постулатов или допустимых, а потому и необходимых принципов, очерчивающих собою предметное поле теории мышления. Фундаментальная способность психики — произвольное и целенаправленное преобразование надындивидуальных (культурных) *смыслообразов* обращения людей друг к другу. Этот непрерывный поток обращения к себе как к *другому-в-себе* трудно назвать иначе как процессом мышления. Но тем самым: мышление — не отдельное свойство человеческой психики, рядоположенное всем прочим её процессам и состояниям, но формообразующее начало её органичной целостности. Только так и может быть получено в общей теории человековедения единственное и точное *теоретическое* определение понятия «мышление».

Категории теории — это всеобщие *меры* изучаемого исторического процесса. Обоснование всеобщности этих мер, столь важной для понимания взаимопорождения их смыслов — есть не что иное, как теоретическая рефлексия над верностью развития теории постулатам исторического мышления. Рефлексия над *канонами* и *концептами* исторической мысли — первый *предмет* фундаментальной

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

исторической теории. Находимые историками реальные формы *со-бытия* людей становятся эмпирическими фактами тогда и только тогда, когда впишутся в сетку теоретических категорий.

Дело философии — превращать интеллигибельные средства теоретического сознания в теорию человеческого бытия в мире. *Идеальное* (смыслообразное, субъективное) полагание людьми своего природного бытия невозможно извлечь из их чисто телесного, физического бытия. Оно есть феномен их ментально-практической взаимосвязи и взаимозависимости их друг от друга, реально существующих лишь за счёт своей целесообразной, произвольной, осмысленной со-деятельности. Поэтому-то *идеальное* невозможно противопоставить физическому их бытию как некую иную субстанцию. Истинно философские категории — не теоретиками изобретённые, искусственные *идеальные объекты* их теории, а категории самой истории — всеобщие в своей исторической истинности вполне реальные *формы жизни людей.*

В пику тем, кто начинает курс истории науки с истории математики и естествознания, в данном его варианте необходимо начинать с обращения к так называемым *гуманитарным наукам.* В частности: к истории культуры, к антропологии, этнографии и — главное: к философии! В ней самое главное: *гуманитарноая* суть теории и, тем самым, истинная *научность*.

Мы подчиняемся объективным обстоятельствам, когда они непреодолимы? Нет, тысячу раз нет! Без попытки их изменить, человек и шагу не сделает. Его судьба — в борьбе за целесообразное и произвольное изменение обстоятельств, что оборачивается самоизменением. Творчество — вот суть человеческой жизни. Так наш постулат общего человековедения сохраняет свою априорность и, тем самым, свою не требующую доказательства ясность, как и всякий теоретический постулат.

Отсюда — и то, что можно назвать *геномом нравственного чувства:* уникальная способность человека к целесообразно произвольным, действиям, обращённым к сочувствию других людей с надеждой на взаимопонимание, к свободному со-бытию с ними как к бытию добра, бытию *нравственному* — вот начало и высшая ценность человеческой истории и культуры!

Тождество телесности и субъективности, — это постулат общего человековедения, лежащий в основе и физиологии, и психологии, и истории, и литературоведения, и всех других теоретических дисциплин, предметом которых является жизнь и деятельность человека.

На этом мои выписки закончились, поскольку точка зрения автора в них (надеюсь) представлена и полностью, и стилистически достоверно. Подведем некоторые итоги этой ретроспективы.

Гуманитарное знание — его теория — строится, таким образом, на постулате креативности, творчества как сути бытия, на единстве идеального и реального. Единство бытия есть условие и результат творческой жизни человека. Априорная, постулируемая сущность, из нее следуют меры — мышления, деятельности, вообще всей дифференцированной культуры. Теория гуманитарного знания — это философия. То есть философию надо строить как монистическую систему, по принципу дедуктивной естественнонаучной теории. И наоборот — знание о природе должно быть вписано в понимание человеческой природы как преобразующего понимания. А поскольку творчество создает смыслы и цели, оно аксиологически нагружено. Так ценности жизни и творчества становятся предметом общего человековедения. Для обсуждаемой проблемы дисциплинарного разграничения знаний о человеке это имеет некое пропедевтическое значение — единство знания получает (так или иначе) обоснованную базу. Природа и знания о ней видятся сквозь призму креативной сущности человека. И если креативность положить в основу философии, преодолеваются тенденции к специализации и редукционизму, и заодно вводится принципиальный историзм и в понимании человека, и в понимание науки о нем.

Не слишком ли радикальная постановка вопроса, не экстравагантно ли требование аксиоматического построения гуманитарного знания? На первый взгляд — да. Но если мы фиксируем сегодня сближение знаний о природе и знаний о человеке, то это сближение само многоплановое.

Вряд ли все согласятся с такими радикальными предложениями Ф. Т. Михайлова на разрыв со сложившимися традициями, которые кажутся самоочевидными. Традиционно считается, что гуманитарное знание строится через истолкование и интерпретацию шедевров, созданных не на основе теорий, а на основе интуиции. Это также связано и с тем, что предметом гуманитарных наук служат продукты духовной деятельности человека, и далеко не все, а только такие, которые глубоко и эстетически убедительно презентируют богатство человеческого духа. Место анализа здесь занимает интерпретация, место эксперимента — воображение, место логики — выразительность. Нет и не может быть теории интуиции, теории творчества, теории человеческого Я. Но эти предметы — как

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

раз предмет философии, и стало быть философия как строгая теория — фантом.

Точно так же традиционно считается, что философия развивается за счет переосмысления своих оснований. А если строить философию дедуктивно, это закрывает проблему исследования её оснований. Если есть аксиоматика, значит философия догматична! А если обоснование философии в самой философии, то тогда непонятно, как в философию попадают новые проблемные области.

Ф. Т. Михайлов подвергает ревизии еще одну традицию — дробления дисциплинарного знания, отпочкования и специализации различных философских «наук» (написал бы он обязательно в кавычках). По существу, он во многом опередил и предвосхитил нынешние дискуссии о трансдисциплинарности. Разделение труда, отпочкование идеального от реального в истории становления мышления — это эмпирическая история познания, за ней не закреплено свойство философской обоснованности. С этой точки зрения, специализированные традиции работы с разными предметами — это дань эмпиризму, неприемлемому с точки зрения целостности человека, единства его бытия и мышления… С точки зрения теории мышления, сознания, бытия человека.

Мне трудно было согласиться с такой трактовкой дисциплинарного размежевания, поскольку мои занятия философией техники, во-первых, тоже специализированы, отделены от других «философий» предметом, традициями изучения, а во-вторых, были как раз нацелены на выявление и анализ исторического становления этой дисциплины — определенной логики, которая и стала предметом моего исследования, и эта логика привела к формулировке моей позиции. Когда я защищал свою докторскую, Феликс Трофимович воздержался от выступления на Ученом совете в поддержку диссертации, хотя до этого и хвалил, и писал отзыв от сектора, и вообще ему моя работа нравилась. Но он дорожил своей репутацией борца с эмпиризмом и не хотел давать повода на защите к ненужным противопоставлениям, не хотел свой авторитет использовать против моей скромной попытки обосновать коммуникативную концепцию техники. Я это не сразу понял.

Про Феликса Трофимовича мне писать и трудно, и сладко, — он был моим другом, начальником, соавтором, и поначалу пытался окрестить меня в свою веру, но я как-то невольно ускользал и остался без почётного звания «ученик Михайлова». А вера его была — метафизика, диалектика, философия самосознания, как правило, его собственного. Это не мешало нам быть близкими друг другу людьми, уважать и любить друг друга. Сколько мы переговорили, сколько выпили пива — в Москве, Праге, Казахстане, на рыбалках и охотах! Феликс много работал в последние годы жизни, торопился поставить себе памятник — самолюбия у него тоже хватало, чтобы подвигнуть на трудовой подвиг. Феликс свои последние работы писал и с удовольствием, и с упорством, и со знанием того, что у него рак. Что ему отпущено совсем немного, «он допеть не успел» — это про него. Он и сражался, и смирялся, и тосковал, и радовался редким мгновениям красоты и вкусноты, удачному слову и записанной мысли[1]. Вообще-то казалось, особенно со стороны, что Феликс был не чужд сибаритства: он красиво курил трубку, имел всегда хороший табачок, и дамы просили всех курильщиков уйти на свежий воздух, а Феликса остаться в комнате и распространять свои табачные благоухания. Любил и знал европейскую поэзию, умел приготовить что-нибудь замысловатое и вкусное. Предпочитал немножко Hennesy, нежели чего подешевле. Одевался с почерком, не любил грубого юмора. Был не только блестящим лектором, но и чудным собеседником, азартным рыбаком и душой любой компании. Но меня всегда поражала и восхищала на фоне этих маленьких капризов колоссальная разница между бытовым антуражем и необъятно огромными ментальными пространствами, где он по-настоящему жил за ширмой обыденности. Поражала его естественная, лёгкая, спонтанная воля к мысли.

[1] Более или менее полная библиография содержится в книге «Философия, психология и педагогика Ф.Т. Михайлова (Публикация архивных материалов) [6].

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Список литературы

1. *Воронин А.А.* Круглый стол по философии образования. Выст. Ф.Т. Михайлова // Философские исследования, 1999, №1, с. 6.
2. *Михайлов Ф.Т.* В поисках causa sui самосознания // Философские исследования, 194 №1, с. 5–16.
3. *Михайлов Ф.Т.* Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990.
4. *Михайлов Ф.Т.* Самоопределение культуры. Философский поиск. М.: Индрик, 2003 — 272 с.
5. *Смирнов Г.Л.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности. — М.: Политиздат, 1980.
6. «Философия, психология и педагогика Ф.Т. Михайлова. (Публикация архивных материалов) / Сост., предисл. Л.К. Арсенкина, А.А. Воронин, А.Ф. Михайлова. — М.: Индрик, 2009. — 592 с. — *илл.*

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11109

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

М. Ф. Лановский

СИМПОЗИУМЫ ПО ФИЛОСОФИИ СПОРТА В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ РАН: ОБЗОР

Аннотация. *В предлагаемом читателю обзоре отражены наиболее репрезентативные выступления участников двух научных симпозиумов, посвящённых философии спорта. Данная тема нова для исследовательских коллективов Института философии РАН и, надо заметить, до сих пор не приобрела должного веса в отечественной академической среде. В этом наблюдается отставание, как от философских исследований советского периода, так и от современных философско-теоретических тенденций на Западе. Проведённые симпозиумы, а также ряд публикаций, подготовленных сотрудниками сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН, призваны не только устранить указанное отставание, но и задать новый исследовательский вектор в отношении философских проблем спорта. Каждый раз симпозиумы имели определённую тематическую заострённость, которая вызывала интерес у представителей различных научных дисциплин. Особенно ценно, что в числе участников каждый раз были не только учёные-теоретики, но и спортсмены, педагоги-исследователи. В контексте исследовательских проектов сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН были затронуты проблемы, ставшие актуальными для философии спорта в последние два десятилетия. Речь идёт о сциентизации и технологизации, экспансии био- и информационных технологий, технологий «улучшения человека» в спорт как сложный и масштабный социально-антропологический феномен. Применение подобных технологий в спорте порождает вопросы этического и философско-антропологического характера. Современный спорт концентрирует в себе много культурных функций, некоторые из которых претерпевают значительные изменения. Надо заметить, что помимо указанной тематики, были представлены актуальные исследования социокультурного и социально-экономического направлений.*
Ключевые слова: *философия спорта, философская антропология, смыслы спорта, гуманизм, применение технологий, биотехнологии, модели спорта, рекорд, телесность, соперничество.*

M. F. Lanovsky

Symposia on the Philosophy of Sport IN THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY RAS: REVIEW

Summary. *The review offered to the reader reflects the most representative presentations of participants in two scientific symposiums on the philosophy of sports. This topic is new for research teams of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and, it should be noted, still has not gained due weight in the domestic academic environment. There is a lag in this, both from philosophical studies of the Soviet period and from contemporary philosophical and theoretical trends in the West. The symposia, as well as a number of publications prepared by employees of the Humanitarian Expertise and Bioethics Sector of the IPh RAS, are designed not only to eliminate this lag, but also to set a new research vector in relation to the philosophical problems of sports. Each time, symposia had a certain thematic focus, which aroused interest among representatives of various scientific disciplines. It is especially valuable that among the participants each time there were not only theoretical scientists, but also athletes, research teachers. In the context of research projects of the Humanitarian Expertise and Bioethics Sector of the IPh RAS problems were raised that have become relevant to the philosophy of sports in the last two decades. We are talking about scientization and technologization, the expansion of bio- and information technologies, "human improvement" technologies into sports as a complex and large-scale socio-anthropological phenomenon. The use of such technologies in sports raises*

© М.Ф. Лановский

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11110
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ethical, philosophical and anthropological issues. Modern sport concentrates many cultural functions, some of which are undergoing significant changes. It should be noted that in addition to the indicated topics, topical studies of the socio-cultural and socio-economic areas were presented.

Key words: *philosophy of sports, philosophical anthropology, the meanings of sports, humanism, the use of technology, biotechnology, sports models, record, physicality, rivalry.*

За последние два года сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН расширил спектр своих исследовательских проектов, обратившись к теме, во многом созвучной темам и проблемам, разрабатываемым коллективом данного научного подразделения — прямого наследника Института человека, созданного когда-то академиком И.Т.Фроловым. Речь идет о философии спорта, проблемы которой требуют комплексного, междисциплинарного подхода. Этим проблемам и были посвящены симпозиумы, проведенные в сотрудничестве с кафедрой этики философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, в марте 2018 и июне 2019 годов в стенах Института философии РАН. В преддверии третьего симпозиума мы хотели бы кратко осветить проблемы и исследовательские направления, которые были предложены на состоявшихся научных форумах.

Первый симпозиум (28.03.2018) был посвящен памяти д.ф.н., чл.-корр. РАН Б.Г.Юдина, долгие годы возглавлявшего сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики. Тематически этот форум был сориентирован на социогуманитарную экспертизу физической культуры и спорта. Так, предполагалось рассмотреть физкультурно-спортивные практики с различных дисциплинарных точек зрения, акцентируя внимание на перспективах и рисках применения технологий и, в частности, биотехнологий. Речь идет о поведении человека на грани и за гранью естественных, природных качеств, об исследованиях такого поведения и о нормативных (моральных и правовых) оценках тенденций его динамики. Примечательно, что в работе симпозиума приняли участие не только философы, но и спортсмены, спортивные педагоги и психологи.

Симпозиум своим докладом открыл председатель оргкомитета, доктор философских наук А.А.Воронин (Институт философии РАН). Охарактеризовав своеобразную суперструктуру спорта, в которой всё большую роль играют технологические компоненты, автор предложил трактовку спорта как социального института, подобного лаборатории, где «испытуемым» является не только организм спортсмена, но и сам спортсмен. В связи с сотворением «второй» природы, прогрессирующим выходом человека из сферы естественно-природных усилий, технологического облегчения существования человека, функции спорта представляются как неутилитарные. В то же время, наблюдается двоякий процесс: на смену прежней «доблести», «аретэ», пафосу мифологического героизма приходит метрически фиксируемый рекорд. И весь спорт высоких достижений можно представить как «институт рекорда». Докладчик противопоставил спорт и физкультуру, описав различные идеологические, мотивационные, организационные и правовые характеристики того и другого. Идеология «рекорда» подчиняет имманентные ценности физической культуры «идолам рынка». Соответственный характер приобретает и героизация спортсмена. Интересной представляется мысль о том, что эмансипация и деполитизация Олимпийских игр возможна, если их участники будут представлять клубы и спортивные объединения, а не страны.

С докладом «Биоэтика и спорт» выступила руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, к.ф.н. О.В.Попова. Спорт, как утверждает автор, воплощает общекультурные тенденции сциентизации, технологизации и коммерциализации, что в рамках либеральной мировой парадигмы приводит к коммодификации тела. «Естественная данность человеческого тела превращается в артефакт, продукт знания и технологий, в вещь, которую можно успешно продать на рынке спорта». Современные биотехнологии становятся особым средством «производства спортсмена-победителя». С одной стороны, наблюдается эстетизация и перфекционизм в процессе конструирования тела, но в то же время, экстремальные режимы функционирования в спорте требуют постоянного превозмогания боли, превозмогания тела. Методы «улучшения спортсмена» приводят к испытанию на прочность не только тела, но самой человеческой природы, как утверждает автор доклада. Высокие результаты, а главное, напряженная зрелищность современного спорта подвигают спортсменов к применению биотехнологий, эффекты которых, как выясняется, заслуживают гуманитарного, философского анализа. Обращение докладчика к теме допинга послужило

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11110

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

толчком к расширенной дискуссии среди участников симпозиума.

Доклад «Потенциал общефилософских подходов и перспективы антропологической проблематики в философии спорта» представил мастер спорта, к.ф.н. М.Ф. Лановский (Институт философии РАН). В плане историко-философского обзора было освещено становление и развитие философии спорта на Западе и в СССР. Многочисленные работы авторитетных исследователей были представлены как с точки зрения разнообразия философских проблем спорта, так и с точки зрения различия теоретико-методологических подходов. Существовала, и по сей день существует, некоторая неопределенность относительно того, в чем фундаментальное различие предметных сфер анализа, и что же является сущностью спорта. Особое внимание было уделено трудам отечественных исследователей, которые представляют несколько направлений: построение *спортивной науки*, философская критика западных концепций и антропологически ориентированные программы. Последним была свойственна комплексность и эмпирический характер. Как заявил докладчик, отличительные особенности физкультурно-спортивной деятельности и её сложный компонентный состав подвигают философию спорта к формированию междисциплинарных связей, что соответствует современным научно-теоретическим тенденциям. Был затронут вопрос об отношении философии спорта и философской антропологии, а также предложены новые аспекты онтологического и эпистемологического анализа спорта. Учитывая всё возрастающее проникновение в спорт техники и технологий (биотехнологий), был предложен интересный вариант анализа взаимодействия тел живых и неживых — конститутивного для спорта.

Связи спорта и политики был посвящен доклад профессора кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.ф.н. Разина А.В. Как показал докладчик, новое толкование генезиса Олимпийских игр и целей олимпийского движения может быть предложено, если принять во внимание религиозно-политическую принадлежность самого основателя современных Игр, барона Пьера де Кубертена. А именно, его принадлежность к эзотерическим союзам иллюминатов и масонов. По сути дела, Пьер де Кубертен создал первую в мире международную организацию антимилитаристского и просветительского характера, при помощи которой, однако, определенная группа планомерно расширяет своё влияние и претензии на мировое господство. Несмотря на изначально заявленную аполитичность олимпийского движения, реализовать это на практике так и не удалось. Более того, современная реализация созданных в рамках МОК правовых институтов, кодексов и механизмов производит сильные политические эффекты, часто заранее спланированные. Международная спортивная арена оказалась ареной и политического противостояния. Как показывает практика последних лет, спортсмены всё чаще отождествляются со своими государствами и принципы справедливости спортивной борьбы могут вытесняться политико-правовым подходом.

С докладом «Генетическое тестирование в спорте. Состояние, перспективы и проблемы» выступил врач, медицинский генетик А.О. Резник. Выступления специалистов подобного рода были очень значимы с точки зрения междисциплинарного характера симпозиума. Контекстом обсуждаемых проблем стали колоссальные успехи в генетических технологиях, их значительное удешевление за последние годы и появление так называемой «потребительской генетики». Пионером на этом рынке стала биотехнологическая компания «23 and Me», предлагавшая генетическое тестирование любого человека. Как пояснил исследователь, в результате такого тестирования могут быть определены моногенные болезни, риски предрасположенности к многофакторным заболеваниям, а также, как об этом стали заявлять в последние годы, генетические основы спортивной одаренности. Вот этот последний момент и порождает интерес потребителей. Докладчик заметил, что информация, содержащаяся в ДНК и полученная в результате тестирования, может иметь самое разное применение, в том числе обращенное против носителя этой информации. Поэтому за последние годы регулирующие органы на западе (к примеру, Food and Drug Administration в США) создали протоколы и конвенции о правилах проведения таких исследований. По данным докладчика, к 2018 году 39 компаний занимались генетическим тестированием в спорте. При этом маркетинговые технологии и «шумиха» (hype) опережают достижения науки. В действительности речь идет об определении всего лишь двух генов, указывающих на предрасположенность к тому или иному виду тренировки (тренировка силы или выносливости). Однако маркетологи биотехнологического рынка обещают гораздо большую отдачу от тестирования на спортивную одаренность, особенно детей. В последнем случае возникает ряд проблем, относящихся к сфере биоэтики. Надо заметить, что сочетание научности и доступности материала способствовало широкой дискуссии по теме доклада.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11110
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Сильный спортсмен-любитель, финишер престижных гонок (Challenge Roth, Tour TransAlp) и в то же время — ученый, к.э.н., доцент МГТУ им Н.Э. Баумана, А.С. Адельфинский выступил с докладом «Право на участие. О массовом спорте, экономике и этике». Данный доклад являлся сжатым изложением содержания книги «Назло рекордам», написанной А.С. Адельфинским по результатам его многолетнего экономического и социологического исследования любительского спорта. Книга увидела свет незадолго до симпозиума. Помимо того, что в исследовании пересекаются экономические, социологические и социально-психологические подходы, его преимуществом является метод включенного наблюдения, примененный автором, или, как он сам об этом сказал, «собственный опыт социального предпринимательства по развитию массового спорта». Разведение спорта высоких достижений и массового спорта, и характеристика последнего как «общедоступного» явилось отправным пунктом исследования. Общедоступность была обоснована демократичностью в экономическом отношении определенных видов спорта, отличающихся и массовостью участия. Здесь нет селекции по критериям возраста или спортивного мастерства. В этом спорте функционируют две модели, две «социальные нормы» — *экспрессивная* (удовольствие) и *рекордистская* (победа/«прибыль», для *формальных* любителей). Да и сама организационная модель такого спорта (широко практикуемая на Западе) явным образом приносит пользу обществу, не теряя привлекательности для элитных атлетов. Однако общедоступность этого спорта и оказалась проблемой из-за рыночного подхода к его организации, «эксплуатации» его эгалитарной модели и определенных мотиваций спортсменов-любителей. Само *участие* теперь выступает как «продукт», коммерческая услуга. Такая коммерциализация массового спорта, как заявляет докладчик, порочна, поскольку превращает его в спорт для богатых. Элитные же спортсмены, как профессионалы, так и любители (формальные), становятся элементом маркетинга, способствуя продаже экипировки и тренерских *услуг*. Надо заметить, что как в монографии, так и в докладе присутствуют полемичные тезисы. Однако исследование интересно своей методологией, адекватной современным проблемам спорта, но ещё не находящей применения в отечественных исследованиях.

Интересный в антропологическом плане доклад представил именитый спортсмен, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, судья международной категории, 6-ти кратный чемпион мира по парашютному спорту, педагог-исследователь Владимир Борисович Гурный. Более сорока лет он отдал большому спорту. В последние годы Владимир Борисович занят спортивно-педагогической работой с самыми юными — детьми в возрасте от полугода до 4-х лет! Как утверждает исследователь, «основы будущего совершенствования в спорте высших достижений закладываются в младенческом возрасте». На основе физиологического учения Сеченова-Павлова, исследований психофизиологов и нейрохирургов В.Б. Гурный подходит к организации процесса обучения, связывая его с решением двигательных задач. Необходимо брать в расчёт процессы пренатального онтогенеза, формирование нейронных связей в дородовый период и в самые первые месяцы жизни ребенка, когда темпы роста познавательных способностей самые большие. Ребенок в каждый момент своей жизни сталкивается с новыми ситуациями, задачами, которые поставляют «материал» для его первичных знаний. В решении этих задач взрослый может помочь ему своим примером. Как утверждает педагог, основой для овладения знаниями является способность концентрации внимания, которая и требует специальной тренировки. В связи с закономерностями онтогенетического формирования психики и моторики, познавательных способностей, постановка двигательных задач (тренировка) выступает как практика обучения концентрации внимания. При этом наиболее трудным моментом представляется поддержание мотивации для концентрации внимания у ребенка. С концентрацией внимания связан другой аспект — быстрота мышления. Как утверждает автор доклада, «опыт работы по совершенствованию спортсменов — это опыт работы по ускорению быстроты мышления».

В данном обзоре освещены далеко не все доклады, представленные на симпозиуме. Также мы опустили дискуссии по частым вопросам. Подытоживая работу этого научного форума, можно с уверенностью констатировать широкий охват тем и проблем и междисциплинарный подход к их решению.

Второй симпозиум по философии спорта, состоявшийся 20 июня 2019 года, имел новую проблемную заостренность, коррелирующую с научно-исследовательской работой сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. В рамках темы «Спорт как моделирование человека» предполагалось рассмотреть уникальную модель человека, которую продуцирует спорт. То есть сопоставить спорт с другими проектами (технологиями)

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11110

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

«улучшения человека» и проследить зависимость спорта от новых технологий биомедицины, фармакологии, трансплантологии и протезирования органов с точки зрения открытия новых перспектив и возможностей организма человека. Также конструктивистские тенденции в спорте предполагалось подвергнуть социально-философскому, социокультурному анализу, уделить внимание таким феноменам как цифровизация спорта и Big Data.

После вступительного слова председателя оргкомитета симпозиума д.ф.н. А.А.Воронина, с докладом «Всё на продажу: евгеника и спорт в обществе потребления» выступил д.ф.н. П.Д.Тищенко (Институт философии РАН). Автор предложил экскурс в историю евгенических идей и практик по обе стороны Атлантики (Германия и США). Интенции улучшения, совершенствования биологического, а в связи с ними — и социального, сущностные для евгеники, обнаруживаются и в спорте 30–40-х годов XX века. Так, спортивные достижения рассматривались как подтверждение превосходства определенной расы, что, конечно же, не имеет никакого научного обоснования, но всецело идеологическое. Метод искусственного отбора, так вдохновлявший евгенистов прошлого века, казался ключом к совершенствованию человека и общества. Через *биологию* предполагалось совершенствовать *социальное* качество человека. Схожие идеи обнаруживаются в эпоху нео-евгеники, или *либеральной* евгеники (Хабермас), начиная с 70-х годов прошлого столетия. С одной стороны, предполагалась возможность изменения, *улучшения* определенных качеств при помощи генетических манипуляций, с другой стороны, определенным физическим качествам стали приписывать новые социальные смыслы, социальную сигнификацию. Имеются в виду, к примеру, такие качества, как рост, цвет волос или глаз. Оформляется идея своеобразного «генетического супермаркета», *продукты* которого востребованы и в спорте. Изначально выбранные и заданные (на генетическом уровне) качества должны кратчайшим путем привести к успеху в определенном виде спорта и — в капиталистическом обществе — к финансовому успеху. То есть в новых условиях возрождаются старые идейные ассоциации евгенического характера: от биологических преимуществ к социальному успеху.

Доклад «Спорт и биокапитализм» представила д.ф.н. О.В.Попова (Институт философии РАН). Автор упомянула идеи американского философа спорта Кристофера Лэша, которые в известной степени составили теоретическую основу для её исследования. Так, дух раннебуржуазного общества обусловил восприятие спорта как *работы*, труда, приносящего доход. Ритуальная сторона и ценность участия, основополагающие для античной модели и модели де Кубертена, были вытеснены ценностью только лишь победы. В рамках такого подхода и тело стало восприниматься как нечто эксплуатируемое. Однако в отношении тела, организма человека мы сталкиваемся с вполне явными «пределами прочности» (human endurance). В этой ситуации биотехнологии сулят большие перспективы «усиления», «расширения» возможностей тела спортсмена, которое может быть продано как *товар*. Интерпретируя одну из идей Б.Г.Юдина, можно сказать, что социальный контекст обусловливает наше понимание того, *что есть* спортсмен. Как видно, спорт тесно связан с практиками «дисциплинирования» (Фуко), которым подвержено и тело, и дух спортсмена. К какому образу (или образцу) спортсмена приведу подобные тенденции? И возможен ли *чистый* спорт? Такие вопросы ставит исследователь. Возможный ответ на второй вопрос был предложен исходя из рассмотрения совершенно нового явления — спорта среди людей с трансплантированными органами. Возможно, именно в нём *участие* становится основной ценностью.

Актуальный в культур-философском отношении доклад представил профессор кафедры философии и социологии ведущего российского спортивного вуза — Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (РГУФКСМиТ) — к.п.н. В.П.Мочёнов: «Современный спорт в парадигме постмодерна». Назрела необходимость раскрыть смысл спорта в современной культуре, культуре постмодерна. Пожалуй, главной отличительной особенностью культуры и мировоззрения постмодерна является утверждение *множественности* (в противоположность модерной «классической» устремленности к *единству*). Второй социокультурный тренд постмодерна, глубинным образом определяющий функции и положение спорта, это — *ювенилизация*. Этот культурно-мировоззренческий сдвиг уловил ещё Х.Ортега-и-Гассет в первой половине XX века. В рамках *ювенилизации* тело обретает примат на духом, тело символизирует молодость, жизнь, энергию. В таком случае объясним выход спорта на широкую культурную арену, его распространение и закрепление в статусе высокоценной социокультурной практики. Ведь спорт — это решающим образом телесный модус существования, телесная репрезентация антропологического и социального, спорт воплощает идеи молодости

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11110
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

и силы. Далее профессор Мочёнов предложил философско-методологическую схему для экспликации общекультурных феноменов и особенностей спорта эпохи постмодерна. Так, было предложено посмотреть, как трансформируются категории онтологии — гносеологии — социальной философии в рамках транзита премодерн — модерн — постмодерн. Последнему свойственны категории *множественного* характера: виртуальное, «логистика», политтехнологии. Различие спорта модерна и спорта постмодерна это — различие программ П. де Кубертена и Х.-А. Самаранча во всех их аспектах. Сегодняшний спорт концентрирует в себе разные и чрезвычайно значимые социальные функции, суть которых определена конкретной социально-исторической ситуацией.

Заведующий кафедрой философии и социологии РГУФКСМиТ, к.ф.н., д.п.н. А.А. Передельский выступил с докладом «Спорт как религиозный и светский феномен». Данная проблема разрабатывалась А.А. Передельским на протяжении последних лет и результировалась написанием монографии «Двуликий Янус». Надо заметить, что предложенный доклад отличался глубиной теоретико-методологической рефлексии, широким диапазоном историко-философских и культурно-исторических отсылок. Было предложено большое методологическое введение, в котором автор коснулся самого понятия «спорт» и многих его эмпирических моделей. Так, были выделены модели агональная, людусная (лат. — «игровая»), модель де Кубертена, модели национальные и современные экономические. Далее, автор сформулировал свою теоретическую позицию относительно исследовательского подхода. Как он утверждает, лишь направления *научной* философии могут добыть значимое знание о спорте. К таковым относятся все типы позитивизма и диалектический материализм. Но именно эти направления до сих пор и не занимались спортом. Научный же статус философии спорта в её настоящем виде представляется проблематичным. Далее, были указаны социально-философские доктрины, которые, по мнению докладчика, нанесли ущерб научно-философскому осмыслению спорта. Это доктрины гуманизма, Й. Хейзинги, П. де Кубертена, Х. Ленка — собственно говоря, основополагающие на протяжении многих десятилетий. Научная философия спорта должна быть методологией спортивной науки, дисциплинарный состав которой строго не определен. По существу проблемы было изложено следующее. Истоками спорта являются три социальных института, сосуществующих с древности: это — институт единоборств, институт физического воспитания, олимпийский спорт. Все они имели культово-обрядный характер, проистекали из сакральных практик и были своеобразным развитием культуры инициаций. Поклонение богам и жертвенность обнаруживаются во многих исторических практиках спорта. Секулярным аспектом спорта являются его коммерческие стороны, обнаруживаемые, по словам докладчика, ещё с античных времен. В завершении выступления А.А. Передельский указал на методологические трудности построения гипотетико-дедуктивной теории спорта.

С докладом «Спорт и риск» выступил сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, д.ф.н. А.А. Воронин. Исследователь рассматривает работу с рисками как одну из существенных компонент спорта высоких достижений. Своеобразие спорта по сравнению с другими сферами человеческой деятельности заключается в инверсии логики рискованного поведения: риски обнаруживаются не в конце проекта действия, а в самом начале, как исходная посылка логической последовательности такого проекта. Спорт, с одной стороны, несет заряд соперничества, борьбы, агрессии, — а с другой — бережет соперника, не позволяет довести ситуацию борьбы до беды, до травм и увечий. То есть с самого начала здесь есть игра, но игра серьезная — игра с рисками. Риски размещаются в игровой ситуации, которая «как бы», «понарошку» воспроизводит брутальное соперничество. Работа с рисками позволяет достигнуть небывалого, запредельного результата без неприемлемых ущербов для здоровья спортсмена. Такие институциональные элементы спорта как правила, судейство, регламенты, разряды (даны, лицензии), оборудование, стадионы, допинг-контроль и многие другие создавались и совершенствуются ради безопасного выявления предельных возможностей человеческого организма. Появление экстремальных видов спорта вносит еще одну, радикальную инверсию — риск уже не сопровождает спорт, а становится его непосредственным предметом. Это ломает классическую логику спортивного состязания, а в значительной степени — и саму идею рекорда как запротоколированного заочного достижения в строго регламентированном виде состязания. Тем самым ставится вопрос об институциональной принадлежности экстремальных видов к классическому пониманию спорта вообще.

Сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, к.м.н. М.А. Пронин в докладе «Философия как экспертиза: герменевтика

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11110

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

эвритмии — виртуальный подход» затронул ряд тем антропологического характера. Прежде всего, автор напомнил, что создание и деятельность Института человека были вдохновлены поиском методологии целостного изучения человека, раскрытия целостности. Искомая целостность утверждалась как ценность. Новые идеи связаны с именем советского ученого-кибернетика Н. А. Носова, в начале 90-х годов пришедшего в Институт человека. Его идеи и развивает на протяжении долгих лет М. А. Пронин. Речь идет о *виртуалистике*. Первоначально исследовательским полем была экстремальная деятельность и состояния психики в рамках этой деятельности. Основным посылом виртуалистики является утверждение многих реальностей, многослойности реальности. К примеру, сознание состоит из множества *реальностей*: реальности воли, реальности личности, реальности «внутреннего» человека и ещё других. В таком случае, все объекты сознания интегральны, обладают системной сложностью. Виртуальные психологические состояния возникают в деятельности летчиков, спортсменов, музыкантов. Эвритмия («красивое движение) — особый вид телесной практики, применяемый в образовательных целях в некоторых неклассических педагогических системах, создает условия для раскрытия многих планов сознания. В ходе групповых телесных практик у участника должно возникнуть чувство единого пространства как сочетание внутреннего и внешнего плана, что и выступает предпосылкой к раскрытию многих планов сознания. Здесь уместно напомнить, что в работе первого симпозиума по философии спорта принимал участие ученик и коллега М. А. Пронина, профессиональный спортсмен-автогонщик В. Л. Карпинский. В своём выступлении он описал опыт переживания такой многослойности сознания и единства двух планов, который получил во время напряженного гоночного тура.

Доклад, посвященный проникновению биотехнологий в спорт, представил к. ф. н. М. Ф. Лановский (Институт философии РАН). Суть затронутой проблемы была выражена метафорически — «От “Listen to me” к “Listen to your body”». Обе формулы репрезентируют определенные ситуации взаимодействия в спортивно-педагогическом процессе, который есть *субъект-объектное* и *субъект-субъектное* отношение, и в фокусе которого находится *деятельность*. Современный спорт, где идеалы улучшения способностей (*performance enhancement*), соревновательного успеха, максимальной эффективности и коммодификации тела превалируют над идеалами творческого самораскрытия, дает благодатную почву для технологического стиля мышления и применения «технологий близких к нам», «технологий в нас», «технологий о нас» (Р. ван Эст). В данном случае речь шла о двух типах технологий, всё более проникающих из спорта высших достижений в спорт любительский, массовый. Это генетические технологии и технологии физиологического мониторинга, сбора данных, персонализации и программирования, международные Big Data. Технологии типирования и прогнозирования, контроля максимально индивидуализируются, объективируются, квантифицируются и ускользают из рук субъекта спортивной деятельности. Тренировочный процесс индивидуализируется и, в то же время, утрачивает педагогическую составляющую. Отпадает необходимость в навыках самоконтроля, в развитии тонких ощущений, развитии специфических пространственных и временных представлений, в организации внимания и напряженном задействовании гностических и волевых способностей. Иными словами, технологии способны выхолостить имманентные смыслы и ценности спорта.

Оргкомитет симпозиума с удовлетворением отметил, что в работе форума также приняли участие молодые ученые, аспиранты гуманитарных и медицинских вузов. В результате дискуссии была сформулирована тема следующего симпозиума: «Антропологические основания философии спорта».

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11110
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

И. А. Кононов

БОМЖИ И БУРЖУИ

Аннотация. *Эта поэма ставит перед читателем коренные вопросы бытия. Что главное в жизни человека? Что такое настоящие ценности? Как отличить мнимое от истинного? Какие достижения можно считать своим духовным ростом и чего нужно избегать, чтобы не оскотиниться и не свалиться в пропасть гибельной пустоты и фальши? Главные герои этого произведения — бомж Лаврентий и буржуй Толик — из диаметрально противоположных слоёв общества. Волей судеб они оказываются, в буквальном смысле слова, на дне Москвы, в её подземном мире. Разные пути приводят их сюда. Но именно здесь, в тёмных и дурно пахнущих лабиринтах и коллекторах, они познают то, что было скрыто от них наверху, в обычной повседневности. Именно тут они обнаружат никому не ведомых существ, которые, сами будучи незрячими, дадут им возможность увидеть в темноте свет добра и любви. А проводником в этом потаённом и мистическом мире станет для них девушка-диггер, ищущая среди «корней, могил, фундаментов и дыр» смысл собственного существования. Вас ждут узнаваемые приметы времени, культовые места Москвы и нескончаемое погружение в подземную часть города, в сферу подсознательного, где вы, вместе с героями поэмы, столкнётесь с удивительными открытиями и откровениями. Изменится ли в результате что-либо в их жизни, вы узнаете, прочитав поэму до конца.*

Ключевые слова: *подземная Москва, коллектор, бомж, буржуй, диггер, сакральный мир, высший смысл, дети дна, искусственный интеллект, святая Грета — королева тьмы, мутанты, Яма.*

I. A. Kononov

HOMELESS AND BOURGEOIS

Summary. *This poem poses to the reader the fundamental questions of being. What is the main thing in human life? What are real values? How to distinguish imaginary from true? What achievements can be considered as their spiritual growth and what should be avoided so as not to crouch and fall into the abyss of fatal emptiness and falsehood? The main characters of this work — the homeless Laurentius and the bourgeois Tolik — from diametrically opposed layers of society. By the will of fate, they find themselves, in the literal sense of the word, at the bottom of Moscow, in its underworld. Different paths lead them here. But it is here, in the dark and foul-smelling labyrinths and collectors, that they learn what was hidden from them above, in ordinary everyday life. It is here that they will discover unknown creatures that, being themselves blind, will give them the opportunity to see the light of good and love in the dark. And a digger girl, looking among the "roots, graves, foundations and holes" for their own existence, will become a guide in this mysterious world. You are waiting for recognizable signs of the times, cult places in Moscow and endless immersion in the underground part of the city, in the sphere of the subconscious, where you, together with the heroes of the poem, will encounter amazing discoveries and revelations. Whether something will change as a result of their life, you will learn by reading the poem to the end.*

Key words: *underground Moscow, collector, homeless, bourgeois, digger, sacred world, higher meaning, children of the bottom, artificial intelligence, Saint Greta — Queen of Darkness, mutants, Pit.*

© И.А. Кононов

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

«Вот снова проснулся
С клокочущей рифмой в горле,
Опять накатила вечность...»

Харакиро Нагасаки
(Из книги «Вздох бабочки»»)

ВСТУПЛЕНИЕ

Ямах, скважинах и расщелинах
Видно, как планета ощерена.
Жизнь даётся нам в ощущениях.
Ну, а кто дает ощущения?
Ведь судьба — то хрупка, то кряжиста,
То ныряю в нее, то мимо я.
Жизнь реальная или кажется?
Настоящая или мнимая?
А зависит все от источника
И еще от того, что нажито.
Телевизор вопит истошненько,
Все мы вместе — в плену у гаджета.
Ты — с изюминкой или с родинкой?
Он — из Сирии или Йемена?
Как заметил ученый Шрёдингер,
Кот — и жив и мертв одновременно.
И поэтому в этой атомной
И субквантовой загогулине
Разобраться сегодня надобно,
Слишком много в ней понагулено.
Вы ведь люди иной формации,
Новый, можно сказать, народ.
Понагуглим же информации,
И — вперёд!

1

Был бомж Лаврентий девственно небрит,
Поджар и атлетичен, как Ван Дам,
Шел от носков чарующий иприт,
И голый торс туманил взоры дам.
Ему сказала бывшая: «Не жду!»,
Когда он срок недолгий завершил,
Теперь он на пленэр справлял нужду
И, строго говоря, на нем и жил.
Ему Москва повыносила мозг,
Пригрел его столичный криминал,
И свой закрытый порт Североморск
Он даже в страшных снах не вспоминал.
Помойка стала родиной уже,
Хоть доставал один районный мент.
А рядом, на последнем этаже,
Буржуя Толика парил апартамент.
К нему не так была фортуна зла:
Топ-менеджер, бюджеты ЖКХ,
Две спальни, зал и холл, три санузла —
Чем не портрет крутого жениха.
Он был богат, что Абрамович твой,
И руль судьбы не выпускал из рук.
Его папаша связан был с братвой,
Которая пилила все вокруг.
Казалось бы — мир тверд и нерушим
Для этих двух мужчин в расцвете лет,
Неведомо однако было им,
Что между дном и верхом грани нет.

2

ПЕРВЫЙ СОН БОМЖА ЛАВРЕНТИЯ

Бомжу Лаврентию приснился страшный сон,
Как будто кто-то прокричал «Алле!»,
И он, толпой фанатов окружен,
Вдруг, оказался голышом в Кремле.
Ему никто проходу не дает,
Собаки лают, колокол звонит.
Над ним Газпрома кружит вертолет,
Стоит царь-пушка с надписью «Зенит»,
«Я ж не из Питера», — хрипит стыдливо он,
Дает толпе понять, что не одет.
Но та скандирует: «Лаврентия — на трон!»
А власть безмолвствует. А власти — как бы нет.
И вот уже событий мчится ком,
Лаврентий в Думе, на коне, в ООН,
Уже соперников не видит он ни в ком,
Уже готов весь мир возглавить он.
В своем дворце, закрытом на засов,
Стоит у зеркала, держа стакан и плеть,
И думает о том, что без трусов
Гораздо проще этот мир иметь.
Ведь тут попробуй только мощь ослабь,
Оставят от тебя один скелет.
По зеркалу, вдруг, пробежала рябь,
Возник до слез знакомый силуэт,
И молвил, излучая доброту:
«Оденься. Ты простудишься, сынок».
Очнулся он. Весь — в ледяном поту.
Скамейка. Сквер. Собака возле ног.

3

ПЕРВЫЙ СОН БУРЖУЯ ТОЛИКА

Буржую Толику приснился страшный сон,
Был перед этим литр взят на грудь,
Как будто он взобрался на амвон,
Чтоб проповедь собравшимся толкнуть,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

И тут внезапно началась война,
Храм на засов закрыли сторожа,
Буржую сразу стало не до сна,
И он проснулся, в ужасе дрожа.
Спустился в залу. Накрывают стол.
Он стал на нем фужеры расставлять,
Но вместо гостя в двери черт вошел,
И он проснулся в ужасе опять.
«Никто во сне, ни прежде, ни теперь,
Не видит то, что не являет явь,
Давай же, Толик, всех своих тетерь
Во сне к такой-то бабушке отправь», -
Так говорил буржую личный врач,
Ведя успокоительный сеанс.
«А если страшно станет, то поплачь,
Ведь это твой последний в жизни шанс
Хоть что-то наконец-то сделать так,
Коль не успел так сделать до сих пор,
Поскольку ты — скотина и дурак.
Предатель Родины. Урод. Пошляк и вор.
Алкаш! Развратник! Ждёт тебя дурдом!»
Врач, вдруг, раздулся, словно шар, над ним...
Проснулся он на этот раз с трудом,
Ещё зачем-то Господом храним.

4

Она была не то, чтоб хороша,
Но были в ней изящество и шарм,
Светилась изнутри ее душа,
Переливаясь, как волшебный шар.
В детдоме начинался ее путь
Среди ворья, разврата и интриг,
В семнадцать лет, избавившись от пут,
Она шагнула в мир научных книг.
Мозги и память — было все при ней,
Вот только подвели краса и стать,
И, не имея спроса у парней,
Историком она мечтала стать.
В традициях верна Карамзину,
Везде искала новый поворот,
И, плотно изучая старину,
Любила видеть все наоборот.
Экзамены. Общага. Институт.
Страна дала ей пару новых крыл,
Она не понимала тех, кто тут
За что-то ее Родину корил.
Но тусовалась в обществе своих
Ровесников. В классических местах,
В которых дух познаний поутих,
Зато исчез и наказаний страх.
Все перспективы были ей видны,
Не липли к ней похабщина и грязь,
И в память об истории страны
Полиной Пересвет она звалась.

5

ПЕРВЫЙ СОН ПОЛИНЫ ПЕРЕСВЕТ

Она спала, как правило, одна,
Чужие рамки были ей тесны,
Испытывала сны она до дна,
Сполна анализировала сны.
Приснился ей панельный старый дом,
Покинутый жильцами впопыхах,
Который был заставлен барахлом,
Который нечистотами пропах.
Любая дверь вела ее во тьму,
Был безразмерен и ужасен дом,
Она бродила долго по нему
И выхода не находила в нем.
Ночь становилась призраков полна,
Игрушки оживали на полу,
Светила блекло из окна луна,
И кто-то спал, скукожившись, в углу.
Вот чья-то тень к себе ее манит,
Схороненный показывая клад,
Сверкает золото и тянет, как магнит,
Не позволяя отступить назад.
Вдруг — вспышка! Взрыв! Пробоина в стене!
Забилось сердце, страху в унисон,
Она, вдруг, ясно поняла во сне,
Что это никакой уже не сон.
Что это мир внутри нее самой
Высвобождается из спутанных тенет
И жаждет жизни яркой и прямой.
Пробил озноб Полину Пересвет.

6

Все схлопнулось, и старая Москва,
Поджилками от ужаса тряся,
Предчувствие последнего мазка
Приняв на грудь, захорошела вся.
Была дорога, а теперь — «кирпич»,
Какую жать прикажете педаль,
Когда непотопляемый Ильич
Зовет рукой в неведомую даль?
Как обстановку тут не накаляй,
«Что делать?» нам никто сказать не смог,
И смотрит Чернышевский Николай
На разночинцев, спящих возле ног.
Они, проснувшись, ищут в голове
Не мысли, а того, кто создал зуд,
И возлежат, как «Завтрак на траве»,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

И ждут, когда им устриц подвезут.
А рядом — та веселая братва,
Что видела нас вместе всех в гробу,
И, научившись двигаться едва,
Плюёт на все запреты и табу.
Вот — Яма. В ней спрессованы года.
Здесь хипстеры и вечность — просто сюр.
Ах, Белый город, кладка хоть куда,
Покруче, чем собянинский бордюр!
Но даже этот юный сброд притих.
Все схлопнулось. Не этак, так вот так.
Ведь робот Фёдор бродит среди них
И грузит непокорных в автозак.

7

ВТОРОЙ СОН БОМЖА ЛАВРЕНТИЯ

Сон для Лаврентия был больше, чем кино,
Он в нем не только ржал или рыдал,
Ему там было многое дано:
Петь, пить, любить, закатывать скандал
И даже убивать для куража,
А иногда стремительно летать,
И это для голимого бомжа
Была господней воли благодать.
Он начал понимать, зачем живем,
Куда идем слепой тупой толпой,
При этом в прежнем бытии своем
Он снов таких не помнил за собой.
Вот чей-то образ вспыхнул и погас.
Лаврентий муху отогнал с ноги.
Был при делах он и на этот раз,
Кому-то впаривал про смыслы и долги.
Шипели брызги океанских вод,
Шла крейсерская яхта прямо в ад:
«Пойми, чудила, в жизни всё пройдет,
Кому он нужен этот миллиард?
Ты лучше бы подумал о душе,
О тех, кто дохнет. Не просёк? А жаль!»
И вот уже французский атташе
Сдает пожить Лаврентию Версаль.
Они идут по галерее тел
Монархов, фавориток их и жён.
Ну а в Москве — привычный беспредел
И холод, тупо прущий на рожон.

8

Буржую Толику спокойно не жилось,
Манил его сомнительный экстрим,
Крутила жизнь рулетку вкривь да вкось,
И бог весть что выделывала с ним.
В Лас-Вегасе, поставив на зеро
Отмытый за границей черный нал,
У казино он вывернул нутро
Когда сто лямов у него забрал.
Снабжал его прикормленный банкир,
В недвижимость он вкладывал бабло,
Недешево ему давался мир,
А вместе с ним и мировое зло.
Но для системы был он в доску свой,
С рождения умел кроить бюджет,
Любые траты покрывал с лихвой
Поскольку для страны пределов нет.
Спасибо, власть, что не даешь всем красть,
Бразды твои лишь избранным даны.
Была у Толика возвышенная страсть,
Влекли его предметы старины.
Оружие, иконы, то да се,
Отчизны дух, короче говоря.
И тут он был готов почти на все
За Родину, за Веру, за Царя.
Войдя в патриотический угар,
Крича по пьяни: «Кто же здесь трепло?!»,
Он заключил пари, что на бульвар
С плакатом выйдет «Папа — не фуфло!».

9

ВТОРОЙ СОН БУРЖУЯ ТОЛИКА

Переступив под утро свой порог
И силы тела вычерпав до дна,
Обычно Толик спал без задних ног
И просыпался часто с бодуна.
И в этот раз он сдулся и обмяк,
Когда упал в роскошную кровать,
Во сне его преследовал сушняк,
И кое-кто пытался обнимать.
Порнушку показал ему Морфей,
Переплетались женские тела,
Но среди массы похотливых фей
Была одна лишь Толику мила.
Она носила скромное белье
И говорила все, как на духу,
Но шло такое что-то от нее,
Что судорога делалась в паху.
Он от нее хотел бы даже розг,
Она над ним распространяла власть,
И нечто посылала прямо в мозг,
И не давала penisy упасть.
«В помойке жизни лишь любовь права,
Поэзию любви тебе даю,
И также кропотливо, как слова,
Ты должен рифмовать и жизнь свою».

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Ах, Толик, Толик! Слушал бы ее,
И был бы ты, как ангел, шестикрыл!
Но суетно земное бытие,
Проснулся он, и сразу все забыл.

10

Полину Пересвет тянуло вниз,
В подпольный, потайной, сакральный мир,
Ведь сверху все произрастало из
Корней, могил, фундаментов и дыр.
Как в человеке спрятано все под
Покровом кожи, так и город жил,
Припрятав свой гигантский корнеплод
В сплетении подземных вен и жил.
И, опускаясь в нижние слои,
Где царствовали тайна и табу,
Она носила с гордостью свои
Доспехи, шлем и лампочку во лбу.
Она молилась: «Господи, храни
От темных сил, что правят тут!» Но власть
Не выносила диггеров, они
Все норовили не туда попасть.
В сокрытом от народных масс низу
Могли они пролить ненужный свет
На то, что ни в умах, и ни в глазу
У масс у этих и в помине нет.
Но именно за этим шли за ней,
В ее удушливый, опасный, темный мир,
Те, кто хотел стать круче и умней,
А также те, кого бесил их жир.
Однажды ночью, в сумрачной тиши,
Звонок раздался. Не звонок, а жесть.
— Хочу вдвоем под землю. Запиши.
— Что записать-то?
— Толик. Бабки есть.

11

ВТОРОЙ СОН ПОЛИНЫ ПЕРЕСВЕТ

В каких-то черных пятнах на руках,
Как будто перепачкана в угле,
Испытывая неподдельный страх,
Полина продвигалась в полумгле.
Картинка не совсем была ясна,
Вонзалась в мозг опасности игла,
Но по тропе осознанного сна
И так, и сяк бродить она могла.
Особенность в подкорке есть у нас,
В подспудном нашем мире наносном:
Отдаться дреме в предрассветный час
И управлять самим собой и сном,
И все при этом чувствовать. Она
Всю ночь искала там и тут отца,
И вот под утро стала ей видна
Дорога без начала и конца.
Подземный неприглядный коридор,
И двери, двери, двери по бокам...
Вдруг, за одной раздался громкий хор,
Осанну кто-то пел своим богам.
Она вошла бесстрашно в эту дверь,
Жрец-великан стоял перед толпой,
Покрытый шерстью, черный аки зверь,
Людской он массой помыкал тупой.
Она, дрожа, приблизилась к нему,
Он обернулся, страсти не тая,
И заревел: «О, дай же обниму!
Ты, наконец, нашлась-то, дщерь моя!»

12

Везёт героев наших в бункер лифт,
В те времена, когда была война.
Висит приказ. Хоть слишком мелкий шрифт,
Но подпись «Сталин» хорошо видна.
Один пока в историю не вник,
Другая путь свой знает наперед.
Полина — диггер, гид и проводник —
Буржуя Толика на подвиги ведет.
Они прошли сквозь залу, где экран,
И столики, и тумбочки в пыли,
Здесь умудрились сделать ресторан
И даже караоке приплели.
И дальше все продумано хитро:
Герб СССР, трибуна, стяги, крест,
Под куполом гигантским, как в метро -
Для юных патриотов супер квест.
Грохочут за стеною поезда,
Все сразу крепнут ду́хами в борьбе,
И светит ярко красная звезда,
И гимн играет. Тот. ВКП(б).
А вот и заповедный кабинет:
Планшет, мундштук, раскрытый Маркса том...
Вдруг, побелевший Толик крикнул: «Не-е-е-ет!!!»
Генералиссимус склонился над столом.
Над операцией он думал войсковой.
Полина усмехнулась: «Ерунда!
Не бойтесь, Толик! Он же восковой».
И, в тьму шагнув, сказала: «Нам сюда».

13

Зимой бомжи — на грани бытия,
Их гнал мороз в метро свозь черный ход,
Но у Лаврентия тропа была своя,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Через коллектор Яузских ворот.
Среди бродяг не водится жучил,
Но есть авторитеты и бичи,
Премудростям бомжа его учил
Слепой старик, всевидящий в ночи.
Когда-то взят судьбою в оборот,
Забыт семьей, друзьями и страной,
Он пустоту у Яузских ворот
Считал своей обителью земной.
И говорил Лаврентию: «Смотри
Вокруг себя не телом, а душой,
Тогда все то, что у тебя внутри
Снаружи станет ценностью большой.
Здесь, под землей с тобой я вечность ем,
Ведь рядом, где мы мир в себя вольем,
Есть раса тех, кто управляет тем,
Что людям сверху кажется нулем.
Мы, глядя ни вперед и ни назад,
Разломим древних истин каравай,
А верхние тут ищут только клад,
Дерьмо былых богатств им подавай».
Старик тот умер, ставши частью вод
Подземных рек, текущих прямо в Стикс,
Ну а Лаврентий снова шел в поход
И ждал, когда наступит время «икс».

14

Кто хоть однажды видел срез того,
Что зреет там, в глубинах, под Москвой,
Понять не сможет только одного:
Как этот город до сих пор живой?
Во-первых, тут пробили, что смогли,
Всё основание вчистую сокруша,
И, во-вторых, все органы земли
Изношены, как печень алкаша.
К тому же, непонятно, что внутри,
Откуда — то сокровища, то гной?
Два города, а, может, даже три
Не числятся на карте ни одной.
Сюда спускаются, врываются, ползут,
Дорогу к неизвестному торя.
Ведь даже ЛиберЕя тоже тут —
Библиотека Грозного царя.
Здесь разъезжают скрытные вожди,
Прислужники их напускают мрак,
И ничего хорошего не жди,
Коли проникнет в эти недра враг.
Сюда гигант, зовущийся «никто»,
Освобождая залежи в паху,
Сливает нечистоты и все то,
Что больше непотребно наверху.
И даже, пережившие аборт,
Зародыши смогли сюда пролезть,
В зловонных закутках твоих аорт
Кто ныне обретается? Бог весть!

15

Буржуй забыл про все свои дела,
Проснулся в нем азарт. И неспроста.
Полина в гущу Толика вела,
В глухие, заповедные места.
Там было нечто, что она сама
Еще не ведала. Ходил неясный слух,
Что в этой точке — счастье от ума,
Что там всегда бывает два из двух,
Что, якобы, там некие бомжи
Все ценное несут со всех сторон,
И, одолев земные рубежи,
Всем помогают сделать явью сон.
— Не слишком ли мы заплутали, Поль?
Воняет больно! Где же закрома?
— Хотел обогатиться ты? Изволь!
Любой каприз там будет задарма.
Давай пройдем вперед еще чуть-чуть,
Еще пролезем пару-тройку дыр,
И завершим с достоинством свой путь,
Как курица, попавшая в тандыр.
— Смотри, какие часики! Улёт!
Чувак носил классический Брегет!
— Вперед! Не попадайся в переплёт!
Он — труп, и до него нам дела нет.
На главное оставим свой запал.
Там — цель. Все остальное — просто муть.
Вдруг, поскользнулся Толик и упал,
И начал в жидком месиве тонуть.

16

Лаврентий, хоть ценил своих братов,
Но строил персональный пьедестал.
Он всей душой был к подвигам готов,
И грезить о любви не перестал.
В потемках катакомб судьбу верша,
Протискиваясь через вонь и грязь,
Мечтал о том, чтоб чтили кореша
Его дела, восторгами давясь.
Недалеко от ямы выгребной
Качнулась, вдруг, земля то вкривь, то вкось,
Услышал он тревоги позывной,
«Твою же ....!» — по тоннелям разнеслось.
Перетянув резинку от трусов,
Пожар эмоций ощутив в груди,
Он бросился на этот страстный зов,
Не ведая, что будет впереди.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Внутри себя взволнованный до слез,
Но в руки взял себя, когда вблизи
Увидел, как стенает, и всерьез,
Какой-то фраер по уши в грязи.
Содрав свои последние штаны,
Не замечая никого кругом,
Он ими стал тянуть из глубины,
Орущий что-то про Полину, ком.
И вот они лежат уже вдвоём,
Дыша взахлеб, у бездны на краю,
И, вдруг, звучит, как будто прямо в нем,
Девичий вздох: «Ты спас и жизнь мою!».

17

Они, как в сказке, сделав оборот,
Предстали еще краше и целей
У животворных родниковых вод,
Текущих из заржавленных щелей.
Один, умывшись, пестовал свой дух,
Второй был счастлив, что остался жив,
А третья млела, вещи братьев двух
На трубах теплотрассы разложив.
Воистину, теперь уже сродни
Всем закоулкам этих дыр и нор,
Как боги полуголые, они,
Вели непринужденный разговор.
— Ты кто такой? — спросил из темноты
Абориген, — И что забыл ты тут?
— Да Толик я. Вот с ней иду. А ты?
— Я местный. Все Лаврентием зовут.
— Ты наш спаситель! Дай мне руку, брат!
Но я не даром опустился вниз,
Ведь где-то здесь, в подполье, говорят,
Исполнить могут твой любой каприз.
— А что ты хочешь? Выпить что-то, съесть,
Или бабла тебе, как каждому рвачу?
— Да дело в том, что у меня все есть,
Найдешь мне тут мечту, — озолочу!
— Я вижу, не доволен ты судьбой,
Я за мечтой и сам сюда проник,
А та, что чуть не сверзлась за тобой,
И есть теперь наш общий проводник.

18

— Как в «Сталкере», — сказала Пересвет, —
Путь. Зона. Трэш. Такая же фигня.
Тарковского смотрели? Вижу — нет.
Короче, есть задумка у меня.
Я знаю все ходы наперечёт,
Они не зря нас вместе тут свели,
Сюда ведь не одно дерьмо течёт,
Сюда текут все мудрости земли.
Подземное предание гласит,
Что тем, кто вышел целым из дерьма,
К запасам открывается транзит
Народного глубинного ума.
Нам только нужно сделать ритуал
И лечь фигурой правильной на пол.
«Как в «Камасутре», — Толик подсказал.
Лаврентий возмутился: «Балабол!
— Взялись за руки! Ноги — внутрь. Вот так.
Сейчас нам все расскажет наш астрал.
— Надеюсь, это нужный нам life hack.
Запомнить надо, — Толик снова встрял.
— Мы — шестигранник. В нас — победы ключ.
Отриньте из мозгов любую слизь!
Наш разум всеобъемлющ и могуч.
Все думы — о хорошем. Напряглись!
И вот они лежат, как дураки,
Не наблюдая сообща часов...
И, вдруг, издалека — шаги, шаги
И перекличка детских голосов.

19

Грязь, мусор, тлен, источник всех зараз,
Младенцев нежелательных тельца
Сливались вниз, спускались в унитаз,
В круговорот начала и конца.
В нем что-то выживало и росло
Из химии, отходов, биомасс,
Во тьме мутантов множилось число
Гомункулусов подземельных рас.
Там шел свой генетический отбор,
И кто остался, был уже из тех,
Кому никто не может дать отпор
В свершении их планов и утех.
Из брошенных и спрятанных сюда
Вещей, деталей, ценностей и тел
Они собрали мини города,
Где каждый делал все, что он хотел.
Слепые, не видавшие ни зги,
Предвидели они любой аспект,
И сами в свои детские мозги
Искусственный вживили интеллект.
При этом, заправлять могли бы всем,
Но осторожны были и мудры,
И мир свой открывали только тем,
Кто выполнял их правила игры.
В те дни, непривлекательна на вид,
Возглавила их светлые умы
Хоть инвалид, но яркий индивид,
Святая Грета — королева тьмы.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

20

Среди подземных вод и нечистот
Фонарик где на всех был лишь один,
Происходил секретный саммит тот —
Обычных смертных и детей глубин.
Они молчали сразу обо всём,
В них голос Греты, как набат звучал:
«Мы — дети дна. Мы истину несем.
Мы — падшие. Начало всех начал.
Посредством нами созданных программ
Могли бы мы весь мир перевернуть.
Но зная все, что происходит там,
Мы просто вам укажем новый путь.
Вы — пленники своих убогих мест,
Мы сможем вас избавить от помех.
Не бойтесь, Толик, вас не ждет арест,
Лаврентий, попадете вы наверх.
И вы, Полина, полная надежд,
Проденете в ушко златую нить,
Найдете среди дурней и невежд
Того, кто вас сумеет оценить.
Лишь одного вам будет всем нельзя:
Раскрыть секрет наш в суете земной.
Готовы ли вы к этому, друзья?
И если «да», то следуйте за мной».
«Конечно же!» — вскричала Пересвет, —
Как говорят у нас: «Да не вопрос!»,
Лаврентий уточнил: «Базара нет»,
«Веди, начальник», — Толик произнес .

21

СВАЛЬНЫЙ СОН БУРЖУЯ ТОЛИКА, БОМЖА ЛАВРЕНТИЯ И ПОЛИНЫ ПЕРЕСВЕТ

Накрыли их каким-то колпаком,
Фонарик к тому времени погас,
Они синхронно думали о том,
Что вляпались всерьез на этот раз.
Но также вместе начали они
В один и тот же погружаться сон:
Высвечивали странные огни
Картины зон подземных в унисон.
Кругом кружились круглые круги,
Они и сами, вдруг, кругами став,
То космосом, то вихрями пурги,
Меняли свою сущность и состав.
В них бесконечность билась так и сяк,
И вечность их рожала без потуг.
Заканчивался цикл, и страх иссяк,
Галактики пустили их в свой круг.
И круг за кругом поглощая мир,
Мега огромна и видна едва,
Во времени оставив свой пунктир,
Жила кругами и росла Москва.
И в тех, кто не сошел пока с ума,
И жил еще в отрезке этих лет,
Одна и та же исчезала тьма,
Один и тот же появлялся свет.
Начало и физический конец
Не измерялся больше их лицом,
Не создавал их никакой отец,
А сами они были тем отцом.

22

Их оболочка стала им тесна,
Они там побывали неспроста.
Полина первая очнулась ото сна,
Узнав вокруг знакомые места.
Ей были ее сверстники видны,
Усевшиеся в Ямы полукруг,
Напротив белокаменной стены
Бессмысленно губившие досуг.
Какая-то девчушка-травести,
Какой-то мальчик с тушью на глазу.
Она им так хотела донести
Все то, о чем узнала там, внизу!
О том что выше смерти и возни.
Раздался чей-то голос за спиной:
— Полина, я волнуюсь, черт возьми?!
— О, Боже, Толик, это ты, родной?!
Он был смущен и искренне польщен
Таким приемом.
— Где, Лаврентий, Поль?
— Остался с Гретой.
— Что?!
— Влюбился он.
— А я в тебя.
— Ты?!
— Не могу я, что ль?
Стоят они, подземной вышиной
Пронзенные, в мечтах своих простых,
Прониклись все, кто были под стеной,
И робот Федор тоже, вдруг, притих.
— Я знаю высший замысел отца, —
Промолвил Толик, — С ним во тьме — светло!
И, восхваляя действия творца,
Плакат он поднял «Папа — не фуфло!».

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ХЭППИ ЭНД

Не для протестных задержаний или драки,
А в память исторических корней
К Хохловской площади съезжались автозаки,
Везли сюда девчонок и парней.
Не для какой-то дискотеки гадкой,
А для со всей страной телемоста
Висел экран над белой древней кладкой,
И все это творилось неспроста.
Никто не заикался об аренде,
Дом рядом не выказывал укор,
Из подземелья бывший бомж Лаврентий
Вел с молодежью трудный разговор.
Шел диалог о будущем, о главном,
В него включались лучшие умы,
И каждый в этом был друг с другом равным,
И кто-то светом управлял из тьмы.
Такого еще не было дотоле,
Да и в реальности, похоже, тоже нет.
Хоть стал для всех героем спонсор Толик —
Любимый муж Полины Пересвет.

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11111

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Н. М. Чернова

СТИХОТВОРНАЯ ПАЛИТРА

Аннотация. *Настоящая подборка стихотворных произведений объединена единой темой поиска смысла человеческого бытия, которая хорошо раскрывается следующими словами: Что такое счастье? / Есть ли где душа? / Обуревают страсти? — / Спросишь, чуть дыша. / Вырастут ли крылья? — / Что мудрость говорит?/ Задаюсь вопросами, / А душа болит. Сказку расскажу тебе, / И ты её прими: / Сердцем ли, руками / Всю землю обними… Расскажу я сказку, / Только ты пойми…*
Ключевые слова: *птица, мудрость, счастье, душа, звёзды, летать, предназначение, искусство, наука, сказка.*

N. M. Chernova

POETRY PALETTE

Summary*. The selection of poetic works is united by a single topic of the search for the meaning of human existence, which is well disclosed in the following words: What is happiness? Is there a soul? Passionate? You ask, breathing a little. Will the wings grow? What does wisdom say? I ask questions, but the soul hurts. I'll tell you a fairy tale, and you accept it with your heart, hands. Hug the whole earth… I'll tell a fairy tale, but you understand …*
Key words*: bird, wisdom, happiness, soul, stars, fly, mission, art, science, fairy tale.*

ЗДРАВСТВУЙ, ЛОШАДЬ

Здравствуй, лошадь! А я тебя знаю:
Ты живёшь у соседей моих.
Те в повозку тебя запрягают…
А давай, мы ускачем от них?

Будем вместе скакать по полям,
И овса мы дадим воробьям.
По тропинкам мы будем бродить,
Из реки станем воду мы пить.
И хотя мы устанем с тобой,
Ни за что не вернёмся домой:
Мы уедем с тобой в Роттердам,
Развлекать ребятишек и дам…

Лошадь! Что же? Ну что ты молчишь? —
Ой, прости: ты, наверное, спишь?..

ОБ ИСТИНЕ

Через каналы заблуждений
Течёт всё истины река,
Река рождений и забвений —
Течёт река издалека.
Издалека река течёт.
И, путь ещё к ней не пробивши,
Всё реку эту кто-то ждёт —
И умирает, не испивши
Воды из истины реки.
Так пробивайся ей навстречу!
И встретитесь быстрее вы.

О СОВЕСТИ

Зачем нужна совесть?
Зачем *эта му́ка*?

© Н.М. Чернова

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11112
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Затем, чтобы мог я
Подать тебе *руку*.

И если в мерзавце,
Пусть, в самом последнем,
Вдруг совесть проснётся, —
Достоин прощенья!..

Судья наша, совесть, —
Внутри человека:
У зверя нет совести —
Её нет от века …

МЫСЛЬ

Надоедливою мухой
Мысль кружи́тся над тобой,
Надоедливою мухой
Всё жужжит над головой.

И руками и газетой
Эту муху ты гонял:
— И за что мне всё вот это?
И ловил, но не поймал…

ЦВЕТ ЖИЗНИ

А какой у жизни цвет?
Жизни цвет какой?
Может, красный или жёлтый?
Может, голубой?

Ну, какой же жизни цвет,
Вашей жизни цвет?
Может, серый, чёрный, белый?
Или красок нет?..

ЧТО НАДО ЧЕЛОВЕКУ?

Есть и пить;
Стирать, и своё тело мыть.
А если заболел, лечиться и лечить.
Учиться надо и учить —
Ведь человеку много надо знать!
Ещё любить, ещё страдать.
И мыслить надо! И творить!
На скалах, стенах рисовать,
Писать картины и стихи писать.
Читать, и петь. Ещё летать!
Так надо в этом мире жить,
Чтобы достойным этой жизни быть!..

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?

Искусство не для соревнований,
Ему другое назначенье…
Искусству есть предназначенье:
Искусство — жизни украшенье!

Где есть мерила результатов
И планки, чтобы оценить…
Зачем секундомер таланту?
Ворота? Чтоб голы забить?

Искусство — это ощущенье,
Наука, чтоб воспринимать,
Гармонией наполнить окруженье,
Изяществом все души наполнять …

ПО ТРОПИНКАМ ВОСТОЧНОЙ МУДРОСТИ

I

Что у вас хорошего,
Того — не забывайте.
А чего не знаете,
Лучше изучайте.

II

Всякое может
Случиться с людьми —
Не осуждай второпях.
Подожди…

III

Когда пытаешься осмыслить,
И то невольно удивляет,
Что даже чёткие ответы
Вопросов массу порождают…

IV

Давайте же будем
Немного скромнее:
Признаем, что правда,
Возможно, левее,
Возможно, правее,
Да всё ж не вполне
Находится прямо
На твоей стороне…

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11112

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

V

Я ненавижу насилие —
Ему научить не могу.
Прошу, не склоняйте голову,
Не подчиняйтесь врагу
Даже ценой вашей жизни.
Но, как же вас научить? —
Будете жизни и смерти достойны,
Вам головы не склонить!

VI

Кто сказал — не важно,
Важно, *что* сказал.
Размышляй над этим…
Ты же это знал?!

VII

Молчание становится предательством, —
И, молча, вы не созерцайте.
Любите грешника,
Но ненавидьте грех.
И правду мёдом заправляйте.

VIII

Человек после смерти
Оставляет имя.
Гусь, пролетая, оставляет шум.
Гусю важны его крылья,
А человеку — ум!

IX

Ты на врага
Всю тяжесть гнева
Не обрушай:
Он другом может
Стать когда-то.
Вот это знай!

КАК ХОРОШО БЫТЬ ПТИЦЕЙ!

Как хорошо быть птицей:
Крылом взмахнуть —
Такие разные всё лица —
На них взглянуть.

И облететь все страны мира,
В них — города,
И, где нога не проходила,
И, где вода.

Всё посмотреть на земном шаре —
И умереть,
И на другой звезде родиться
И полететь.

Как хорошо быть птицей!
Уметь летать
И полететь за счастьем —
Его догнать.

Дорогой звёздной яркой
Лететь — летать.
И принести всем счастье —
Его раздать!

***

Меня спросили: — Ты ещё летаешь?
— Нет, разучилась, знаешь ли…
Не знаешь:
Мне крылья потихоньку подрезали,
Связали ноги, руки мне связали,
На сердце положили камень,
Душа пылала — загасили пламень…

Хоть рвётся ввысь душа, ей невдомёк,
Что не подхватит лёгкий ветерок,
И сердце не горит.
Душа болит, что выжжена
И больше не палит …

Меня спросили: можешь ты летать? —
Тогда ведь надо вольной птицей стать!..

***

Я не помню, когда,
И не помню, куда
Я брела через тернии.
К звёздам?

Я до звёзд не дошла,
Счастья не обрела,
А теперь уже поздно.
Поздно?

Я смотрю на природу,
Я смотрю на людей,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11112
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Обращаюсь я к Богу:
Помоги мне скорей!

И наверно не знаю
И не вижу: Бог — здесь?
В пустоту вопрошаю:
— Принеси же мне весть.

— Ты куда-то идёшь?
Помогу тебе, чадо.
Что с собою несёшь?
Чем помочь тебе, надо?

— Задаю я вопросы,
И не слышу ответ.
Но возможно, быть может,
Ответа и нет?

О КОЛОБКЕ

Однажды некий Колобок
От деда с бабкою утёк.
А впереди — весь белый свет,
Коль впереди оврагов нет.
Встречает Зайца Колобок:
— Ты знаешь, Заяц, я утёк.
Но Заяц лапки потирает —
На Колобка «слюну пускает».
Эх, Заяц, — Колобок вздыхает —
От Зайца быстро убегает.
И Волка Колобок встречает,
Ему всю душу раскрывает:
— Ты знаешь, Волк…
А Волк
Зубами щёлк, да щёлк, да щёлк…
И от него удрал.
Вот незадача…
И видит Колобок — медвежья дача.
— Послушай же меня, Медведь!
Могу я песни громко петь…
Медведь на Колобка взирает —
И тоже лапы потирает.
У вас есть совесть или честь?
Хотите только меня съесть!
Что за народ в лесу пошёл…
Так Колобок к Лисе забрёл.
Лиса приветлива, добра,
Ещё мудра, ещё хитра…
Лиса не станет меня есть —
Могу я к ней и на нос сесть!
И спел ей песню Колобок!
Уж был бы спрос — так будет толк…
Не надо и в овраг упасть,
Когда у зверя лисья пасть!

РАЗНОЦВЕТНАЯ СКАЗКА

Чёрная бумага, чёрные чернила —
Я нарисовала чёрным крокодила.

Крокодил был чёрный
В чёрном-чёрном небе —
Сон такой приснился,
Радостным он не был:
Чёрный-чёрный крокодил
Платье чёрное носил,
Галстук-бабочку. И вот
Пусть беззвучно, но поёт.
В чёрном небе он летел,
Ветер в крыльях так свистел,
Что проснуться захотел
Тот, кому он надоел…

Страшная, страшная сказка.
На ночь её вы не слушайте, дети.
Сказка должна быть как ласка,
Доброе слово нести всем на свете.

Белый-белый крокодил
Солнце алое носил,
Белым был как белый свет.
Ранним утром солнца нет.
Крокодил принёс — берите!
Утром с солнышком вставайте.
Если спать ещё хотите,
Окна настежь раскрывайте!
Крокодил был белый
В светлом-светлом небе…
Сон под утро снился —
Чёрным вовсе не был.

Чёрный-чёрный крокодил
Белый цвет он поглотил.
Белый-белый крокодил
Белый свет он возродил.

Славный, славный крокодил —
В людях чувства пробудил.

Белая бумага, белые чернила —
Я нарисовала белым крокодила…
Крокодил был белый, только *что* обидно:
Белого на белом никому не видно…

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11112

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

Про крокодилов написать поэму?!
Так продолжим эту тему:

А зелёный крокодил
Левым глазом так *косил*…
Я подумала: моргнул,
Или просто подмигнул?
Крокодил зелёный,
Вот что интересно:
Спать ложась, я снова
Вспоминаю песню:
«Мне опять приснился
Крокодил зелёный…»
Буду спать сегодня
Очень удивлённой…

Удивлённый крокодил —
Что он в людях пробудил?

Белая бумага, красные чернила —
Я нарисовала красным крокодила.

Красный-красный крокодил,
С саркастической усмешкой
Он по Африке ходил:
Шуткой здесь и шуткой там
Наводил он тарарам!..

Ну, а жёлтый крокодил,
Словно солнышко, сиял.
Он от уха и до уха
Нам улыбку показал.

В жаркий день, в пустыне, может,
Крокодил был обезвожен.
Долго он не пил, не ел —
И, конечно, похудел.
Превратился он в варана,
Съел, примерно, двух баранов
Полетел за облака —
Задал всем там трепака…
Славный танец был трепак —
Танцевать он был мастак.

Возвратится он опять —
Мы его не будем ждать…
Потому что будем спать —
Мигом глазки закрывать!..

Разноцветный крокодил
Где-то рядом проходил.
Разноцветные рубашки
Он по праздникам носил.
Разноцветный крокодил
Солнце в небе не глотал,
Потому что был один,
Но, а солнца было два.
А второе солнце где?
Может быть, плывёт в воде?
Раз второе солнце есть,
Как же можно его съесть?
Развесёлый крокодил,
Почему ты нам не мил?
Потому что очень рано,
Всех ты рано разбудил:
Белозубою улыбкой,
Словно солнышко, светил.
Разноцветный крокодил,
Словно радуга сиял —
Каждый новый день недели
Он рубашечки менял:
В понедельник — красную,
Оранжевую — во вторник,
Жёлтую — в среду,
В четверг — зелёную,
В пятницу — голубую,
Синюю — в субботу,
В воскресенье — фиолетовую
Он рубашки надевал…

Продолжаться могут вечно
Эти сказки разноцветные —
Всё шуршат-шуршат-шуршат,
Словно фантики конфетные.

Белая бумага, краски многоцветные,
Я всё рисовала сказку разноцветную…

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11112
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Б. Т. Чувин

ФОРМУЛА КРАСОТЫ

Аннотация. *В настоящей статье автор даёт оценку феномена Красоты, основываясь на сформированных в человеческой культуре понятиях добра и зла, прекрасного и уродливого во всех проявлениях окружающей действительности, реализованных в творениях Природы, ума и рук человеческих. Автор рассматривает три ключевых компонента красоты: интеллектуальный компонент, психоэмоциональный компонент, биологический компонент, аппроксимируя эти понятия и на социальные проблемы, стоящие перед современным человечеством. В этом заключается новизна в раскрытии традиционных понятий красоты, гармонии и совершенства…*
Ключевые слова: *красота, гармония, целесообразность, жизнь, интеллект, зло, добро, безобразность, смысл, истина.*

B. T. Chuvin

BEAUTY FORMULA

Summary*. In this article, the author evaluates the phenomenon of Beauty, based on the concepts of good and evil formed in human culture, beautiful and ugly in all manifestations of the surrounding reality, realized in the works of Nature, the mind and human hands. The author considers three key components of beauty: the intellectual component, the psycho-emotional component, the biological component, approximating these concepts to the social problems facing modern mankind. This is the novelty in revealing the traditional concepts of beauty, harmony and perfection …*
Key words*: beauty, harmony, expediency, life, intellect, evil, good, ugliness, meaning, truth.*

«А, если это так, то что есть красота?
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде…»

В этих строчках поэт Николай Заболоцкий даёт право каждому из нас сделать выбор в ощущении и понимании глубокого смысла, вложенного в это слово — **Красота**. Для каждого человека восприятие красоты глубоко индивидуально, как индивидуальны и неповторимы наши характеры, восприятие мира и жизни, наши судьбы. Но есть нечто глубинное, порой неясно очерченное в поступках, словах и мыслях, что объединяет красоту цветка, красоту пейзажа, красоту математических уравнений и красоту строчек прозы или поэзии, музыки. Гармония, мера проявления, целесообразность и согласованность, резонанс духовного и физического начал в бытии — вот далеко не полный перечень понятий, входящих в человеческое восприятие феномена красоты.

Именно — человеческое восприятие. Вряд-ли бабочка или цветок орхидеи «осознают», что они красивы. Узор цветных пятен на крыльях бабочки — биологически целесообразен. Он участвует в видовом определении для самца и самки в период спаривания, а геометрия цветка орхидеи — есть лишь идеальное приспособление для участия насекомых в опылении, т. е. проще говоря, цветок, как орган размножения насекомоопыляемых растений, всей своей формой, геометрией, цветом и запахом — также биологически глубоко целесообразен

© Б. Т. Чувин

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11113

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

и целесообразность эта отшлифована миллионами лет эволюции и естественного отбора.

Но первое, что приходит на ум человеку, смотрящему на бабочку, опустившуюся на цветок орхидеи, — Какая красота! Какая гармония природы живых существ окружающего мира! Чего, отнюдь, не скажешь, при взгляде на паука или сколопендру… Но ведь и эти существа в своём биологическом ряду — само совершенство. Поэтому понятие красоты, смысл, который мы вкладываем в это слово, присущи, по-видимому, только человеку, специфике его сознания и мышления.

Как уже отмечалось выше, понятие красоты — комплексное и многоплановое, но, несомненно, в большинстве случаев, связано с человеческим сенситивным мировосприятием. И здесь ведущую роль в восприятии красивого играют органы зрения и слуха. Ведущую, но не основную.

Мы не знаем (пока!), что происходит в нейронных сетях мозга, где формируются и возникают «ощущение» и восприятие чувства прекрасного, чувства красоты, но, несомненно, нейрофизиологические и нейрогормональные механизмы, разворачивающиеся в структурах мозга и проявляющиеся в глубоко эмоциональных переживаниях, сопровождающих «прикосновение к прекрасному» — имеют место быть.

Ощущение и восприятие феномена красоты тесно связано со сферой психоэмоциональных реакций человека. Когда мы смотрим на картину Шишкина *«Рожь»,* мы испытываем ощущение созерцания не просто мастерски исполненного пейзажа русской природы, мы как бы прикасаемся к внутреннему миру художника, сотворившего этот шедевр. Зрительное восприятие композиции, гаммы красок, отдельных деталей (сосны, облака, колосья ржи и т. д.) лишь запускают внутри нашего сознания сложнейшую гамму целостного ощущения и восприятия **красоты,** наполняющей содержание картины.

Аналогичные процессы происходят, когда мы воспринимаем звучание музыкального произведения (мелодия, песня, симфония, музыкальный этюд и т. д.). Здесь доминантным каналом, запускающим те же психоэмоциональные механизмы, служит орган слуха.

Но результат оказывается тем же — возникновение чувства красоты (музыки, пейзажа, строк стихотворения и т. д.).

Восприятие красоты может быть глубоко индивидуальным. Одним *«Чёрный квадрат»* Малевича представляется шедевром, другим — полной бессмыслицей.

Кому-то нравится музыка Бетховена, кто-то впадает в эмоциональный транс от произведений современных Beatles. Диапазон восприятия красоты — чрезвычайно широк и зависит от этнических традиций, уровня культуры, воспитания, порогов психоэмоционального восприятия действительности.

Мы все очень разные… Отсюда и разное восприятие красоты. Значит ли это, что объективных критериев оценки, а тем более, возможности вывода Формулы Красоты, не может быть в принципе? Попробуем подойти к этому вопросу с несколько иной стороны.

Красиво ли человеческое тело? Вопрос не просто риторический. Существуют объективные критерии оценки красоты именно человеческого тела. Эталонами могут служить, например, скульптуры *Аполлона Бельведерского* или *Венеры Милосской,* но практически все дошедшие до нашего времени скульптуры мастеров древней Греции или Италии поражают не только тонкостью и изяществом исполнения, но и удивительной гармоничностью поз и пропорций. **Пропорции,** т. е. соотношения размеров и геометрии частей человеческого тела не только точно (!) соблюдались мастерами Эллады и Рима, им было известно правило «золотого сечения»: если разделить скульптуру того же Аполлона на два отрезка (от макушки до пупка и от пупка до основания стоп), а затем больший отрезок разделить на меньший, мы получим число 1,615. Даже незначительные отклонения от этой пропорции будут восприниматься, как дисгармония, нарушение в восприятии именно красоты человеческого тела. Это может показаться удивительным, но правило золотого сечения работает не только в конструкции такого сложного объекта живой природы, как человеческое тело.

Отношение диаметра внутренней части ромашки (группировки тычинок) к общему диаметру цветка для большинства подвидов этого семейства также равно 1,615. Именно такое соотношение диаметра белого венчика и жёлтой сердцевины оказалось оптимальным для восприятия органами зрения насекомых, опыляющих эти цветки. Эти пропорции — биологически целесообразны.

И таких примеров с участием «волшебного числа» — 1,615 в окружающей нас живой природе и в нас самих, можно найти множество…

Так что же? В основе восприятия чувства красоты лежит прежде всего **целесообразность**? Но, когда математик говорит (и с полным на то основанием), что данное уравнение — **изящно,** а математическая теория — **красива,** он, оперируя совершенно абстрактными математическими понятиями,

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11113
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

символами и числами, тем не менее, получает ощущение и восприятие **красоты**. Красоты и смысловой наполненности логических операций, происходящих в глубинах мозга, в сознании и мышлении человека. То же самое можно сказать и о физике. Создание теории калибровочных симметрий и суперструн раскрывает перед нами внутреннюю красоту организации микромира и всей Вселенной.

Но выше мы уже отмечали, что Природа говорит с нами на языке математики, а фундаментальные Законы и Константы Мироздания существовали задолго до появления мыслящей материи — мозга человека планеты Земля. Они будут существовать и после… если человечество красоте, сложности, неповторимости и хрупкости жизни будет и дальше пытаться противопоставлять ничем не оправданные притязания на исключитель-ность, позволяющие безумно и жестоко растаптывать свою собственную колыбель.

Феномен Жизни, реализующийся в масштабах Мироздания, несомненно, является одним из самых ярких проявлений Организующего Начала Мироздания (ОНМ). Независимо от форм реализации в конкретных звёздно-планетных системах, **Жизнь,** как явление, не может быть результатом случайных (спонтанных) преобразований вещества, энергии и информации. Даже на примере модели жизни нашей планеты можно убедиться в неизбежности её существования в масштабах всей Вселенной (Вселенных!) как и в её потрясающей сложности, уникальности и красоте. Именно эти её качества взывают к человечеству с острейшей необходимостью защиты и сохранения жизни перед надвигающейся опасностью Апокалипсиса: ядерного, вирусно-бактериологического, психотропного, информационного и т.д. …Красота спасёт мир! — известные и обнадёживающие слова вселяют надежду, но до практических шагов к этому, увы, пока ещё очень далеко.

Формула Красоты, даже с привлечением языка математики, вряд ли может быть когда-либо выведена. Пока это скорее уравнение со многими неизвестными. Какие физические константы, числа и соразмерности должны входить в эту формулу и в каких соотношениях — пока непонятно.

Но важно другое: ощущение, восприятие, и самоосознание **красоты** этого мира, частичкой которого являемся мы — люди планеты Земля, столь же остро необходимо пробуждать в каждом из нас каждой мыслью, каждым действием, каждым внутренним движением разума, всей своей жизнью, столь неожиданно подаренной каждому из нас.

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что в понятие красоты мы вкладываем три составляющих: *интеллектуальный компонент, психоэмоциональный компонент, биологический компонент.*

Интеллектуальный компонент. Интеллект, способность к логическому мышлению, способность к абстрактному мышлению, широта знаний, уровень профессионализма, контроль проявления характера и эмоций.

Психоэмоциональный компонент. Словесно-образная оценка явления (Красиво! Прекрасно! Великолепно!…). Вегетативные реакции организма: выброс адреналина и норадреналина надпочечниками, дофамина, серотонина, повышение ЧСС, мимика, жестикуляция, общий фон настроения.

Биологический компонент. Красота биологически глубоко целесообразна. В человеческом мировоззрении она даёт возможность ощутить гармонию природы и самосознания в сложнейшей гамме чувств, эмоций, действий и поступков. Все это заложено в геноме каждого конкретного человека. Личности. Психоэмоциональные холерики при оценке феномена красоты могут сильно отличаться от таковых у флегматика или меланхолика. Но это вовсе не означает, что этим двум типам не свойственно понимание и восприятие красивого. Просто уровень проявлений реакций у них иной, чем у людей с холерическим типом психоэмоциональных проявлений.

Автор предлагает читателям самостоятельно поразмышлять над возможностью объединения трёх вышеуказанных компонентов в гипотетическом коэффициенте интеллекта — IQ, задействованном в «Формуле Красоты», где непременно должны участвовать и такие понятия, как «Гармония единств множеств», «Смысловое наполнение», «Одухотворенность феномена».

И что особенно важно, эти компоненты должны раскрывать глубинную сущность КРАСОТЫ, переданной человеку Организующим Началом Мироздания.

Рассуждения о феномене красоты могут быть неполными, если не коснуться понятий альтернативных красоте: хаоса, безобразия, уродства и прочих отрицательных черт в мироустройстве и человеческих проявлениях.

Что касается неодушевленных предметов, то здесь всё проще: это платье красиво, а этот комод — просто безобразен!… Относительно качеств человека (внешних и внутренних) всё гораздо сложнее. Отрицательные эмоции могут быть вызваны чем угодно, особенно при оценке поступков человека относительно людей, животных, в бытовой сфере или профессиональной деятельности.

Если мы оцениваем поведение или поступок человека как некрасивый (!), это значит, что мы

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11113

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

вторгаемся в сферу межличностных социально очерченных правил и установок, в сферу морали, этикета, этики и эстетики.

Эти категории вырабатывались и отшлифовывались в пластах культуры веками, а возможно и тысячелетиями.

Извечное противостояние ДОБРА и ЗЛА явно проявляется и в дизъюнкции КРАСОТА — БЕЗОБРАЗНОЕ. При этом следует подчеркнуть, что эта дизъюнкция эксклюзивна, поскольку объединяет два понятия (высказывания) из которых истинно только одно — к р а с о т а.

Человек внешне может выглядеть уродливо, но при этом его внутренние, чисто человеческие духовные и душевные качества и проявления — прекрасны и достойны восхищения. Примеров тому в реальной жизни более чем предостаточно.

Несомненно, понятия красоты, как и понятия безобразного — многомерны, и, возможно, на каких-то глубинных уровнях организации связаны с энтропией материальных объектов мироздания. Тем не менее, в неумолимом движении от организации к хаосу мы, даже в нашей короткой человеческой жизни, успеваем столкнуться с вызовом энтропии — самим феноменом жизни и, прежде всего, с потрясающей красотой и многообразием ее проявлений. Да, в этой удивительной жизни полушутя, полусерьезно можно говорить и об эстетике безобразия, но одухотворённость красоты жизни — несомненно главенствует даже в чисто человеческой самооценке жизни, любви, добра и благородства.

Резюме

Прочитав последние строки этого эссе, терпеливый читатель почти наверняка задаст себе (и, разумеется, автору) вопрос: а где же, собственно, сама формула? Столь интригующее название и далее… несколько страниц рассуждений о феномене красоты, не более.

Но, даже просто рассуждая или размышляя о категориях красоты, человек уходит от обыденности и негативов окружающей действительности, а, погружаясь в сферу своей профессиональной деятельности, будет стремиться к воплощению более совершенного итога умственной или физической работы.

Сам феномен жизни, подаренной каждому из нас, достоин воплощения в самых совершенных, возвышенных и прекрасных творениях рук, ума и души человеческой. Это и есть искомая формула Красоты, соприкоснувшейся с Тайной…

А завершить это небольшое исследование феномена Красоты хотелось бы стихотворением в прозе…

…Мы часто говорим о Красоте… предметов, мыслей, музыки, движенья.

О красоте мгновенной озаренья. Что знаем мы ещё о Красоте?.

Вот амфора. Из вязкой, красной глины её гончар с любовью изваял, как Женщину — хранительницу жизни. В ней зёрна золотые и вино дождутся своего предназначенья. А может быть на жертвенный огонь струёй польётся розовое масло и в озареньи пламени возникнет фигура жрицы в дивном одеяньи.

О, как черты ее прекрасны! Как грациозны и легки её движенья! Здесь Женщина –хранительница Тайны, окутанная звёздным покрывалом.

Но разве только древняя Эллада нам подарила это восприятье прекрасного и вечного в Природе?

Прислушайся… Лесной ручей чуть слышно поёт свою затейливую песню. Птиц голоса и шелестенье листьев сливаются в мелодию рассвета. И в бусинах росы по нитям паутины вдруг рассыпаются сверкающие искры. Здесь утро, здесь рожденье новой жизни…

Вот полдень грозовыми облаками укрыть светило пробует неспешно. В раскатах грома чувствуется сила стихии, неподвластной человеку.

Но лёгкий ветер, налетевший с поля и пахнущий дождем, травой и пылью, уже смеётся над сердитой тучей и, ласковой рукой цветов касаясь, вдруг открывает синее окошко в высоком небе… Сноп лучей горячих, ударив в землю, радугой уходит за дальние луга и перелески.

О, сколько свежести и музыки, и света в волшебных струнах поднебесной арфы!

Аккордами наполнено молчанье торжественной, неповторимой мессы.

Но проблеск дальней молнии напомнит о краткости земного ощущенья. И неизбежным наступленьем ночи.

Здесь таинство рождающейся сказки… с туманами, кострами, светлячками. И с дрожью месяца, сорвавшегося в омут под дружный хохот ведьм, чертей, русалок.

Здесь звездами осыпан купол Храма. Здесь красота открывшейся Вселенной. И музыка уже совсем иная… зовущая к покою, размышленьям, к раскрытию волшебной партитуры Любви и Жизни, Смерти и Рожденья…

Смычки взлетают! Вот они коснулись волшебных струн — и звуки Увертюры врываются в сознание потоком, лавиной чувств, сметающих сомненья, зовущих жить, любить и жить в Прекрасное и Вечное Начало… всего во всем…от мига Сотворенья… — вот Истины и Красоты значенье!

DOI: 10.24411/2541-7673-2020-11113
При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТИПЕНКО Леонид Григорьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

ВОРОНИН Андрей Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

ГЕРАСИМОВ Никита Геннадьевич — премьер-организатор Школы Творчества в Подольске, внештатный научный сотрудник Института НПО, судебный юрист общей частной практики (Подольск, Россия).

ГУЩИНА Елизавета Васильевна — заведующая кафедрой гуманитарных и общественных наук Научного общества Частного общеобразовательного учреждения гимназии во имя Святителя Николая Чудотворца города Сургута (Сургут, Россия).

КОНОНОВ Иван Арсеньевич — телеведущий, продюсер, поэт, композитор, главный редактор Издательского Дома «Отечественные товаропроизводители»; автор песен «Левый берег Дона» и «Обожаю я тебя, обожаю»; лауреат премии Союза журналистов СССР, премии «Серебряный гонг» за вклад в отечественную тележурналистику; отмечен наградой Союза литераторов Европы и медалью А.Т. Твардовского, благодарственным письмом Комитета по культуре Государственной Думы за большой вклад в русскую культуру (Москва, Россия).

ЛАНОВСКИЙ Михаил Феликсович — кандидат философских наук, независимый исследователь (Москва, Россия)

ЛЕВИН Элизабета — доктор физико-математических наук, темпоролог, автор ряда научно-популярных книг и статей о времени; входит в состав директоров международного института изучения личности *Whole-Self Discovery & Development Institute* (Нидерланды), член ISST (International Society for the Study of Time) и ведущая раздела темпорологии в Институте Интегративных Исследований (IRI) (Хайфа, Израиль).

ЛИЛЬЕБЕРГ Ребекка Эриковна — кандидат философских наук, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Международного еврейского института экономики, финансов и права; сфера научных интересов: особенности современного культурного семиозиса и социокультурогенеза современного общества; процессы реструктуризации лингвистической матрицы современной культуры; особенности исторической эволюции современной массовой культуры (Москва, Россия)

НАУМОВА Татьяна Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Москва, Россия).

СТЕРХОВ Алексей Алексеевич — Почётный работник воспитания и просвещения РФ, преподаватель-исследователь, магистр, советник Российской Академии Естествознания, учитель высшей категории, методист высшей категории, методист, председатель Научно-методического совета Частного общеобразовательного учреждения гимназии во имя Святителя Николая Чудотворца города Сургута (Сургут, Россия).

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — кандидат педагогических наук, доктор философских наук (МВАК), профессор, Ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, член-корреспондент Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ЧЕРНОВА Надежда Михайловна — поэтесса, педагог, литературный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ЧУВИН Борис Тихонович — кандидат биологических наук, академик РАЕН, академик Европейской академии естественных наук, член Союза писателей России (Пушкино, Россия).

ABOUT THE AUTHORS

ANTIPENKO Leonid — PhD in Philosophical sciences, senior researcher in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

VORONIN Andrey — Grand PhD in Philosophical sciences, leading researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

GERASIMOV Nikita — the prime organizer of the School of Creativity in Podolsk, a freelance researcher at the Institute of Continuing Professional Education, a lawyer at the Podolsk Bar Association (Podolsk, Russia).

GUSHCHINA Elizaveta — Head of the Department of Humanitarian and Social Sciences of the Scientific Society in the Private General Institution of the Gymnasium in the Name of St. Nicholas the Wonderworker of the city of Surgut (Surgut, Russia).

KONONOV Ivan — TV presenter, producer, poet, composer, editor-in-chief of the Publishing House "Domestic Commodity Producers"; author of the songs "The Left Bank of the Don" and "I Adore You, I Adore"; Laureate of the USSR Union of Journalists Prize, Silver Gong Prize for his contribution to Russian television journalism; awarded with the award of the Union of European Writers and the A.T. Twardowski, a letter of thanks from the Committee on Culture of the State Duma for his great contribution to Russian culture (Moscow, Russia).

LANOVSKIY Michael — PhD in Philosophical sciences, Independent Researcher (Moscow, Russia)

LEVIN Elizabetha — Dr. Sc. is a writer, lecturer, scholar, and physicist. Her publications include popular-science books Celestial Twins, The Phoenix Clock, Opera PRKFV, Cartography of Emotions and Space-Time in Highly-Organized Biological Systems. She is a co-director of Whole-Self Discovery & Development Institute (Netherlands), a member of ISST (International Society for the Study of Time) and of the Integrative Research Institute (IRI) (Haifa, Israel).

LILEBERG Rebecca — PhD in Philosophical sciences, lecturer of the Department of general education disciplines in the International Jewish Institute of Economics, Finance and Law; research interests: features of contemporary cultural semiosis and sociocultural genesis of modern society; the restructuring processes of the linguistic matrix of modern culture; features of the historical evolution of modern mass culture (Moscow, Russia)

NAUMOVA Tatyana — PhD in Philosophical sciences, Senior Researcher in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

STERKHOV Alexey — teacher-researcher, master, teacher of the highest category, methodologist of the highest category, methodologist, Chairman of the Scientific and Methodological Council of the Private General Institution of the Gymnasium in the Name of St. Nicholas the Wonderworker of the city of Surgut; Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation; Advisor in the Russian Academy of Natural Sciences (Surgut, Russia).

CHERNOV Sergey — PhD in Pedagogic sciences, Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, editor-in-chief in journal "Philosophical school" (Moscow, Russia).

CHERNOVA Nadezhda — poetess, teacher, literary editor of the journal "Philosophical School" (Moscow, Russia).

CHUVIN Boris — PhD in biologic sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the European Academy of Natural Sciences, Member of the Writers' Union of Russia (Pushkino, Russia).

КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»

Журнал является полидисциплинарным и полиаспектным научно-практическим изданием, синтезирующим на своих страницах широкий спектр направлений и форм оригинальной творческой мысли, а по тематике он философский, культурологический, психологический и педагогический.

Миссия журнала «Философская школа»: объединение авторов, имеющих темы для содержательного дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в деле сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

Журнал не преследует иных целей, кроме указанных выше, в том числе и коммерческих, поскольку коммерциализация философии, науки, образования, культуры и религии не несёт под собой ничего, кроме уничтожения названных форм духовной жизни человека.

В журнале публикуются статьи на русском языке по направлениям: философия истории, философия культуры, философия науки, философия образования, философия веры, прикладная философия, история философии, в том числе, история русской религиозной философии, философия искусства, психология и педагогика, этика и эстетика, культура и искусствознание, философская поэзия и философская проза, а также научно-методологические работы по фундаментальным проблемам человека, природы и общества.

Приветствуются работы авторов, выполненные на стыке философии и науки; фундаментальные исследования, интегрирующие различные научные направления и подходы; статьи, раскрывающие ключевые проблемы современности; актуальные психолого-педагогические исследования, кроме тех, которые носят узкоспециализированный характер.

Для публикации в журнале принимаются научные статьи российских и зарубежных философов, учёных, педагогов, религиозных и культурных деятелей, а также статьи представителей творческих профессий: писателей, поэтов, критиков, публицистов, художников, выполненные в жанре эссе.

К изданию принимаются персонологические исследования творческой деятельности и творческого наследия выдающихся исторических деятелей, внёсших значительный вклад в развитие философии и религии, науки и образования, культуры и искусства.

При этом, главной доминантой издания является тема человека во всём многообразии его проявлений, его настоящего и будущего в нашем быстро меняющемся мире, в котором каждая личность за предельно короткий исторический период, меньший продолжительности одной человеческой жизни, проживает множество мировоззренческих эпох, таких эпох, которые в прежней истории человеческого рода принципиально не изменялись столетиями.

Журнал призван быть настоящей трибуной не только для маститых, но и для ещё совсем молодых авторов, творческая деятельность которых направлена на такие формы человеческого познания, как философия и религия, наука и искусство, культура и образование, а также на вопросы духовного, нравственного, творческого развития и совершенствования человека.

Журнал выходит в свет в печатном издании и в электронном издании. Электронное издание журнала представлено на официальном сайте Института Непрерывного Профессионального Образования: http://www.institutnpo.ru/zhurnal-filosofskaya-shkola-pdf

а также на следующих сайтах:

- НЭБ (РИНЦ): https://elibrary.ru/contents.asp?id=37315282
- ЭНБ «КиберЛенинка»: https://cyberleninka.ru/journal/n/filosofskaya-shkola

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Всем опубликованным в журнале статьям присваивается международный индекс DOI (Digital object identifier). Присвоение научному изданию (статье, монографии, диссертации) индекса DOI позволяет оперативно провести идентификацию научных публикаций автора, делает его публикации открытыми и доступными на популярных научных сайтах Интернет, способствует повышению цитируемости работ автора и, соответственно, повышает публикационный рейтинг учёного.

Объём журнала «Философская школа» и структура рублик диктуют наиболее приемлемый объём статей, принимаемых к публикации. Он должен составлять от 32 до 48 тысяч знаков. По согласованию с главным редактором принимаются статьи либо меньшего, либо большего объёма. В одном номере журнала возможна публикация одновременно нескольких статей от одного автора.

Не принимаются к публикации материалы, напоминающие автореферат. Автор должен продемонстрировать в статье не только хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ учёных, исследовавших его прежде, но привнести своей публикацией определённую научную новизну. Все статьи проходят проверку на плагиат.

К публикации принимаются статьи в формате Microsoft Word любой версии. Шрифт — Times New Roman. Параметры страницы: размер А4, книжной ориентации; поля по 2 см (сверху, снизу, справа, слева).

Красная строка — 1,25 см выставляется автоматически.

Параметры шрифта: шрифт Times New Roman, кегль 12; начертание обычное; междустрочный интервал — одинарный; **пробелы между абзацами не допускаются; перенос — не допускается.**

Инициалы и фамилия автора: форматирование по центру, пишутся с пробелом, жирным шрифтом, кегль 14, после фамилии точка не ставится.

Наименование статьи: форматирование по центру, кегль 14, жирный, основной. Например: После пробела — учёная степень и учёное звание (при наличии), наименование организации, которую представляет автор статьи, занимаемая автором должность: курсив, кегль 14.

Использование в текстах буквы **ё** — с целью соблюдения правил русского языка и для однозначного прочтения слов, содержащих букву ё.

Дефис и тире: в статье используется обычный короткий дефис: " - " и длинное тире: " — ". Длинное тире устанавливается следующим образом: нажмите и удерживайте "Ctrl" и нажмите "–" (минус) на калькуляторе клавиатуры.

Все иллюстрации, в том числе диаграммы, прилагаются отдельными файлами с разрешением не менее 300 dpi; имена файлов должны быть только в виде цифр, соответствующим порядковому номеру иллюстрации (001.png, 002.jpg, 003.eps, …); соответствующему файлу в тексте должна быть проставлена ссылка (Рис. 1, Рис. 2, Рис. 3, …).

Таблицы размещаются в самом тексте рукописи.

Сноски на литературу указываются в квадратных скобках: либо без указания страницы — [12], либо с указанием страницы — [15, с. 271], где первое число — это номер источника по списку литературы, а второе число — указание на номер цитируемой страницы.

Оформление списка литературы: **Список литературы** — шрифт жирный, кегль 14, форматирование по центру, далее после пробела список использованной литературы (по алфавиту), оформленный по ГОСТ 7.1-2003, кегль12.

Список литературы к статье должен содержать не менее 15 источников (книги, сборники, статьи). Желательно, чтобы автор включал в список литературы ссылки на статьи из предыдущих номеров «Философской школы».

Авторские тексты должны быть тщательно отредактированы. Оргкомитет оставляет за собой право не публиковать неотредактированные статьи, статьи не соответствующие указанным требованиям.

Аннотация и ключевые слова. К статье необходимо приложить аннотацию на русском языке, содержащую от 100 до 200 слов и список ключевых слов (строго 10 ключевых слов). Причём одно ключевое слово может быть составлено из одного, двух или трёх (но не больше) слов. Например, словосочетание

творческая жизнь гения — это одно ключевое слово. Аннотация обязательно должна содержать актуальность работы, описание её главной идеи и формулировку научной новизны.

Сведения об авторе публикуются в отдельной рубрике журнала. Здесь необходимо указать: фамилию, имя и отчество автора (полностью), учёную степень и учёное звание (при наличии), место работы (полное наименование без аббревиатурных сокращений) и должность, занимаемую автором, e-mail автора, почтовый адрес по которому автор хотел бы получить авторские экземпляры (два) журнала, дополнительные сведения, определяющие научные или иные достижения автора (при желании), а также научные интересы автора (при желании).

Статьи в электронном виде и направляются на электронную почту главного редактора журнала Чернова Сергея Васильевича: sv.chernov@institutnpo.ru

www.institutNPO.ru

Уважаемые авторы!

Соблюдая указанные правила оформления материалов, Вы в разы сокращаете сроки выхода вашей статьи из печати. Редакция заранее благодарит Вас!

Научное издание

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 11 2020

Научно-практический журнал

Автономная некоммерческая организация науки
и дополнительного профессионального образования
Институт Непрерывного Профессионального Образования

Шеф-редактор: *С.С. Антипов*
Главный редактор: *С.В. Чернов*
Председатель редакционного совета: *М.А. Пекелис*
Ответственный секретарь: *Э.М. Спирова*
Заместитель главного редактора: *В.А. Шейкин*
Литературный редактор: *Н.М. Чернова*

Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования
115093, Россия, Москва, 1-й Щипковский переулок, д. 20
Тел. +7 (499) 130-12-27; +7 (909) 640-91-17;
e-mail: sv.chernov@institutnpo.ru
www.institutNPO.ru

ISSN 2541-7673